

Тахтарев К.М.

Очерки по истории первобытной культуры. Первобытное общество. С приложением глав о тотемизме и экзогамии

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2003>]

[Публикация работы:]

Тахтарев К.М. 1924: Очерки по истории первобытной культуры.
Первобытное общество. С приложением глав о тотемизме и экзогамии.
Л.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
JAROSLAWL, RUSSLAND

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. Н.А. НЕКРАСОВА

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

301
T-24

617
Р. М. ТАХТАРЕВ

T24
А. Н. В.
ОБЩЕСТВО

19165 пр

Научно-
адресный

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ

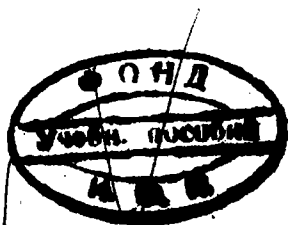
1332

ПЕРВОБЫТНОЕ
ОБЩЕСТВО

С ПРИЛОЖЕНИЕМ ГЛАВ О ТОТЕМИЗМЕ И РАСОВАНИИ

Издание 4-е

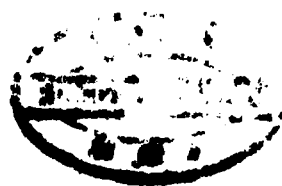

301
T-24
УЧЕБ. ФОНД

075252

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1924

ИБ ЯРГУ
фонд редкой книги

Гиз. № 6694.

Ленинградский Гублит № 11920
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
Государственной
Осн. фонд

Отт. 10.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ.

Со времени второго издания данной работы прошло уже десять лет. За это время за границей появилось не мало новых научных исследований в области изучения наиболее ранних общественных форм вообще, и в области изучения человека ранних веков камня Австралии, в частности. За замечательными научными исследованиями Балдуина Спенсера и Фредерика Гиллена (*The Native Tribes of Central Australia*. London. 1899 и *The Northern Tribes of Central Australia*) последовал целый ряд работ других исследователей общественной жизни исчезающего на наших глазах первобытного человека Австралии. Из числа этих работ и исследований нельзя, конечно, не упомянуть трудов известного немецкого миссионера G. Strehlow'a (*Die Aranda und Loritia-Staemme in Zentral Australia*. Frankfurt am Main. 1907—1908 г), а также и трудов Leonhardi. Нельзя не упомянуть и научных работ Northcote W. Thomas'a (*Native Tribes of Australia*. London. 1906. Его же—*Kinship organisation and group marriage in Australia*. Cambridge, University Press.), работ R. H. Mathews (*The totemistic system in Australia* и проч.). Таким образом, научное дело, начатое когда-то Альфредом Хауитом (Howitt) и Лоримером Файсоном (Fison), после трудов Балдуина Спенсера и Гиллена и новых трудов Хауита (A. W. Howitt—*The Native Tribes of South East Australia*. London 1904) разрослось в целую особую область знания дородового тотемического общества. Эта область знания в последнее десятилетие обогатилась новейшими трудами Балдуина Спенсера и Фредерика Гиллена, распространившими свои исследования на другие территории Австралии (Spencer & Gillen—*Across Australia*. 2. vols. London 1912). Их же новейшая работа—

The Native Tribes of the Northern Territory of Australia. London, 1914. Все это, конечно, неизбежно отразилось на общем состоянии современной этнологии, а отчасти социологии (генетической), сравнительной истории права и общественных учреждений, как об этом весьма убедительно свидетельствуют многие работы Эмиля Дюркгейма, Колера, Фрэзера Ланга, Ван-Геннепа, Леви-Брюля, Краулэ и многих других ученых юристов, социологов, этнологов, фольклористов и проч. Попытка выяснить происхождение тотемизма и общественного строя австралийских племен привлекла к себе внимание многих ученых и одно время была предметом ожесточенных споров между представителями различных теорий, дававшихся в объяснение изучаемых явлений. Особенно поучителен был в данном отношении спор между Эмилем Дюркгеймом и Андру Лэнгом по поводу происхождения и самого характера австралийского тотемизма и тотемических групп. В этом споре приняли самое живое участие и другие видные ученые, например, Ван-Геннеп, полемизировавший с Андру Лэнгом по поводу австралийского тотемизма. Изучение общественной жизни людей ранних веков камня Австралии приобрело особо важный научный интерес и отразилось на более общих работах по изучению истории развития человеческого общества и самых различных общественных учреждений. Это очень сильно заметно в новейших работах J. G. Frazer'a, в особенности на его многотомном труде—Totemism and Exogamy. London. 1911. Впрочем, и его более ранний труд по сравнительному изучению чародейств и религии—The Golden Bough. A study in Magic and Religion,—в особенности в новых изданиях, очень многим обязан австралийским исследователям. То же самое можно сказать и про некоторые работы Kohler'a в Zeitschrift für vergleichende Rechts wissenschaft, Дюркгейма—Les formes élémentaires de la vie religieuse. Le système totémique en Australie. Paris. 1912, Levy-Bruhl—Les fonctions mentales dans les sociétés intérieures. Paris 1910. Van Gennep—Totemisme et méthode comparative (Revue de l'Histoire des Religions. 1908), а также и про работы многих других авторов.

Новейшие научные исследования проливают не мало нового света на различные стороны общественной жизни первобытного человека Австралии, быт которого описан в издаваемом

очерке. Однако, исследования эти не меняют сколько-нибудь существенно те выводы, которые были сделаны автором на основании прежних исследований. Новейшие данные скорее лишь еще более подтверждают их правильность. Вот почему автор, несмотря на невозможность иметь под руками новейшие работы и свое желание дополнить новыми научными данными свой очерк, считает возможным выпустить его новым изданием в почти неизмененном виде, уступая насущной потребности в книге, давно уже вышедшей из продажи, но продолжающейся требоваться на книжном рынке.

К. Т.

Петроград.
Апрель. 1922.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ.

Тот факт, что в течение года разошлось предыдущее издание «Очерков по истории культуры», отпечатанных в количестве 15.000 экземпляров, до известной степени свидетельствует о растущем, и во всяком случае, о неубывающем в массах русских читателей интересе к научным знаниям, в частности об интересе к истории человеческой культуры. Это обстоятельство побудило Государственное издательство приступить к новому изданию книги, требующейся на книжном рынке.

К сожалению, переобремененный другою работою, я не имел времени дополнить некоторые главы предыдущего издания новыми научными материалами и соответствующими научными выводами. Выпуская книгу вновь в ее прежнем виде, я считаю, однако, необходимым несколько исправить недостаток предыдущего издания особым приложением, касающимся вопросов экзогамии и тотемизма, изложенных более полно в моей новой работе, которая печатается в настоящее время Государственным издательством под названием «Сравнительная история человеческого общества и общественных форм».

Кроме того, я одновременно пользуюсь случаем, чтобы исправить другой пробел, который имеется в предисловии к предыдущему изданию. Я не отметил в нем той тяжелой и быть может непоправимой потери, которую понесла научная этнология, а следовательно и история первобытной культуры, благодаря смерти одного из самых выдающихся и самоотверженных представителей этой области знания. Я имею в виду смерть проф. Мельбурнского университета, замечательного австралийского ученого исследователя Балдуина Спенсера, который вместе со своим другом Фредериком Гилленом впервые раскрыл

перед нами во всей ее полноте картину жизни наиболее первобытного человеческого общества, какое только доступно современным научным исследованиям. Известие о преждевременной смерти Балдуина Спенсера, умершего еще до окончания мировой войны, к сожалению, весьма запоздало. Но я все же предпочитаю сказать по этому поводу лучше поздно, чем никогда, как действительно об очень тяжелой потере для этнологии, генетической социологии и истории человеческой культуры.

Таких выдающихся и самоотверженных ученых исследователей наиболее ранних форм общественной жизни людей древнего каменного века, можно сказать, до появления Балдуина Спенсера мы не имели. Стоит вспомнить, что Балдуин Спенсер покинул свою кафедру в Мельбурнском университете, чтобы посвятить себя непосредственному изучению исчезающего на наших глазах первобытного общества палеолитического человека Австралии. Справедливость требует отметить, что в этом отношении он нашел себе не менее выдающегося помощника в лице своего друга Фредерика Гиллена, который прожил в среде туземцев Австралии более двадцати лет, приобретя своим сочувственным отношением к людям каменного века Австралии полное доверие с их стороны. Это обстоятельство в значительной степени облегчило Балдуину Спенсеру проникновение в их среду. Пользуясь прекрасною научною подготовкой, как в области этнологии, так и в области знания местных наречий, обладая всеми необходимыми научными средствами, Балдуин Спенсер явился в среду первобытного человека Австралии во всеоружии новейшей науки, одушевленный стремлением проникнуть в тайны жизни первобытного тотемического общества. И это ему удалось. Оба исследователя сумели так сжиться с людьми, в среду которых они вошли, сумели внушить к себе такое доверие, что были приняты в число полноправных членов австралийских племен и были посвящены во все наиболее сокровенные тайны первобытного тотемического общества, даже такие, которые очень часто остаются запретными и неизвестными многим его членам, не показавшим себя в достаточной степени достойными, чтобы быть посвященными в эти тайны старейшими. Оба исследователя, можно сказать, до известной степени жили продолжительное время одною жизнью с людьми каменного

века Австралии, присутствуя при выполнении самых таинственных их обрядов, непосредственно наблюдая самые интимные стороны их жизни и отношения. Плодом их непосредственного участия в общественной жизни палеолитического человека Австралии явились замечательные открытия, которые пролили яркий свет на наиболее первобытную ступень развития человечества, какую только мы можем изучать в настоящее время. Исследования Балдуина Спенсера и Фредерика Гиллена более чем раскрыли перед нами картину жизни первобытного тотемического общества во всей ее полноте. Они его обессмертили. Сфотографированное ими, оно будет жить вечно в представлениях будущих поколений цивилизованного человека, когда уже исчезнет с лица земли последний представитель первобытного человека Австралии. Будущие поколения смогут не только видеть перед своими глазами живые картины из жизни палеолитического человека Австралии, воспроизводимые с помощью кинематографической ленты, которою воспользовались австралийские исследователи, но и услышать его речь, воспроизводимую с помощью фонографической пластинки.

Балдуин Спенсер умер. Но не умерло дело, которое было начато Льюасом Морганом, Мак-Леппаном, Эдуардом Тайлором, Лоримером Файсоном, Альфредом Хауитом, которое нашло себе выдающихся продолжателей в лице Балдуина Спенсера и Фредерика Гиллена, научные исследования которых дали наиболее ценный материал для издаваемой книги.

К. Т.

18 Октября 1923 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Какая заманчивая задача—раскрыть отдаленнейшее прошлое человека и его первобытное состояние; выяснить всю историю человечества, историю его материальной и умственной жизни; проследить общий ход развития человеческого общества и различных общественных учреждений.

Сколько выдающихся мыслителей и ученых отдавали свои силы на разработку этих вопросов. И с какого времени! Древние историки, географы и естествоиспытатели—Геродот, Тацит, Плиний, Страбон—дали целый ряд в высшей степени ценных сведений о быте современных им варварских племен и народов. А древний обоснователь обществознания, Аристотель, на основании многочисленных, собранных им данных относительно настоящего и прошлого известных ему народов, стремится изучить общий ход политического развития человечества. Потом Лукреций, гениальный римский обоснователь материалистического миросозерцания, решается смелыми штрихами нарисовать всю картину развития мира. Стремясь раскрыть вместе с тем и историю человечества, Лукреций в нескольких словах изображает нам историю материальной культуры.

Прежде служили оружием руки могучие, ногти,
Зубы, камни, обломки ветвей от деревьев и пламя,
После того как последнее сделалось людям известно.
После того была найдена медь и порода железа.
Все-таки в употребление вошла прежде медь, чем железо,
Так как была она мягче, при том изобильней гораздо.

(Перевод Рачинского).

Таково было представление Лукреция о последовательной смене эпох камня, меди, железа. Своим проникательным умом Лукреций предвосхитил выводы позднейших ученых: Томсен и Нильсон своими научными исследованиями подтвердили представление Лукреция. Они подразделили историю человечества на палеолитический период, или ранние времена камня, т.-е. грубо обсеченных каменных орудий; на неолитический период, или новый век камня, точнее, на времена

лучше обделанных и полированных каменных орудий; на бронзовый век и век железный.

Выводы Аристотеля о строгой зависимости политического строя человеческих обществ от их образа жизни тоже нашли себе блестящее подтверждение в новейшее время.

К несчастью, стремительный поток диких толп варваров— вандалов, готов, всевозможных племен германцев, славян и финнов— уничтожил очаги древней цивилизации и загасил свет древней науки. С великим переселением народов начинается эпоха какого-то возобновленного варварства, как назвал средние века замечательный итальянский ученый XVIII столетия Вико. Забыты великие творения древних ученых и мыслителей. Неизвестен Лукреций. Затеряны гениальные произведения Аристотеля. Лишь среди арабов, достигших к этому времени гораздо более высокой степени культурного развития, некоторые произведения древней науки нашли как бы временное убежище.

Но вот и варварские народности, в свою очередь, начинают достигать известной ступени цивилизации. И, как бы взамен древних разрушенных городов, растут новые города, будущие гораздо более многочисленные центры цивилизации. Как и в древних городах Греции, в них, в свою очередь, начинают процветать торговля и ремесла, развивается сословие свободолюбивых горожан, развивается политическая жизнь в настоящем смысле этого слова. Стремление изыскать новые средства жизни, стремление ремесленников облегчить и усовершенствовать свой труд, стремление купцов отыскать новые источники богатств приводит к целому ряду замечательных открытий и изобретений. Предпринимаются дальние морские путешествия. Открываются целые новые страны, целый Новый Свет с его разными и до того времени совершенно неизвестными племенами и народами. Всевозможные искатели легкой наживы, запасшись достаточным количеством пороха и свинца, купцы и миссионеры устремились целыми толпами во вновь открытые страны. Появляются самые разнообразные рассказы о «диких» людях, о «дикарях». Большинство этих рассказов представляют собою самые поверхностные описания внешнего быта вновь открытых племен человека.

Образованный иезуит Лафито (1724 г.) прожил долгое время в качестве миссионера среди краснокожих Северной Америки. Он едва ли не первый стремится серьезно вникнуть во внутренний быт окружавших его «дикарей». Он серьезно изучает их обычаи. Он стремится понять и объяснить внутреннюю жизнь наблюдаемых им племен. Он открывает в презираемых до того времени «дикарях» людей, обладающих умом, живым воображением, чудною памятью, справедливым суждением о делах. Он стремится рассеять господствующие невежественные и самые дикие взгляды на отсталого в своем развитии человека. Лафито опровергает взгляд Гоббса на первобыт-

ное состояние человечества, как «на войну всех против всех». Он обстоятельно описывает общественный строй краснокожих, их обычное право, строго охраняемое их общественной властью. Он сравнивает их учреждения с учреждениями неразвитых народностей, описанных писателями классической древности.

В конце первой половины XVIII столетия Вико пытается положить начало новой исторической науке об общем ходе развития народов. Затем Бюффон стремится написать «Полную историю человека» и составляет описание всех известных в его время племен человека, разделяя их на четыре разряда по цвету кожи.

Несколько позже Кондорсе, благородный мыслитель и политический деятель Великой французской революции, первый решается, «на основании последовательного наблюдения человеческих обществ, проходящих различные ступени развития», показать общий ход «развития человечества в его стремлении к справедливости и к счастью». В своем гениальном «Наброске исторической картины развития ума человеческого» Кондорсе излагает всю историю культуры. На первой ступени цивилизации, на какой только удалось наблюдать человечество, оно представляется, говорит Кондорсе, малочисленным обществом людей, существующих посредством охоты и ловель. На этой ступени культуры люди умеют лишь грубо выделывать свое оружие и кое-какую утварь, строить или вырубать себе жилье. Но вместе с тем они обладают языком для взаимного выражения своих нужд и своих немногочисленных общественных понятий. Это—общество людей, живущих большими семьями, которые разрастаются и сливаются мало-по-малу в целые племена. Им известна первобытная форма правительства, и они подчиняются общим обычаям, которые служат им вместо закона. Вторую эпоху цивилизации Кондорсе характеризует кочевым бытом пастушеских народов. По мнению Кондорсе, эта вторая эпоха представляет собою переход кочевых племен к земледельческому образу жизни народностей. Эта эпоха совпадает с расслоением общества на три общественных класса: благородных господ, свободных и рабов. Третью эпоху Кондорсе определяет, как время развития земледельческих народов, продолжающееся вплоть до изобретения алфавита. Эта эпоха отмечается сильным разделением труда, обособлением ремесл от земледелия, началом торговли, возникновения городов и одновременным образованием новых классов ремесленников и купцов. Четвертая эпоха, по Кондорсе, характеризуется высоким развитием общества классического мира.

Кондорсе явно пытается положить основание особой науке о развитии общества. Но в его время было еще мало данных для ее обоснования, и смелая мысль Кондорсе осталась ждать лучших времен для своего осуществления. Между тем данные для понимания пережитых человечеством ступеней культуры умножались по мере того, как новые

и новые путешествия приносили дальнейшие сведения о «диких людях». Изучение быта этих последних давало возможность понять жизнь наших собственных отдаленнейших предков.

Одно за другим предпринимаются путешествия в Африку, Азию, Австралию и на острова Великого океана. Появляются всевозможные отрывочные сведения о племенах этих стран. Впрочем, несмотря на накопление большого количества самого разнородного материала, дело изучения первобытной культуры мало подвигалось вперед. Большинство сведений представляло собою различные отрывочные описания внешнего быта туземцев. Те же сведения, которые касались внутренней племенной жизни и различных общественных учреждений отсталых племен, таковы, что на них совершенно невозможно положиться. Эти сведения очень часто оказываются просто записью совершенно непроверенных рассказов, переданных с чужих слов, притом нередко непонятых и сильно извращенных. Зачастую это — настоящие вымыслы путешественников или плод фантазии миссионеров, которые обыкновенно смотрели на дикарей, как на каких-то падших существ. Кроме того, налицо почти не имелось ученых, которые смогли бы поставить изучение первобытной культуры на серьезную почву.

Лишь в середине прошлого столетия целый ряд выдающихся ученых кладет, наконец, начало той науке о развитии общества, которую так страстно стремился обосновать Кондорсе. Швейцарский ученый Бахофен, на основании свидетельства писателей классической древности, высказывает научное предположение о начальном полустадном состоянии людей. По его мнению, на этой ступени развития люди не знают брака в нашем смысле этого слова и ведут свою родословную по матери. Бахофен думал также, что этот счет родства по матери должен был сопровождаться и господством женщин или гинекократией.

Затем шотландский ученый Мак-Леннан и американец Льюис Морган, на основании многолетнего серьезного изучения быта отсталых племен, производят настоящий переворот в тогдашних понятиях о начальных ступенях развития человеческого общества и в значительной степени подтверждают предположение Бахофена. Библейское понятие о патриархальной семье, как об исходной точке развития человечества, является лишенным всякого научного основания. И совершенно напрасно Фюстель-де-Куланж и Генри-Сомнер Мэн стараются защитить устаревшие понятия, которые уже не совмещаются со вновь добытыми научными данными о «дикарях».

Льюис Морган показывает, что современной форме брака и семьи предшествовали совершенно иные формы. На основании данных, добытых австралийским исследователем Файсоном, Морган указывает на существование так называемого группового брака и предшествующие ему формы совершенно неупорядоченного полового общения.

Вместе с тем, на основании тех же данных, он открывает, что и родовой строй не есть еще начальная ступень общественного развития, как думали Фюстель-де-Куланж, Мэн и другие. Льюис Морган предполагает, что родовому строю предшествует форма дородового быта.

Англичане Леббок и Герберт Спенсер, швейцарец Жиро-Телон и наш соотечественник Максим Ковалевский идут по пути, указанному Морганом и Мак-Леннаном. «Ни один из усвоенных нами приемов исторического исследования, — писал Мак-Леннан в 1865 году ¹⁾ — не ведет нас так далеко в глубь прошлого, к тем почти первобытным формам жизни, как многие из тех форм, которые уцелели до нашего собственного времени. Данные геологии, конечно, говорят о разновидностях человека столь же неразвитых, как и некоторые из существующих в наше время; некоторые данные говорят, может быть, даже больше, чем это. Но в конце концов, данные эти не идут дальше сообщения нам того, какую пищу употребляли эти неразвитые разновидности людей, каким оружием они пользовались и каков был характер их украшений. Больше этого нечего и ожидать от геологических данных. Они вовсе не такого рода, чтобы могли сохранить нам средства судить о тех сторонах общественной жизни, которые всего дороже мыслителю, т.-е. о формах семьи, племенного устройства, хозяйственного и политического строя. Не таковы и данные, добываемые языкознанием относительно общественной жизни индо-европейцев до расселения их из области их первоначального обиталища. Эти данные языкознания являются, хронологически, самыми ранними данными, какими мы обладаем относительно общественного состояния человечества; они не могут, однако, ничего сказать нам о начале или о более ранней ступени развития цивилизации. Допуская даже правильность обобщений, при помощи которых филологи пытались восстановить общественный быт арийцев, мы находим, что этот народ, еще в неизвестные, незапамятные даже для преданий времена, находился почти на такой же ступени развития, на какой находятся пастушеские орды киргизов, ведущих в наше время почти такой же образ жизни, что и древние арийцы. Данные, говорящие о первобытной жизни, мы должны искать не у племен киргизского типа, а у племен внутренней Африки, у дикарей Америки, в горной Индии и среди племен, населяющих островные земли Тихого океана. У некоторых из них мы находим брачные законы неизвестными, систему семьи неразвитую и единственно признаваемым порядком родства — родство по матери. Вот эти-то факты наших собственных дней в известном смысле слова и представляют собою самый древний период истории. В обществоведении и правоведении «древнее» значит старое не по своей хронологической давности, а по своему неразвитию, т.-е. самое

¹⁾ J. F. Mac-Lennan. «Primitive Marriage». Edinburgh. 1865. p.p. 5—6.

отсталое, граничащее с началом развития человечества, принимается в данном случае, как начальная, отправная точка развития, а то, что стоит дальше всего от нее, считается самым новейшим».

Герберт Спенсер в своей обширной «Описательной социологии», с помощью нескольких ученых помощников, в 1873—81 г. г. пытается впервые собрать и привести в порядок весь накопившийся материал по изучению как начальных, так и позднейших ступеней развития человечества. В своем более позднем трехтомном сочинении «Основы социологии» он делает уже определенные выводы на основании ранее собранного материала. Одновременно подобную же работу собирания этнографического материала и обработку его производит в Германии Бастиан. Альбрехт Пост сосредоточивается на изучении развития первобытного права. Тайлор изучает первобытные верования и развитие первобытной религии. А целый ряд других выдающихся ученых предпринимает научные исследования быта тех или иных неразвитых народностей различных частей света. Вилькен изучает племена Малайского архипелага, Робертсон Смит—общественный строй и понятия бедуинов. Эллис—народности юго-западного побережья Африки, М. Ковалевский и Леонтович—кавказских горцев, Харузин—киргизов и лопарей, Серошевский—якутов и т. д.

Начинается серьезное изучение истории развития человеческого общества на основании известной классификации исследованных племен и народностей. В 1876 г. Герберт Спенсер делает первую попытку подобной классификации. На основании известной простоты или сложности общественного устройства того или другого изучаемого общества Герберт Спенсер делит все известные ему человеческие общества на три больших отдела: 1) простые общества, 2) сложные и 3) вдвойне сложные. Простые—это те из наименее оседлых племен, среди которых общественное разделение труда еще не развито сколько-нибудь значительно; у которых еще не существует расслоения на правящие и подневольные классы и не имеется правительств. Сложные общества, по мнению Спенсера, это полuosедлые и оседлые народы с более сложной организацией и разделением труда, расслаивающиеся на четыре и даже на шесть обособленных слоев населения. Вдвойне сложные народы—с еще более сложным общественным устройством. Герберту Спенсеру, однако, не удалось расклассифицировать доступные науке племена и народности должным образом, на основании его классификаций. У него в одном и том же разряде оказались самые различные по своему развитию племена и народы (австралийцы и каффы, готтентоны и гомеровские греки, средневековые варвары и афиняне и пр.).

В 1877 г. Льюис Морган печатает свое знаменитое сочинение «Древнее общество» (Ancient Society). В нем он рисует нам общий ход развития человечества. Он намечает целый ряд последовательных периодов дикости, варварства и цивилизации. Эти периоды отме-

чаются великими открытиями и изобретениями, каковы: открытие употребления огня, лука и стрел, выделка глиняной посуды, приручение животных, употребление железа и, наконец, изобретение письменности. Эти открытия и изобретения обуславливают собою постепенное развитие человечества из состояния первобытной дикости в состояние цивилизации. Блестящая картина развития человечества, начерченная Морганом, на основании истории культуры различных племен и народностей, страдала, однако, значительным количеством произвольных обобщений, для обоснования которых не было данных. Это послужило причиной тому, что схема Морганов не была принята другими учеными, хотя в Германии она стала весьма популярна. Это произошло оттого, что выдающийся обоснователь научного социализма, Фридрих Энгельс, пришел к заключению, что положения Морганов могут служить некоторым подтверждением материалистического понимания истории. По Моргану, новые открытия и изобретения клали начало новым эпохам цивилизации. И Энгельс сближал это мировоззрение со своим, согласно которому начало новым ступеням развития общества кладется развитием новых производительных сил и новыми формами производства.

Среди огромного большинства ученых взгляды ученого социалиста Энгельса не только не нашли себе поддержки, но были встречены прямо враждебно. Одни лишь сторонники материалистического понимания истории явились продолжателями положений, защищаемых Энгельсом. Из русских ученых крупным представителем этого материалистического направления был Зибер, написавший обстоятельный труд по истории первобытной экономической культуры. Немецкий ученый Липперт, неудовлетворенный, как и многие другие, системой Морганов, до известной степени приближался, однако, к экономическому материализму. Он придавал огромное значение хозяйственной стороне жизни людей и предлагал делить весь ход культурного развития человечества на ряд ступеней, соответственно степени удовлетворения человеком своих необходимых потребностей.

В это время главные стремления ученых начинают направляться на более обстоятельное изучение отдельных общественных учреждений. Датский ученый Старке и проф. гельсингфорского университета Вестемарк изучают формы брака и семьи. Они выступают против теорий Мак-Леннана, Морганов, Леббока и Спенсера. М. Ковалевский, наоборот, подтверждает взгляды этих последних. Спор происходит при деятельном участии представителей экономического материализма, которые выдвигают из своей среды целый ряд выдающихся исследователей—социологов и этнологов. Они вносят в изучение развития общества и истории культуры новые научные приемы исследования. Материалисты выдвигают на первое место производительные силы и формы труда, как основные моменты развития общественной жизни. Особенно они подчеркивают значение производ-

Очерки по истории первобытной культуры.

2

075252

ственных отношений. Гроссе изучает развитие семьи в связи с развитием хозяйственной жизни. Кунов изучает общественный строй государства инков в связи с господствовавшими в нем формами земледелия и землепользования. Гильдебранд изучает с той же точки зрения эволюцию обычного права. Сторонники экономического материализма критикуют и теории Моргана и Спенсера и расчищают почву для более правильного построения в недалеком будущем научной схемы развития общества.

Другие ученые, как Летурно, исследуют эволюцию целого ряда общественных учреждений: семьи, собственности, форм правления, эволюцию нравственности, искусства. Летурно спешит проследить историю разных общественных форм, пользуясь богатым материалом, добытым этнографами. Он, с своей стороны, предложил новую классификацию различных племен и народностей на основании их общественного развития. Анархия и родовая община, республиканское племя, аристократическое племя и монархия—вот, по мнению Летурно, основные ступени политического развития человечества. Для истории особых избранных народов он допускает еще одну ступень, а именно возвращение к республиканскому строю. Нечего говорить, что эта картина общественного развития, нарисованная Летурно, довольно поверхностного в своих выводах, не может быть признана удовлетворительной. И это, несмотря на то, что Летурно вполне верно понимал значение этнографического материала для выяснения периодов существования человечества. «Сравнительно с долгим временем существования человечества,—говорит Летурно,—исторический период представляет собою лишь одно мгновение... Этот исторический период соответствует лишь взрослому состоянию человеческих обществ. Но, чтобы быть вполне уясненным, этот период не может быть изучаем отдельно. Он должен быть освещен периодом юности человечества и его состояния младенчества. Единственно применение приемов этнографии сделало возможной науку о развитии общественности. Еще по сей день большое число человеческих обществ находится за пределами истории. Они представляют собою живую до-историю, т.-е. живое до-историческое прошлое человечества. Изучением их и должно начинаться всякое серьезное изучение общества».

Летурно предполагал какую-то особенную анархическую начальную ступень развития человечества и смешивал эту ступень с родовым строем. Это явно доказывает, что, несмотря на накопление огромного этнографического материала, у нас еще не имеется необходимых данных для понимания исходной точки развития общества. Различные племена северо-американских индейцев, полинезийцев и народностей Африки и Азии по своему культурному развитию уже далеко отстоят от первобытности. На основании изучения культуры этих народностей трудно было рисовать себе картину действительно первобытного общества. Между тем добытые этнографией данные до недав-

него времени ограничивались сведениями о племенах и народностях перечисленных стран. Племена внутренней Южной Америки оставались неисследованными должным образом, можно сказать, вплоть до изучения Штейненом племен внутренней Бразилии. А наиболее интересные для изучения первобытной культуры первобытные племена австралийцев только недавно еще начали подвергаться серьезным научным исследованиям.

Почему именно Австралия, а не какая-нибудь другая страна сохранила до наших дней наиболее первобытное общество? На этот вопрос прекрасно отвечает современный английский ученый Фрэзер. «Мы все знаем, — пишет он, — что из всех больших материков мира материк Австралии в одно и то же время и самый малый и самый обособленный. А потому и растения и животные Австралии в общем и менее развиты, и более отсталого (архаического) вида, чем животные и растения других материков. Благодаря подобным же обстоятельствам и человек Австралии оставался в общем, вплоть до наших дней, в самом первобытном состоянии как по своему образу жизни и общественному строю, так и по своему миру понятий. В борьбе за существование развитие зависит, главным образом, от соревнования: чем более многочисленны борющиеся, тем напряженнее соревнование, тем быстрее происходит развитие. Австралия, этот наименьший материк, взятый в связи с его природными свойствами, в особенности с его бесплодной и пустынной поверхностью большей части страны, всегда сам по себе служил преградой для роста населения и задерживал его развитие. Это особенно верно по отношению к внутренней Австралии. Она своим положением не только отрезана от всего внешнего мира, но и обособлена от остальной Австралии благодаря естественным препятствиям (горы, бесплодные пустынные местности). Поэтому, если где-нибудь в мире и есть идеальное поприще для антрополога, желающего изучить человека, стоящего на той самой низкой ступени развития, какая только доступна в настоящее время для нашего изучения, то такое идеальное поприще находится именно здесь, в Австралии».

Действительно, не только человек, но и животные и даже растения Австралии представляют собой довольно отсталые, архаические формы и очень сильно отличаются от животных и растительности других стран. Образование Торрессова пролива сказалось на животных и растениях еще сильнее, чем на людях. Из 12.250 видов растений, имеющих в Австралии, 7.550 видов встречаются только в Австралии и нигде больше. Их нет даже на Новой Гвинее. Австралийские животные не представляют большого разнообразия. Млекопитающих лишь около 160 видов. Большие сухопутные животные отсутствуют. Самое крупное млекопитающее Австралии это, как известно, кенгуру. И в области животных проглядывает та же особенность Австралии. В ней встречаются самые отсталые по развитию виды млекопитаю-

щих, например, сумчатые из которых многие больше нигде и не встречаются, кроме Австралии.

Туземное население Австралии сравнительно довольно однородно. «Для человека, прибывшего из Новой Гвинеи на северный берег Австралии,—говорит Кеане ¹⁾),—однородность туземцев бросается в глаза. Из области сильно смешанного населения, представляющего все оттенки перехода от чистокровного папуаса к изменчивому типу меланезийца, наблюдатель попадает на континент, где сразу же становится видным сильное природное сходство среди всех рассеянных групп первобытных обитателей материка. Это природное сходство, кроме того, так сильно выдается, несмотря на все местные различия, что туземцы любой местности повсюду немедленно же признаются за членов одной и той же семьи племен. Это сразу дает нам понятие, какой огромный период времени был необходим для развития этого в высшей степени обособленного туземного типа австралийцев». Кеане соглашается с предположением Howitt'a, что заселение Австралии ее туземцами должно быть отнесено ко временам, предшествовавшим современному распределению воды и суши. «Огромный период времени есть одно из условий решения вопроса,—повторяет Кеане слова Howitt'a,—сильная поддержка этому утверждению дается безусловно самородным и однородным характером австралийского языка» ²⁾). Наречия самых отдаленных друг от друга племен Curr.³⁾, равно как и многие другие лингвисты, считают родственными. Образ жизни, общественный строй и мир понятий племен самых противоположных местностей Австралии представляют собой много общего, хотя существуют и некоторые различия. Эти различия зависят от различных ступеней общественного развития, достигнутых различными австралийскими племенами, и объясняются тем, что «природные условия материка Австралии таковы, что группы племен, обитающие различные местности Австралии, были, как говорят Spencer и Gillen ⁴⁾),—в значительной степени обособлены друг от друга в течение долгого периода времени и за это время, без сомнения, развивались различным образом». И если мы возьмем уже в значительной степени обследованную восточную половину Австралии, то мы найдем следующее. Наилучше увлажняемой и наиболее богатой по своей растительной и животной природе полосе соответствуют и наиболее развитые племена туземцев. Чем более углубляемся мы в страну, идя по направлению к сухой центральной части Австралии, тем более отсталыми в своем развитии кажутся нам племена туземцев.

¹⁾ A. H. Keane—«Man Past and Present». Cambridge 1890 p. 146.

²⁾ Keane. Там же. 147.

³⁾ E. Curr. «The Australian Races». Melbourne-London 1886—7. т. I, стр. 1—35.

⁴⁾ Baldwin Spencer and F. J. Gillen—«The Native Tribes of Central Australia». London 1899 p., VII.

Что касается до влияния этнической среды соседей, то в этом отношении главное значение должно быть приписано тому влиянию, которое производится или, вернее, производилось племенами более развитыми на более отсталые племена. Но это влияние мало имеет значения. В своем образе жизни и во всей своей культуре ни одно племя австралийцев не поднялось выше дикарей неолитической эпохи, и потому между уровнем культуры различных племен Австралии чересчур уже большой разницы нет. Правда, север Австралии, в не очень отдаленное от нас время, начал посещаться малайцами. Но малайцы в общем оказали мало влияния даже на северные племена австралийцев, хотя весьма вероятно, что кое-где на севере отдельные малайцы оставались даже жить среди туземцев Австралии.

Совсем другое значение, как известно, имело открытие Австралии европейцами, в особенности путешествие Кука, который первый подал английскому правительству мысль сделать Австралию местом тюрьмы и ссылки. Первый транспорт ссыльных прибыл в Австралию в 1788 году, в Тасманию—в 1803 году. Скоро начали прибывать и свободные переселенцы. О последствии того и другого для перво-бытных жителей Тасмании и Австралии лучше всего говорят следующие цифры. В 1813 году Melville считал туземное население Тасмании в 20 тысяч человек. Но допустим, что это преувеличение, и примем цифры Hull'a, опубликованные им в 1866 году в Statistical Summary of Tasmania.

В	1817 году	считалось	7.000	тасманцев
»	1827	»	лишь 300	»
»	1837	»	» 97	»
»	1857	»	» 15	»
»	1865	»	» 4	»

И теперь прошло уже более 50 лет с тех пор, как умер последний тасманец. Тасманцы истреблены. Обстоятельства, при которых совершалось нередко это истребление, иногда прямо невероятны. Однако, здесь не место передавать ужасные подробности этого истребления.

Истребление австралийцев идет тоже с поразительной быстротой. Быстрота, с которою совершается исчезновение туземной расы, может быть вычислена по следующим фактам,—говорит A. L. P. Cameron ¹⁾.—«В 1868 году, в Западном Квинслэнде, в 150 милях от границ Нового Южного Уэльса, я видал собрание туземцев в 800 и 1.000 человек; а теперь мне говорят, на основании достоверных источников, что и во всей этой области нельзя найти даже $\frac{1}{2}$ приведенной цифры». «Туземное население Гипслэнда, когда эта область

¹⁾ A. L. P. Cameron Notes on some Tribes of New South Wales. См. Journal of Anthr. I 1855 d. 344.

была впервые в 1839 году заселена европейцами, было очень много-численное»... Я думаю, что вероятное число туземцев было между 1.000 и 1.500,—говорит А. W. Howitt ¹⁾),—«По правительственной переписи 1877 года в Гипслэнде оказалось 52 мужч., 41 женщ. и 66 детей туземцев». «Нельзя сказать, чтобы уменьшение числа туземцев—1.000 или 1.500 до 140 в течение 32 лет было удивительным»,—прибавляет Howitt. «Это лишь подтверждает весь прошлый опыт относительно судьбы туземцев, когда им приходится столкнуться с белыми. По всей Австралии одно и то же. И это лишь новый пример того, что происходит повсюду в мире» ²⁾). «Племя, численность которого, как я удостоверился в том сам, была 28 лет тому назад 900 человек, когда я впервые начал изучать быт туземцев, теперь только 17»,—пишет корреспондент Fison'a ³⁾).

«Лишь только белый человек устроился на богатых для пастбищ землях Викторин,—говорит Brough Smith ⁴⁾—как началось вытеснение туземцев из одного места вслед за другим для того, чтобы дать место крупному рогатому скоту и овцам вторгающихся колонистов, чтобы мог он кормиться безмятежно и обрастать хорошим жиром. Племена принуждены были, быть может, в первый раз за все свое существование, смешиваться друг с другом. Обычные условные границы племенных областей были уничтожены, старые обозначения их потеряли всякий смысл. Туземное население было смущено и наполовину обезумело под влиянием совершенно новых и необычных условий, в которые оно так внезапно и насильно было вовлечено. Туземцы кололи скот вторгающихся колонистов, крали их запасы, убивали их пастухов... Колонисты отвечали сторицей... и многие рассказы прошлого говорят не за европейцев. Ни ружье, ни пистолет, однако, не были таким действительным средством уничтожения туземцев, как болезни и пороки, принесенные пришельцами... Их спиртные напитки, заражение жен туземцев... скоро закончили дело разорения». Целые племена исчезли. Оставшиеся исчезают. Впечатление, произведенное на австралийцев этим нашествием европейцев, кажется, невысказанно передать лучше, чем следующими словами влиятельного члена одного племени западной Австралии. «Зачем вы, белые люди, приходите на своих кораблях в нашу землю и стреляете бедных людей, которые не понимают вас?—говорил Яган, глава племени Верхнего Лебеда (Upper Swan), обращаясь к Moore'y, главному прокурору английской колонии в Западной Австралии.—Слушай меня! Дикие люди не понимают ваших законов. Каждое живое существо, которое обитает страну, и каждый съедобный корень,

¹⁾ Lorimer Fison and A. W. Howitt. «Kamilaroi and Kurnai». Melbourne 1880. p. 181.

²⁾ Там же.

³⁾ L. Fison and A. Howitt. Там же, стр. 30.

⁴⁾ Brough Smith. «Aborigines of Victoria». I p. XVIII, XIX.

растущий на земле, есть достояние всех! Черный человек не объявляет ничего своим собственным, исключая своего оружия и своего имени! Дети растут на воле от рождения... Когда ребенок начинает владеть копьем, он мечет его во всякое животное, попадающееся ему на пути; а когда он становится мужчиной, его главное занятие — охота. Он не понимает, что те или иные животные или растения могут принадлежать кому-нибудь больше, чем другому. Случается, толпа усталых и голодных людей спускается с холмов и видит странных животных, которых вы называете овцами. Конечно, копья мечутся, и пир готов! А вы, белые, тогда идете и стреляете бедных людей!.. То же и с бедными голодными женщинами; они с рождения привыкли выкапывать каждый съедобный корень, и когда им случится проходить через посев картофеля, то невольно пускаются в ход их копалки, и появляется картофель, немедленно же исчезающий в их мешках. А вы тогда стреляете по женщинам!..» ¹⁾.

Австралийцы исчезают. «В более южных частях,—говорит проф. Baldwin Spencer и F. J. Gillen ²⁾),—где племена были в долгом соприкосновении с белым человеком, не только быстро уменьшается их численность, но и те туземцы, которые выживают, представляют собой лишь бледную тень своей расы, потеряв все или почти все обычаи и предания своей старины. Принимая во внимание распространение белого человека, можно сказать, что остается ждать уже сравнительно немного лет, и та же самая судьба постигнет остающиеся племена, которые, к счастью, находятся на слишком далеком расстоянии от поселений белых, чтобы быть затронутыми этим процессом вырождения. Как бы хорошо ни был расположен белый поселенец, его приход по необходимости и сразу же вносит разлагающее начало в среду, окружающую туземца. И в этот самый миг (прихода белого колониста) кладется начало вырождения туземца, как бы хороши ни были отношения между последними и вновь пришедшим. Полная возможность раздобыться платьем, пищей, табаком, а быть может также и ножами и топорами, в обмен за услуги, оказанные переселенцу, сразу привлекает окрестных туземцев к поселку, как бы незначителен он ни был. Молодежь, оказавшаяся под новым влиянием, освобождается от полезных ограничений, налагаемых стариками, которые в обычной жизни племени являются всемогущими. Суровые обычаи, упорядочивающие нравы, повиновение которым неизбежно в естественном состоянии племен, теперь отбрасываются в сторону, но вместе с тем не усваивается ничего, что бы могло хоть несколько заменить эти обычаи. Старики с тоскою в сердце смотрят, как молодые ни капли

¹⁾ Phillip Chauncey. Приведено у B. Smyth. Там же, т. II, стр. 228—229.

²⁾ B. Spencer and F. L. Gillen—«The Native Tribes of Central Austr.», p. 7—8.

не заботятся о священных заветах своих отцов и отказываются наотрез передавать их своим наследникам, в глазах которых эти священные преданья и заветы старины не стоят даже передачи. Порок, болезнь, затруднение своими привычными способами добыть себе пищу, которая отогнана колонистами на далекое расстояние, быстро уменьшают число туземцев, и когда остатки племен собираются около какой-нибудь миссии, при условиях, не имеющих ничего общего с обычными условиями жизни племени, то становится уже поздно узнавать что-либо об обычаях, которые когда-то управляли племенем... К счастью, доступ во внутреннюю часть материка не легок. Его климат очень сух, запас воды слишком ничтожен и необеспечен, чтобы в настоящее время было возможно быстрое заселение. Поэтому туземцы во многих частях Австралии в действительности еще пользуются полною свободою бродить по пространствам, в которых белый человек не решается жить. Среди этих племен могут быть еще найдены такие, которые крепко держатся понятий и обычаев своих предков».

Каковы же, однако, обычаи, понятия и общественный строй этих племен, которые своим настоящим образом жизни переносят нас в незапамятные, неизвестные, первобытные времена наших собственных отдаленнейших предков?

«Морган был вполне прав, когда говорил, что «австралийцы находятся на более низкой ступени развития, чем полинезийцы, и на гораздо более низкой ступени, чем туземцы Америки. По своему развитию они стоят ниже чернокожих Африки и приближаются к начальной ступени развития. В соответствии с этим общественные учреждения австралийцев должны приближаться к первобытному состоянию ближе, чем учреждения каких-нибудь других из существующих племен человека».

И действительно, поразительнейшие открытия новейших лет, совершенные австралийскими антропологами, не только раскрывают перед нами картину всей жизни наиболее первобытного из существующих человеческих обществ, но также дают целый ряд данных для построения начальной ступени развития человечества. Вместе с тем эти научные открытия требуют уже пересмотра многих из установившихся было в науке взглядов на происхождение учреждений наиболее ранней ступени развития общественности.

Научное исследование первобытных жителей Австралии было начато учениками Льюиса Моргана Файсоном и Хауитом. Но главная честь только-что упомянутых научных открытий выпала на долю новейших австралийских ученых исследователей: Балдуина Спенсера и Гиллена. Своим самоотверженным трудом и талантом они обеспечили на все будущие времена бесценные свидетельства о самых различных сторонах жизни наиболее первобытного общества. Их научные исследования впервые раскрывают перед нами богатейшую картину

внутренней жизни людей, стоящих на той ступени общественности, которая наиболее приближается к первобытности.

Для своего очерка первобытной культуры мы воспользуемся новейшими открытиями австралийских антропологов.

Мы считаем, что производительные силы людей и формы труда для обеспечения ими своих необходимейших потребностей имеют значение первичного условия, которое обуславливает как общественный строй данных людей, так и их мир понятий. Вместе с тем мы будем обращать наше главнейшее внимание не на внешнюю сторону первобытной культуры, а на общественную жизнь и на мир понятий. Ни на минуту мы не будем забывать, что предмет, изучаемый нами,— живое человеческое общество, хотя оно стоит на самой низшей ступени, какая только доступна для нашего изучения. Наша главная задача—воспроизвести с наибольшей точностью и наглядностью возможно более полную картину первобытного общества и его основных общественных учреждений. Выяснив их, мы постараемся проследить дальнейшую эволюцию этих основных учреждений, эволюцию, говорящую о вечной смене форм, о вечном развитии человечества.

В. Ф. М.

ГЛАВА I.

Наиболее ранняя ступень общественного и культурного развития человека.

Наука об ископаемых, палеонтология, свидетельствует о существовании человека в те времена, которые предшествовали еще современному распределению воды и суши. Мы не знаем, сколько времени потребовалось для того, чтобы места прежнего существования человека оказались покрытыми глубокими водами океана. Точно так же не знаем мы и того, как долго длилось то перемещение вод, которое сделало дно океана новым материком, на поверхности которого современные ученые производят свои раскопки. Но, конечно, в данном случае приходится думать не о нескольких библейских тысячах лет. Время, пошедшее на образование новых геологических слоев, покрывших собою остатки прежнего человека, определяется теми огромными изменениями, которые претерпела за это время поверхность земного шара и находящиеся на ней породы камней, растений и животных. За это время не раз на несшейся в пространстве земле происходило перемещение полюсов. Теплые страны постепенно становились холодными, холодные—теплыми. Растения и животные передвигались вслед за отступающей теплой полосой или гибли. Прежние материки скрывались под наступающими водами океанов. Прежние теплые страны покрывались полярными льдами. А в других местах происходило обратное: морские волны все более и более отступали от берегов, обнажая дно океана. Поверхность дна океана становилась новым материком. Из ряда огромных озер, которые остались на месте прежнего океана, образовались величественные реки. Огромные горные хребты разрушались под влиянием продолжительного действия воздуха и воды. И одновременно образовывались новые наслоения земли. Вместо прежних исчезнувших видов растений и животных нарождались новые. Вместо жившего когда-то и исчезнувшего человекообразного существа появился современный вид человека.

Но прежние обитатели земли исчезали не бесследно. Наиболее прочные части растений и животных сохранялись под покровом геологических слоев различной давности. Вместе с остатками вымерших растений и животных находим мы и остатки прежнего человека, современника мамонта и пещерного медведя. Многочисленные раскопки, произведенные во Франции, Англии, Германии, Австрии, России, Испании, Португалии и других странах, повсюду обнаружили следы существования человека в так называемый дилuviальный, или ледниковый период.

На какой же ступени развития находился человек в это время?

В местонахождениях, говорящих нам о наибольшей древности (периоды Шелль и Мустье), иногда отдельно, а чаще с остатками костей человека, мамонта, пещерного медведя и древнего носорога мы находим различные каменные остатки первобытной человеческой культуры: каменные орудия, главным образом, мивдалевидные топоры из осколков кремня, кварцита и пр., весьма грубо обсеченных, иногда лишь с одной стороны. В пластах более позднего времени (периоды Солютрэ и Маделэн) остатки мамонта попадаются реже; он, повидимому, уже вымирал в это время. Но следы существования человека делаются более разнообразными. Тут мы встречаем уже различные каменные наконечники копий, похожие по своей форме на лавровый лист. Каменные ножи и скребки уже вделаны в деревянные ручки. Наряду с каменными орудиями попадаются также и сделанные из рога и кости. Нахождение кострищ показывает, что употребление огня было уже известно и в древнюю эпоху камня, или палеолитический период, который до известной степени совпадает с ледниковой эпохой.

Появление некоторых предметов искусств, изображений мамонта, северного оленя и других рисунков, вырезанных на кости, завершает древнейший период камня и как бы оставляет переход к новой эпохе камня или неолитическому периоду. Остатки человека и человеческой культуры в эту эпоху много богаче и разнообразнее: наконечники копий и стрел, хорошо сделанные каменные ножи, топоры, хорошо обсеченные с обеих сторон, иногда из полированного камня с рукоятью из дерева и кости. К этой же эпохе относятся и так называемые кухонные остатки или Kjökkenmöding-и, открытые сперва в Дании, а потом и в других местностях. Это—невысокие кучи всякого мусора, которые покрывают собою площади в полсотни квадратных аршин. В них находят следы древних кострищ, кости различных животных, раковины, многочисленные каменные орудия и изделия из кости и даже глиняную посуду и различные украшения—кольца, браслеты, бусы и пр. Такие же предметы находятся и в древних местонахождениях так называемых свайных построек, которые были открыты сначала в Швейцарии, а затем и в России и в других странах.

Все эти предметы говорят нам о человеческой культуре огромной давности. В особенности это следует сказать о предметах, относящихся к древнейшему — палеолитическому — периоду камня. Однако, как ни древни все эти каменные орудия, они свидетельствуют нам едва ли о более высокой ступени развития культуры, чем та, на которой находятся современные австралийцы, особенно недавно вымершие тасманцы. Многие каменные орудия тасманцев обсечены только с одной стороны. Их форма менее правильна, чем та, какую придавал своим орудиям древнейший (палеолитический) человек Европы. Они держали свои орудия просто зажатыми в руке, т.е. именно так, как предполагается, держал свои орудия первобытный человек Европы. Генри Линг Рот обстоятельно изучил культуру тасманцев и показал степень ее первобытности. Это дало возможность Тайлору сказать: «Если где-нибудь и оставались до новейших времен люди, образ жизни которых мало изменился со времен ранней эпохи каменного века, то, кажется, такими людьми являются тасманцы. Они рисуют нам жизнь человека, стоящего близко к самому низкому из известных нам уровней культуры». К несчастью, истребленные белым человеком тасманцы уже потеряны для науки. Исчезающие на наших глазах австралийцы стоят на несколько более высокой ступени развития, чем тасманцы. Многие этнологи а в том числе Кунов, считают и австралийцев представителями палеолитического человека. Во всяком случае, они находятся не на более высокой ступени развития культуры, чем переход от палеолитического периода к неолитическому. Сравнение австралийской культуры с культурой первобытного человека Европы показывает нам огромное сходство. И если орудия тасманцев разъясняют нам, как палеолитический человек, современник мамонта, пользовался своими орудиями, то жизнь еще не вполне истребленных австралийцев дает нам возможность изучить и понять всю внутреннюю жизнь первобытного человечества.

Каких только догадок и предположений не делалось относительно первобытного состояния человечества. Одни, по примеру Аристотеля, считали человека общественным животным и предполагали, что человек с самого своего появления жил небольшими группами родичей. Другие, следуя еврейским священным преданиям, думали, что первоначально человек жил какими-то рассеянными, беспечно-счастливыми парами, подобно библейским Адаму и Еве. Третьи, подобно Гоббесу, утверждали совершенно обратное. Они допускали, что первоначально люди вели рассеянный образ жизни; что это было состояние никогда не прекращавшейся вечной вражды, войны всех против всех.

Наши сведения относительно образа жизни первобытного палеолитического человека Европы ограничиваются тесным кругом сведений об его материальной культуре. Относительно общественных

сторон его жизни эти сведения не говорят почти ничего. Серьезное же изучение тасманцев и астралийцев началось сравнительно очень недавно. Поэтому нет ничего удивительного в том, что споры о первобытном состоянии человечества не прекратились до сих пор. Еще находятся ученые, которые, по примеру Вестермарка, утверждают, что люди вначале вели «одинокий образ жизни». Однако, огромное большинство современных этнографов, этнологов и социологов считают подобное утверждение предположением, или гипотезой, лишенною всякого научного основания. И в самом деле, внимательное изучение самых отсталых, самых неразвитых разновидностей человека, наиболее приближающегося по своему образу жизни к первобытному состоянию, не дает решительно никаких сколько-нибудь веских данных, которые могли бы подтвердить такое предположение. Как раз наоборот. Изучение быта австралийцев красноречиво свидетельствует об общественной жизни людей ранних веков камня. Еще и в наше время они живут небольшими бродячими обществами. Эти бродячие общества состоят из нескольких десятков мужчин, женщин и детей; они бродят в вечных поисках за своею растительною и животною пищею и называют себя общим именем какого-нибудь определенного животного или растения. А некоторые из сохранившихся и посейчас у австралийцев обычаев широких брачных общений переносят нас к какому-то еще более первобытному, полустадному состоянию человечества. О том же повествуют и древнейшие предания австралийцев о сказочных временах Алчеринга.

Каким же образом, спрашивается, из первобытного полустадного состояния человечества развилось современное первобытное общество австралийцев? Чем была обусловлена такая перемена? — Внимательное изучение различных сторон общественной жизни австралийцев в значительной степени разъясняет этот в высшей степени интересный и важный вопрос.

Чем, спрашивается, обусловливается развитие всякого человеческого общества? — Его образом жизни. А образ жизни зависит, с одной стороны, от усвоенных им способов добывания себе жизненных средств; с другой стороны, он зависит от окружающих условий внешней среды — географической, растительной и животной и от этнической среды соседей. Первобытный бродячий образ жизни палеолитического человека не допускал ни в каком месте скопления большего числа людей, чем то, какое могло прокормиться с помощью самых первобытных орудий и самых первобытных способов охоты, ловель, собирания дико-растущих плодов, съедобных корней и пр. Эти первобытные способы добывания пищи раньше или позже — это смотря по окружающей среде, но всегда и всюду неизбежно ставили предел дальнейшему нераздельному, совместному существованию данной размножающейся бродячей группы людей. В жизни каждой такой группы наступал момент, когда уже никакая новая, даже

самая богатая растениями и животными местность не могла прокормить всех членов этой группы при данном состоянии их производительных сил. Наступление такого момента перенаселения или, точнее, перероста данным человеческим обществом своей предельной величины приводило к естественному и неизбежному распадению бродячей группы на две или на несколько групп меньшей величины. Эти последние тотчас же расходились в разные стороны в поисках за недостающими им средствами существования. В одних случаях это распадение одной группы на несколько групп было связано с наступлением скудного времени года. Тогда это распадение было временным. Лишь только наступало изобильное время года, полустадные бродячие группы сходились вместе. В других случаях расхождение групп оказывалось более постоянным. Некоторая родственная связь, существовавшая между разошедшимися в разные стороны группами, постепенно терялась. Каждая такая группа современем размножалась и, в свою очередь, переростала численность совместного существования людей, допускаемую их образом жизни; их первобытные способы добывания жизненных средств не давали им возможности совместно жить и питаться в известной местности. Таким образом появлялись все в новых и в новых местах бродячие группы первобытного человека. Как величина этих групп, так и степень их расхождения друг от друга обуславливается степенью изобилия данной страны растительною и животною пищею. В местностях богатых первобытный человек может жить более значительными бродячими обществами; в местностях со скудным продовольствием небольшим группам людей приходится распадаться чаще и расходиться на значительные расстояния. В этом смысле слова мы, конечно, можем говорить о первобытном рассеянном состоянии человечества. Но, называя это состояние рассеянным, мы должны помнить, что в данном случае дело идет о раздельном существовании первобытных человеческих обществ, а не отдельных людей.

Но процесс расхождения бродячих групп и их неограниченно бродячий образ жизни, в конце концов, должен был ограничиться сам собой; как ни велики были пространства, на поверхности которых бродили данные группы, они, однако, в конце концов, начинали повсюду наталкиваться друг на друга. Это обстоятельство приводило всегда и самым естественным путем к изменению прежнего неограниченно-бродячего образа жизни. Прежние ничем не ограниченные странствования бродячих групп в поисках за животной и растительной пищей по необходимости начинали ограничиваться определенными областями большей или меньшей величины. Новые группы, происшедшие от дробления какой-либо старой группы, теперь оказывались принужденными бродить в пределах той же области, по которой странствовала группа, от которой они произошли. Уже одно это обстоятельство влияло на то, что удерживалось и развивалось

чувство некоторого родства между группами, которые произошли от дробления одной и той же материнской группы. Эта родственная связь проявлялась в том, что группы общего происхождения относились друг к другу несколько иначе, чем к группам им чуждым, к группам иного происхождения. Родственные группы могли, по временам, особенно при наступлении изобильного времени года, сходиться вместе для совместного питания и широких брачных общений. Это еще более способствовало удержанию связи между группами общего происхождения. Конечно, при первом же наступлении недостатка продовольствия, особенно при наступлении скудного времени года, группы эти должны немедленно же разбредаться в разные стороны в поиски за своей пищей.

Странствуя продолжительное время по какой-либо определенной местности, бродячая группа, конечно, питалась преимущественно тем родом пищи, который она, главным образом, могла находить в этой местности. А это приводило к тому, что важнейшим делом каждой такой группы становилось обеспечение себе продовольствия какого-нибудь определенного рода. Так, например, важнейшим делом одной группы становилось обеспечить себе пищу, состоящую из животного кэнгуру; другая группа должна была обеспечить себе тот или другой сорт птицы или рыбы; третья — корни или семена того или другого растения. Таким путем одна бродячая группа как бы превращалась в охотников за кэнгуру; другая — в ловцов того или иного сорта рыбы; третья — в собирателей корней или семян. Само собою разумеется, что способы добывания пищи и постоянное общение с природой должны были оказать неотразимое влияние на весь склад понятий первобытных людей. В уме их человек как-то поразительно смешивался с другими животными и растительными существами. И нет ничего удивительного в том, что при подобных обстоятельствах отдельные бродячие группы людей, целиком поглощенных заботами об обеспечении того или другого рода продовольствия, получали в зависимости от этого рода и свое собственное наименование.

Из всего вышесказанного ясно видно, какое огромное значение в развитии человеческого общества имело первое ограничение его первоначального, неограниченно бродячего, полустадного образа жизни определенной областью. Событие это может быть названо явлением, которое одинаково знаменовало собою как конец начальной ступени общественного развития человека, так и начало новой ступени развития, которая характеризуется тотемическими бродячими группами человека раннего периода камня. До замечательных новейших работ таких австралийских исследователей, как Хаунт, Балдуин Спенсер, Гиллен и Рот, у нас не могло существовать никакой уверенности в том, что мы когда-нибудь в состоянии изучать столь отдаленную от нас ступень развития человеческой культуры.

Обратимся же к более обстоятельному рассмотрению образа жизни людей, которые называют себя, смотря по имени своей бродячей группы, то «людьми-кэнгуру», то «людьми-ящерицами», то «людьми-травяного семечка» и т. д. Внимательное изучение их образа жизни раскроет перед нами поразительную картину живого первобытного общества, которое до самого последнего времени было предметом стольких догадок.

Г Л А В А II.

Бродячий образ жизни австралийцев.

А. Понятие о тотемической группе и племени.

Австралийское первобытное общество, как уже было замечено, состоит из отдельных бродячих групп людей, называющих себя именем какого-нибудь растения или животного. Каждая такая группа считается обладательницей определенной области, по которой она бродит. Таким образом, одно пространство страны оказывается во владении бродящей по нем группы, которая зовет себя «людьми-кэнгуру», другая местность принадлежит «людям-эму», третья — «людям-ящерицам» и т. д. Каждая подобная группа ведет образ жизни, весьма независимый от других, происшедших от распада одной когда-то существовавшей и разросшейся группы.

Между группами одного происхождения и говорящими на одном и том же наречии сохраняется родственная связь; совокупность таких групп образует то, что английские ученые зовут австралийским племенем.

Не только у австралийцев, но и у племен, стоящих на более высокой ступени развития, встречаются обозначения подразделений племени именами животных и растений. Лонг первый сообщил о том, что такое обозначение подразделений племени известно у североамериканских индейцев племени Ojibway под именем тотем (totem) или от-оте-м, оте-отем. Слово «оте» на наречии племени Оджибуей значит «род», клан; а слово «отем» значит местоимение «его». Говоря про чей-нибудь род, обыкновенно говорят оте-отем, т.-е. его род; кит-отем, — т.-е. твой род; нинд-отем — мой род и т. д.

Пример австралийцев показывает, что тотем в том широком общем значении, в каком употребляется теперь это слово, может вовсе и не означать собою рода, клана. Это слово может вовсе и не означать собою группу соплеменников несколько иного характера, каковы так называемые тотемические группы австралийцев. Такие группы носят имена какого-нибудь животного или растения. Этот

факт показывает, что тотемические обозначения возникают не с переходом к родовому строю, а гораздо раньше, еще до перехода к родовому быту. Это очень важно удержать в памяти, ибо в дальнейшем изложении слова «тотем», «тотемический» будут употребляться не в американском, а австралийском значении слова.

Бродячие группы туземцев, носящие названия различных тотемов, принято в австралийской антропологии называть местными и тотемическими группами. Пространства племенной области, по которым бродят местные тотемические группы, бывают очень различны по своей величине. Балдуин Спенсер и Гиллен приводят в пример одну тотемическую группу из племени Арунта. Эта группа людей «Личинки Уитчетти» состояла в 1899 г. из 40 человек (мужчин, женщин и детей). Местность, обладательницей которой считается эта группа, занимает пространство около 100 кв. верст. Эта группа из крупных. Бывают и меньше.

Численность племени, т.-е. совокупности всех родственных тотемических групп, тоже различна. Так, племя Диери, взятое вместе с соседними «племенами» (вероятно, отдаленными тотемическими группами этого же самого племени), по мнению Гейсона, состояло из 1.030 человек, прежняя численность племени, обитавшего в Гипслэнде, по мнению Хауитта, доходила до 1.000 — 1.500 человек. Хауитт считает численность австралийских племен очень различной, от 100 и даже менее душ до нескольких тысяч человек.

Плотность бродячего населения тоже очень различна и находится в зависимости от обилия в данной местности воды, растительной и животной пищи. Например, в области Аллиских Родников приходится около одного человека на каждые три квадратные версты. Впрочем, едва ли можно полагаться на эту цифру. Да и вообще едва ли можно вычислить плотность бродячего населения в местностях, не заселенных белым человеком, в областях тотемических групп, уцелевших от его разрушительного влияния.

Очень распространен взгляд, что так называемые племена австралийцев находятся в постоянной междуплеменной вражде. Однако, австралийская действительность не подтверждает такого взгляда. «Как общее правило, говорят Б. Спенсер и Гиллен, туземцы расположены друг к другу хорошо. Эта дружелюбность в кругу своего собственного племени подразумевается сама собою. Впрочем, и там, где два племени приходят во взаимное соприкосновение, т.-е. на границах своих областей, и там поддерживаются дружественные чувства между членами соседящих племен. Чтобы одно племя постоянно враждовало с другим, этого не бывает здесь, по крайней мере, поскольку это касается племен внутренней Австралии. Время от времени, конечно, происходят столкновения между членами различных тотемических групп, которые могут принадлежать к одному и тому же племени или к разным».

Доктор В. Рот ¹⁾ рассказывает о сильном развитии обмена как между соплеменниками, так и иноплеменниками. Предметами обмена служат всевозможные вещи: разные предметы проводольствия, оружие, украшения и пр. По словам Рота, у туземцев внутреннего Квинслэнда существуют издавна, с незапамятных времен, особые излюбленные пути сообщения, которые идут вдоль линии родников и источников и ведут из одной племенной области в другую. Такие общепризнанные пути нередко отмечаются даже особыми путеводными знаками. Конечно, самым обычным путевым знаком служат следы ног раньше прошедших по данному пути людей. Идя по такому общеизвестному пути, туземцы считают себя в безопасности и часто проводят в дороге не только дни, но и недели и даже месяцы. Вряд ли такой порядок дел мог бы существовать, да еще с незапамятных времен, если бы пресловутая междуплеменная вражда австралийцев не была бы, в значительной степени, вымыслом поверхностных наблюдателей.

Для людей, живущих охотой и ловлею всевозможных животных и собиранием съедобных корней, плодов, ягод, семян и проч., пространства земли, на которых водятся эти животные и растительная пища, являются первою необходимостью. Поэтому нисколько не удивительно, что даже общества человека, находящиеся на самой низкой ступени развития, вроде современных австралийских тотемических групп, предъявляют свои права на пространства, по которым они бродят в поисках за животной и растительной пищей. Племенная область очень хорошо известна. В главном стане, говорит доктор Рот, или в сборном месте всего племени, равно как и в окрестности главного стана, каждый естественный земельный знак или предмет, которым можно воспользоваться в качестве земельного знака, имеет свое имя; песчаный холм, каждая гора, родник, извилина, реки, балка, каждый овраг, большое дерево, словом, все и вся, что сколько-нибудь отличается от обычного и окружающего, — имеет свое особое название.

Определенные теми или иными пограничными знаками (реками, скалами, озерами и проч.), кормовые области соплеменных тотемических групп являются их общественною собственностью. Без позволения их «стариков» никто из чужих не может вступить на их почву без риска за свою жизнь. Но если путешественники, будь они какого угодно племени, следуют в точности обычаям, установившимся на случай перехода через чужую землю, то им нечего бояться за свою жизнь: они находятся всегда под защитой соплеменников их тотемической группы.

¹⁾ W. E. Roth — «Ethnological Studies among the North-West Central Queensland Aborigines». Brisbane.

Б. Повседневная бродячая и становищная жизнь австралийцев.

Бродячие группы австралийцев постоянно передвигаются с места на место, однако, всегда держась границ той страны, которую каждая из них называет своею. Приходится двигаться то к речкам и рекам, где можно наловить рыбы, то к местам, которые служат пастбищами для кэнгуру, то к чаще леса, чтобы раздобыть материал для изготовления оружия и орудий, то к местам, где в известное время года созревают плоды хлебного дерева.

Не следует, однако, думать, что эти передвижения совершаются группами в их целом составе. «Что касается до подразделений племени, говорят Спенсер и Гиллен, то их члены обыкновенно бродят небольшими группами в одну или две семьи; например, два или несколько братьев со своими женами и детьми бродят по области своей тотемической группы, останавливаясь и располагаясь становищами у излюбленных мест, где имеются источники воды, а следовательно, животная и растительная пища, которая позволяет им удовлетворять свои потребности».

Эти постоянные передвижения соплеменных тотемических групп находятся в самой тесной зависимости от истощения животной и растительной пищи в данном месте и совершаются по решению наиболее старых и влиятельных членов групп. Самый влиятельный из этих «стариков» естественно становится в данном случае общим руководителем или главарем. «Когда главарь, по совещанию с советом старейших, определил это новое место, говорит Броу Смит, то рано утром об этом дается знать по всем шалашам. Предметы, необходимые в пути, несутся с собою; предметы же другого сорта остаются спрятанными в покидаемых шалашах или прячутся в дупла деревьев, под камни, в кусты... Нагруженные своим оружием и снарядами, своими плетенками и шкурами, они пробираются через чащу небольшими группами. Мужчины идут обыкновенно с мужчинами, женщины с женщинами. Несмолкаемая болтовня и шум, подчас громкие окрики мужчин развлекают идущих. Иногда путь прерывается для охоты. При этих перерывах женщины и дети обыкновенно оставляются под защитой двух-трех мужчин, остальные охотятся». При таких переходах женщины обыкновенно идут позади с детьми. Они несут свои плетенки и другую поклажу. Мужчины же идут впереди, неся оружие.

Беглый сильно-поселенец Вильям Беркле был найден в бессознательном состоянии соплеменниками одной тотемической группы, которая обитала по прибрежной полосе, где теперь Виктория. Он был принят в число членов группы и прожил с ними 32 года. Он дает очень хорошее представление о постоянных передвижениях тотемических групп и вообще о бродячем образе жизни австралийцев.

«Теперь я уже начал понимать их язык, пишет Беркле. Мы сперва сошлись с племенем (тотемической группой) Бенгали и пошли в ее

кормовую область. Каждое племя (группа) обладает своей кормовой областью, которая, по мнению соплеменников, унаследована от предков. Здесь мы построили себе шалаши и набили множество кэнгуру... Пробыв в этой кормовой области в течение нескольких месяцев, сколько — не помню, мы опять двинулись в путь в новую местность, так как запасы дичи начинали уже истощаться, благодаря нашей непрестанной охоте... После продолжительной стоянки на новом месте к нам прибыл вестник с приглашением посетить одно очень большое озеро в несколько миль в окружности. На расстоянии 4 миль от берега расположен маленький остров, величиной в две кв. мили. До этого острова легко добраться с одной стороны озера, воды тут только по колено; высоко поднимающаяся отмель тянется к острову и образует собою нечто вроде перешейка. На этом месте мы нашли бесчисленное множество лебедей и других диких птиц. Мы построили наши шалаши в некотором расстоянии от другой группы соплеменников, которые пригласили нас посетить их. И здесь у нас было столько лебяжьих яиц, что мы не могли их потратить. По истечении первого дня, проведенного в новой местности, пригласившие нас сказали, что они возьмут нас с собою и устроят корроббори (т.-е. празднество с плясками и пением) после того, как мы посетим остров. Прибыв туда, мы нашли, что он буквально покрыт яйцами, так что мы очень скоро набили ими свои плетенки. Наши друзья, в области которых мы находились, позволили нам первым наполнять плетенки, а сами наполняли свои потом. Так жили мы в течение нескольких дней и каждую ночь имели корроббори. Наконец, наши друзья покинули нас и, очевидно, с большой поспешностью. Но я не мог понять, по какой причине. По их приемам я предполагал, что, быть может, между ними случилась какая-нибудь распря в тот день, когда я не ходил на остров. На следующий день наши женщины отделились от мужчин и изукрасили себя белой глиной. Мужчины изукрасили себя охрой и перьями эму, прикрепленными к бедрам. Сами, как всегда, были совершенно голы». Затем последовали пляски, закончившиеся дракой на почве мести. «После того мы пошли в одно место, до которого было около 40 миль. Это место находится около озера в 10 миль окружностью. Переход занял несколько дней, так как мы охотились всю дорогу. Мы остановились около источника пресной воды, так как озеро было солоноватое. Около него находилась большая равнина. Мы наделали сетей из набранной древесной коры и наловили множество раков. Здесь жили мы несколько месяцев в мире и изобилии, а потом пошли к берегам другого озера. До нашего ухода из этого нового места к нам пришел вестник. На руках у него накрашен целый ряд полос, означавших число дней, необходимых для того, чтобы мы могли достичь области, из которой он пришел. Целью предложенного посещения был взаимный обмен запасами угрей и корней. Было установлено, что переход возьмет четырнадцать дней. Мы несли

нашу рыбу в шкурках кэнгуру и достигли назначенного для встречи места, где нашли около восьмидесяти мужчин, женщин и детей. Самый обмен происходил следующим образом: двое мужчин с каждой стороны приносили угрей и корни на длинных кусках коры, переноса их на голове с одной стороны на другую, пока все количество не было обменено. Вечером было величественное корроббори, а на следующее утро драка, потому что одна из женщин бежала с посторонним мужчиной, покинув своего мужа. Дело кончилось тем, что ее ранили довольно сильно копьем. После

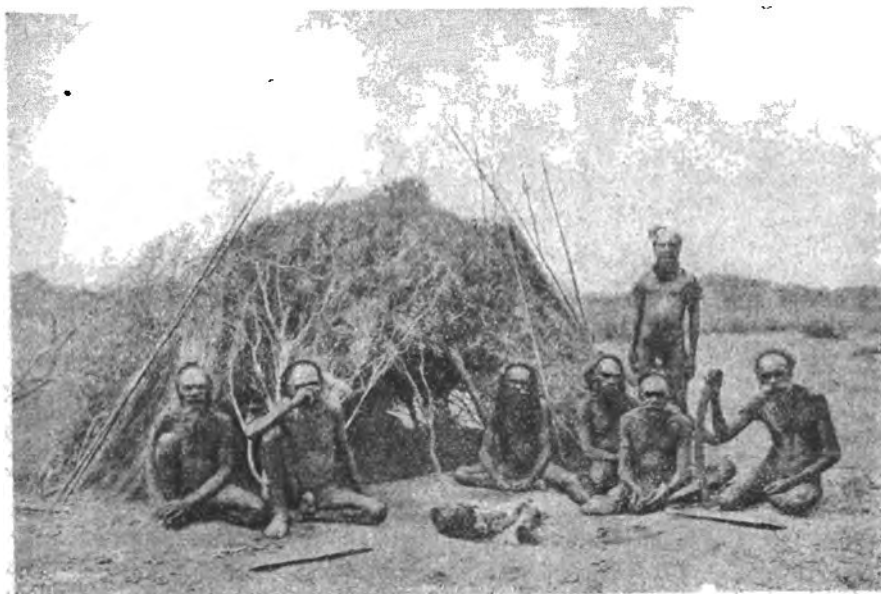

Рис. 1. Австралийский шалаш и около него собрание старейших. Справа и слева к шалашу прислонены копья.

короткого времени группы соплеменников разошлись, предварительно согласившись встретиться снова для обмена продовольствия. От этого места мы пошли в другое... Где оставались в течение нескольких месяцев пока не пришел взаимно назначенный срок для обмена рыбы на корни. Однако, в данном случае, мы взяли в обмен кэнгуру».

Описание Беркле, как отчасти видно из только что приведенного отрывка, рисует нам жизнь туземцев, как ряд непрерывных странствований и передвижений с одного места на другое.

Обыкновенно по окончании перехода выбирается место для становища. Строятся шалаши, т.-е. временные жилища из набросан-

ных веток и травы. Шалаши располагаются в известном порядке. Бывает, что несколько групп сходятся в одно место. «Когда различные группы достигают конечной цели своего пути, сообщает Рот, то они устраиваются здесь, строя свои шалаши вокруг шалашей группы, расположившейся уже раньше. Вновь прибывшие группы устраиваются с той стороны, откуда они пришли».

В каждом стане имеется совершенно отдельное сборное место, где собираются мужчины для общения и совещаний. Ни одна женщина не посмеет ступить на это место, называемое «унгунья», все равно, есть там мужчины или нет. Женщины тоже имеют в своем стане место для своих собраний, называемое «эрлукуира». На нем располагаются все незамужние женщины и дети, и ни один взрослый мужчина не посмеет ступить в этот женский стан.

Шалаши для жилья обыкновенно строятся из ветвей и веток и служат лишь сравнительно короткий срок, во время пребывания в данном месте, а по уходе с этого места шалаши всегда бросаются. Впрочем, некоторые исследователи свидетельствуют, что туземцы спят без всяких укрытий и совершенно голые, даже в такое время, когда ночная температура спускается ниже нуля. При этом мужчины и женщины спят отдельно, те и другие в своих становищах. Их тела отделяются друг от друга маленькими кострами, которые поддерживаются всю ночь. Брачные пары спят у отдельного костра, а в холодную ночь между двумя кострами. Если же холодная погода застанет австралийцев во время военного похода, когда некогда добывать огня трением, то, по свидетельству некоторых наблюдателей, уставшие воины стремятся укрыться от холода в особо вырытых для того углублениях, защищающих тело от ветра.

В. Обеспечение потребностей в продовольствии.

Очень принято считать, что так называемые дикари до того беззаботны, беспечны и непредусмотрительны, что завтрашний день для них положительно не существует. Между тем предусмотрительность и непредусмотрительность первобытного человека зависит целиком от окружающих условий. Так называемая непредусмотрительность проявляется особенно там, где средства существования находятся в изобилии, как, например, в области прибрежной полосы, между Великим океаном и хребтами Австралийских Альп. Здесь травянистые равнины кишат стадами кэнгуру и других травоядных животных; лесные чащи служат убежищем для опоссума и игуанов; реки и озера кишат рыбою; разные кустарниковые растения доставляют корни, семена и ягоды; на суше и на воде стаи птиц. Таким образом, пища здесь в изобилии. Само собой разумеется, что туземцы этой страны гораздо менее принуждены быть предусмотрительными, чем жители какой-либо другой части Австралии. Однако, даже обита-

тели этой богатой местности из предусмотрительности нередко собирают запасы продовольствия. Тем более это можно сказать про обитателей таких областей, где природные условия неблагоприятны, где бывают продолжительные засухи и средства существования скудны. Там туземцы собирают запасы и прячут их в дупла деревьев, под камни, зарывают в землю, не раньше, конечно, чем удовлетворят свой голод, и если найдено пищи больше, чем надо для немедленного утоления голода. Чарльз Коксен свидетельствует, что во время своего путешествия по внутренности Австралии он находил значительные запасы травяных семян, смолы камедных деревьев и другие запасы. Все это было упаковано в большие мешки из шкур кэнгуру и покрыто древесной корой для предохранения от дождя. Найдя пчелиный мед, туземец Австралии, если ему немедленно не требуются соты, отмечает дерево каким-нибудь знаком.

Говоря о непредусмотрительности первобытного человека, обыкновенно забывают, что он еще не изобрел никаких способов предохранять мясо от порчи. А при таких условиях едва ли можно делать какие-нибудь мясные запасы: ведь животная пища не пчелиный мед и не семена растений. Во всяком случае, туземцы делают большие запасы пищи на время продолжительных общеплеменных собраний, которые иногда длятся целые месяцы. Что касается до запасов не пищи, а материалов, то такие запасы делаются, конечно, на довольно продолжительное время. За запасами камня для изготовления оружия, за запасами охры для украшений, за запасами веточек возбуждающего кустарника пичери отправляются целые экспедиции. Запасы эти иногда заготавливаются на целый год.

«Соплеменники Диери, рассказывает Хауиит, ежегодно посылают отряд выносливых мужчин в страну кустарника пичери. Отряд старательно собирает с кустарников листья и молодые веточки. Затем в песке вырываются небольшие углубления в два фута глубиной и нагреваются горячими угольями. Очищенные листья и веточки пичерей кладутся в углубления, зарываются сверху песком и пекутся. Когда растительный сок испарится, пичери выбирается из ям и набивается в плетеные мешки и маленькие шкурки. Каждый мужчина несет около семидесяти фунтов».

Что касается до пищи, то австралийцы употребляют в пищу все, что только можно есть. Трава, корни растений, семена всевозможных трав, разные плоды, орехи, ягоды, цветы, дикий мед, грибы, всевозможные насекомые и яйца муравьев, слизняки, улитки, всякие озерные и речные ракушки, раки, разные породы рыб, лягушек и ящериц, игуаны, крокодилы, змеи, птицы, мясо всех млекопитающихся — все служит пищей. Собираение трав, семян, корней, плодов и охота за мелкими животными составляет занятие женщин и детей, наравне с заботой о поддержании огня и доставкой воды. Дело мужчин — охота за более крупными животными, как кэнгуру, эму и др.

Охотятся в одиночку или совместно. В первом случае подстерегают у родников жаждущую воды дичь и убивают ее копьями и бумерангами. Иногда мужчины сходятся по два и по три вместе. Один садится в засаду, другие гонят на него дичь. Иногда для охоты на кэнгуру собирается большое число туземцев, образуя целый охотничий отряд. В этом случае общественная охота ведется под руководством наиболее опытных охотников. Они заведуют всем ее ходом, определяют места участников. Пространство, полверсты и даже более в поперечнике, окружается охотниками. Крича и стуча оружием, они постепенно суживают круг, и когда животные находятся уже на достаточно близком расстоянии, их бьют копьями или ударами дубин в то время, как несчастные кэнгуру мечутся из стороны в сторону. Иногда пускается в дело огонь, если требуется набить очень большое число животных. При таких случаях мужчины образуют круг и зажигают кустарники, сгоняя таким способом животных в одно место. Из описания Берклэ мы видели, что иногда две местные племенные группы устраивают сообща своего рода охотничий поход; и если дичь в изобилии, они остаются на месте охоты продолжительное время. Наконец, во время празднеств посвящения молодых мужчин и приема посвященных в члены племени, когда соплеменные группы собираются в одно место, устраиваются еще более величественные охоты. При этом разумеется само собой, что чем более широко, чем более общественно ведется охота, тем большее значение имеет и общественное начало сотрудничества, разделение труда и руководства ходом охоты.

Ловля рыбы производится различными способами, начиная от ловли ее руками и убивания копьями, кончая сетями, запрудами из песка и камней и отравлением воды при помощи некоторых растений. В последнем случае одурманенная рыба всплывает на поверхность. Совместное ведение рыбной ловли весьма распространено; в особенности оно процветало среди прибрежных племен. Филипп Чаунси рассказывает один способ ловли, который ему удалось видеть. Две или три женщины следили за рыбой с выдающегося берега; в то же время 20 или 30 мужчин и женщин, вооружившись ветками, образовали полукруг, идя по мелкому месту залива до тех пор, пока не приходилось плыть. Тогда они замыкали круг, сгоняя рыбу в небольшое пространство около берега, в то время, как другие ловили ее руками и швыряли на берег. Туземцы ловят рыбу также на крючки из кости. При рыбных ловлях иногда употребляются челноки, сделанные из коры.

Распределение добытой пищи имеет у австралийцев свои особенности. Добытая тем или иным способом дичь является делом рук охотника. Однако, она не поступает в его исключительное пользование. Предположим, например, что трое мужчин охотились на кэнгуру. Одному из них удалось его убить, другие не успели. Дело

происходит на некотором расстоянии от становища. Удачник разводит костер в то время, как двое других потрошат дичь. Они сообщают жарят внутренности и совместно съедают их. Так как расстояние до становища не близкое, то кэнгуру жарится. Он распределяется следующим образом; один из неудачливых охотников получает ногу и хвост, другой — ногу и часть плеча. Убивший получает все остальное и тащит в становище. Там добыча делится согласно существующим обычаям.

Можно ли вывести из этих способов распределения пищи, что способы пользования у австралийцев не вполне соответствуют способам труда? Труд охотника, убившего кэнгуру, был одиночным трудом; а пользование плодами рук его является делом общественным, упорядочиваемым известными обычаями. На это можно заметить, что, ведь, кормовая область, на которой был убит кэнгуру, со всеми ее природными богатствами, является собственностью всей группы; значит, таковую считается и убитый в этой области кэнгуру.

Употребление пищи подлежит целому ряду ограничений, имеющих связь с возрастом, родством, а главное с понятиями о тотемах. Для лучшего выяснения этих ограничений будет гораздо выгоднее изложить их при дальнейшем описании тотемических групп.

Говоря о разных сортах пищи австралийцев, некоторые писатели упоминают о людоедстве. О людоедстве австралийцев вообще писалось не мало. Еще недавно один норвежский ученый Лумгольд даже не нашел для них другого лучшего названия, как людоеды. Доктор Рот по поводу людоедства говорит следующее: «хотя непосредственные личные свидетельства людоедства очень скудны, и хотя туземцы очень не любят давать какие-нибудь сведения относительно этого обычая, однако, нет сомнения, что он существует до сих пор с некоторыми ограничениями повсюду среди племен внутренней части с.-з. Квинслэнда. Так, в округе Булиа есть обычай поедать детей, которые умерли внезапно, от скоротечной болезни. Отдельные части тела ребенка могут быть съедены его родителями, его кровными братьями и сестрами, но только ими и не кем иным. В объяснение туземцы говорят, что если закопать любимых малюток в землю, то не избавиться от дум по ним. К несчастью, такому объяснению противоречит погребение туземцами детей, долго болевших перед смертью и слишком истощенных. Существуют также данные, доказывающие, что в течение последних 10 лет, начиная с 1885 г., туземцы некоторых местностей убивали своих чистокровных детей с целью съесть их. Один знакомый Рота собственными глазами видел случай людоедства. Это было в 1888 г. Он видел, как жарили ребенка тем способом, как обыкновенно жарят дичь. Он видел, как вынули тело и начали сдирать жир. Но он почувствовал себя так дурно и так ослабел от этого зрелища, что не мог уже наблюдать, что было дальше. С другой стороны, тот же Рот утверждает, что, насколько он мог собрать сведе-

ния, он не знает ни одного случая, чтобы был убит взрослый мужчина или женщина с единственной целью раздобыться пищей.

Вообще людоедство принадлежит к числу таких явлений, к заведомому детельствованию которых следует относиться с самой большой осторожностью. Однако, существование людоедства у разных племен Австралии подтверждается многими путешественниками и, что особенно важно, всеми непосредственными исследователями быта австралийских племен. У племени Лурича, говорят Спенсер и Гиллен, маленькие дети иногда убиваются и съедаются. Обычай этот вовсе не редок. Если один ребенок делается слаб здоровьем, то убивают более юного и здорового ребенка, чтобы его мясом накормить ослабевшего. Думают, что это придает ему силу здорового. Однако, относительно обычаев подобного рода очень трудно разобраться, так как туземцы одной местности всегда станут уверять вас, что такого обычая у них нет, но что у туземцев других племен он имеется. Когда же начинаешь спрашивать у этих последних, то они, в свою очередь, отрицают существование этого обычая у себя, указывая на существование его у тех, которые их обвинили в людоедстве. Гейсон, Хаунт, Броу, Смит и другие исследователи тоже сообщают о людоедстве.

Существование людоедства в прошлом австралийцев подтверждается их преданиями и обрядами. Вопрос лишь в том, какая цель преследуется или преследовалась при людоедстве. Так как людоедство или следы его распространены, повидимому, одинаково и в областях, скудно орошаемых, со скудными средствами существования, и в областях, богатых по своей растительной и животной природе, то надо думать, что людоедство австралийцев не имеет ничего общего с удовлетворением потребностей в недостающем продовольствии. В большинстве случаев сообщается о поедании мяса убитых врагов или преступников. Хаунт сообщает о людоедстве в случае групповой мести. Поедание казненных подтверждается и другими исследователями. Если прибавить сюда кормление слабого ребенка, с целью его укрепления, телом его убитого брата, то мне кажется, что самый верный взгляд на людоедство австралийцев в его настоящем значении есть взгляд на него, как на обряд, который имеет связь с чародейством.

Г. Оружие, орудия и материалы. Открытия и изобретения. Способы приготовления пищи. Одежда.

Довольно грубый каменный топор, т.-е. грубо обесеченный камень, зажатый в рукоятку из вдвойне согнутой палки, каменный нож, обыкновенная деревянная дубина, особая метательная дубина или бумеранг, копьё или длинная тонкая жердь с заостренным концом, который обуглен для придания ему большей прочности, или снабжен каменным наконечником, метательное копьё и, наконец, неболь-

шой щит, сделанный из мягкого дерева — вот почти и все оружие австралийцев. До изобретения лука и стрел они еще не дошли. Их важнейшие орудия и утварь составляют: землекопалка, т.е. заостренная палка, при помощи которой женщины вырывают из земли различные съедобные корни; каменное долото или палка с кусочком прикрепленного острого камня на ее конце, при помощи которого из дерева выдалбливается посуда для пищи и питья; жернова, т.е. два плоских камня, которые трут один о другой для растирания семян диких растений; ручное веретено для сучения шерсти, наконец, деревянная зажималка для добывания огня трением.

Доктор Рот, Броу, Смит, Спенсер и Гиллен и другие исследователи весьма подробно описывают самые способы изготовления австра-

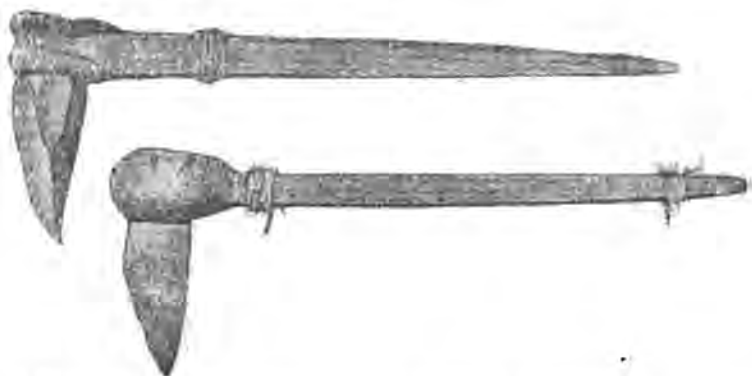

Рис. 2. Фот. снимок австралийского топора, прекрасно показывающий его устройство. Камень зажат в вдвойне согнутую палку и для прочности в месте своего прикрепления залит особой смолой.

лийцами нужных орудий, снарядов и утвари. К числу изобретений австралийцев надо отнести каменное долото, особенный цемент из сока некоторых растений и каменной пыли, умение гнуть дерево, водоносные мешки из шкур животных, мешки, сплетенные из травы, веретено для кручения шерсти, точильные камни, ручные жернова и пр. Открытие огня и приручение первого животного — дикой собаки или динго — нужно считать важнейшими открытиями. Австралийцы еще не умеют делать посуду из глины, хотя глина с краской служит у них для обычного окрашивания тела.

Австралийцы добывают огонь трением. Иногда для этого служит копьёметалка, острое ребро которой трут о вогнутую поверхность щита. Иногда для этого употребляются особые снаряды, состоящие в большинстве случаев из пластинки мягкого дерева с маленькими углублениями для того, чтобы вставлять быстро вращающуюся палочку

из плотного дерева. Когда есть возможность, стараются просто раздобыться огнем в виде какой-нибудь зажигалки (горящей головешки), взятой у соседей.

Трудность добывания огня трением побуждает первобытного

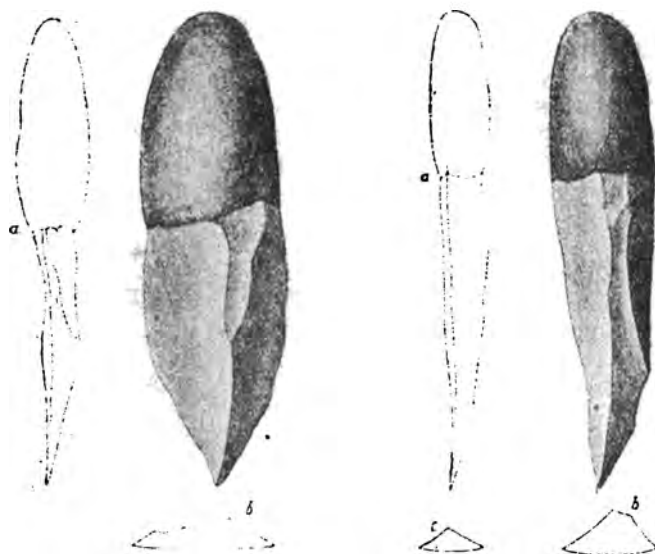

Рис. 3. Точное воспроизведение форм австралийских ножей, а—вид лезвия сверху. Место, служащее рукояткой ножа, обито для удобства держания смолой.

человека всячески заботиться об его поддержании. Некоторые наблюдатели сообщают, что австралийцы нередко во время своих переходов, в особенности в дурную погоду, носят огонь с собою. Для этого

Рис. 4. Конец копья с каменным наконечником.

они употребляют особые трубки из камыша, внутрь которых кладется тлеющая кора.

Огонь туземцы употребляют во время охоты, в виде лесного или степного пала; огонь употребляется для согревания тела, для приготовления пищи, а также для освещения, особенно во время ночных празднеств, при некоторых обрядах. Что касается до приготовления

пищи, то огонь употребляется для жаренья животных и растений. Для этого разводят довольно большой костер и стараются как можно сильнее накалить побольше крупных камней. Подле костра выкапывается углубление в земле, куда кладется часть раскаленных камней. На слой их кладется мясо или корни; сверху новый слой раскаленных камней, и все это засыпается землею. Эти первобытные печи употребляются, главным образом, для крупной дичи; мелкая жарится прямо на углях. Печенье корней в большом количестве мало отличается от жаренья мяса.

Смит говорит о больших кучах земли, углей, золы — это первобытные «кухни» туземцев. Места для кухонных куч, по видимому, выбираются около воды и употребляются, как кухня, из поколения в поколение. На берегах многих рек можно видеть много таких куч. Они овальной формы, около 100 футов длиною, до 40 фут. шириною и от 8 до 12 вышиною. В этих кучах вместе с пережженной землей, золой и углями попадают целые и сломанные топоры, изредка даже человеческие кости, как будто бы в последнее время эти кучи служили местом погребения.

Что касается до материалов для изготовления оружия и орудий, то они или берутся на месте, как, например, дерево для копий, или добываются из других более или менее отдаленных мест, как, например, кремнь, кварц для ножей, топоров, наконечников копий и т. д. Смит сообщает о существовании в Австралии особых местностей, служащих своего рода естественными складами разных материалов. Таковы местонахождения кварца, красной охры и пр. Одна из излюбленных каменоломен находится к сев.-востоку от Алисских родников и составляет общественную собственность некоторых тотемических групп. Без их позволения камень брать нельзя.

Добывание материалов из таких местностей нередко является настоящим общественным делом, как это ясно видно из описанного Гейсоном примера добывания охры. «Каждую зиму, говорит Гейсон,

Рис. 5. Молодая австралийская женщина в своем обычном одеянии, состоящем лишь из украшения (нескольких зубов кенгуру, повешенных на лоб с помощью волосяного шнурочка).

во время нашего июня или августа, держится совещание всех «стариков» (т.е. мужчин, имеющих женатых сыновей). Обсуждается вопрос о посылке отряда за красной охрой в одну местность, где находятся целые залежи ее. Выбираются пожилые и молодые люди. Назначается день. Определяется, кто будет руководить отрядом. Все это держится втайне от женщин, чтобы они не могли отговорить своих близких от опасного похода. В назначенный для выступления день старики

Рис. 6. Старый австралиец племени арунта в профиль.

поднимаются с восходом солнца. Захватив оружие и затаив песню, они спешат уйти, не прощаясь с женами и детьми. Женщины, поняв намерение мужчин, начинают кричать, визжать, выть. Они побуждают своих мужей, сыновей, братьев, друзей остаться и не ходить в чуждую и враждебную страну. Но участники отряда остаются непреклонными и идут своим путем в назначенное место, чтобы условиться с остающимися стариками относительно приема отряда, когда он будет возвращаться. Когда, наконец, место выбрано и даны указания относительно постройки шалашей, то наступает время прощаться. Отряд поет песню, чтобы подбодриться и поддержать

дух молодежи. И действительно, некоторые нуждаются в ободрении: ведь они знают, что кроме 300 миль, которые им предстоит пройти, быть может, даже через враждебную страну, им предстоит не мало голодных дней раньше, чем им удастся добраться до места своего назначения, не говоря уже об обременительном грузе охры, который им предстоит нести домой.

Отряд проходит около 20 миль в день. Прибывши в место добывания охры, каждый участник отряда копает себе охру и месит ее с водой, приготавливая «хлебы», фунтов в 20 весом. Затем эти хлебы

сущатся. Каждый человек несет на своей голове около 70 фунтов в среднем, при этом ему еще приходится заботиться о продовольствии. Отряд редко отдыхает днем во время своего путешествия, которое длится обыкновенно около 6 — 8 недель. Он останавливается на отдых лишь тогда, когда очутится в однодневном расстоянии от своего стана. На обратном пути ведут обмен с племенами, области которых отряд проходит.

Что касается до изготовления оружия из добытых материалов, то у австралийцев это является в значительной степени делом личным. Большинство оружия и орудий каждый готовит сам для себя. Впрочем, может легко случиться, что туземцы одной местности достигают совершенства в производстве одних предметов, жители какой-либо другой местности приобретают особенное искусство в изготовлении других предметов. Те и другие могут обмениваться друг с другом своими произведениями.

«Платье австралийцам неизвестно. Они в своем естественном состоянии ходят совершенно голыми, несмотря на то, что шкуры кенгуру могли бы быть применены в зимнее время, когда при совершенно ясном небе лучейспускание так сильно, что ночью температура нередко падает на несколько градусов ниже нуля. Мысль сделать какую-нибудь одежду для защиты от холода, кажется, еще не приходила в голову австралийца. Правда, он не пропускает случая раздобыться раздаваемыми правительством колоний одеялами и всяким отребьем. Но если эти последние и носятся, то носятся больше из желания пощеголять, чем из стремления согреться».

В общем можно сказать, что хозяйственный быт австралийцев служит прекрасной иллюстрацией экономической жизни первобытного человека вообще. Однако, краткость изложения не позволяет останавливаться далее на той стороне первобытной культуры, некоторое понятие о которой дает нам изучение разных предметов, оставшихся от палеолитического и неолитического человека Старого и Нового Света. Нам следует обратиться теперь к тем сторонам жизни первобытного общества, о которых вряд ли много могут сказать нам грубо обесеченные каменные орудия и остатки первобытных кострищ.

ГЛАВА III.

Первобытный брак.

Австралийцы считают, что предки их жили, не зная никаких ограничений полового общения. По понятиям австралийцев брачные ограничения являются известными нововведениями их предков. Подобным же образом смотрят на современные брачные обычаи и многие другие, более развитые племена человека Старого и Нового Света. Предания древних народов тоже говорят о бывшей когда-то общности жен, которая была потом запрещена тем или иным великим законодателем. Так, древние египтяне считали, что брак впервые был установлен Менесом. Греки думали, что существовавшее у них общение жен было прекращено по постановлению Кекропса. Китайцы приписывают учреждение брака Фахи и т. д.

С другой стороны, многие писатели классической древности—Геродот, Феопомп, Страбон, Диодор Сицилийский, Плиний, Цезарь свидетельствуют о существовании у описываемых ими народов обычаев общности жен. О том же говорят и многие летописцы, писатели средневековья—Козьма Пращский, Лаврентьевская летопись, житие св. Адальберта и пр. Несмотря на все эти свидетельства, большинство европейских ученых до недавнего сравнительно времени считали личный брак и семью древнейшим и священнейшим учреждением человечества, основой всякого общежития людей и государства. Подобные понятия объяснялись отчасти тем, что большинство ученых были недостаточно знакомы с жизнью наиболее отсталых племен, и потому они свои собственные понятия о браке и семье переносили на первобытного человека, и потому этому последнему приписывались брачные отношения самого позднейшего времени. Утверждению подобных взглядов способствовали священные книги евреев, которые так долго сковывали мысль ученых и мыслителей. Библия, как известно, приписывает учреждение брака и семьи богу, и считает единобрачие первоначальной формой брака, хотя в дальнейшем изложе-

нии Библии рассказывается о многоженстве еврейских патриархов и упоминается о пережитках более ранних форм брака. Так называемая патриархальная теория, согласно которой библейская патриархальная семья считалась за самую первобытную и начальную форму общежития, — эта теория господствовала среди ученых до половины прошлого столетия. — ✓

В верности подобной точки зрения в свое время были убеждены даже такие выдающиеся исследователи жизни малоразвитых народностей, как Вайц, Клемм, Мэн и др. Бахофен был первым, который решился выступить против господствующих взглядов на развитие семьи. Но он выступил со сравнительно слабым оружием. В доказательство того, что было время, когда люди не знали ни семьи, ни брака, что ребенок вначале не знал отца и потому родословная велась по матери, Бахофен приводил свидетельства и сказания классической древности. Благодаря слабости доказательств, взгляды Бахофена получили свое значение лишь после того, как появились работы Мак-Леннана и Льюиса Моргана.

Опираясь на целый ряд фактов из области изучения ранних форм брака и семьи, господствующих еще до сих пор у разных отсталых племен, Мак-Леннан и Морган, совершенно независимо друг от друга и от Бахофена, утверждали, что первобытный человек жил в беспорядочном половом общении. Скоро и другие выдающиеся этнологи и социологи разных стран стали приходить к этому убеждению. Джон Леббок, Герберт Спенсер, Жиро-Телон, Пост, Бастиан, Вилькен, Зибер, М. Ковалевский, Энгельс, Каутский, Летурно и другие соглашались с тем, что различным первобытным формам брака и семьи предшествовала известная ступень широкого общения, не ограниченного почти никакими обычаями. Оставалось разрешить вопрос, каким образом из этого беспорядочного полового общения развились различные формы брака и семьи. На этот счет между учеными исследователями истории брака и семьи происходили самые крупные разногласия.

Разъяснить историю брака, равно как и других общественных учреждений, могло лишь обстоятельное изучение первобытных обычаев наиболее отсталых племен человека. Жалкие остатки древнего палеолитического и неолитического человека ничего не могут нам рассказать о его брачных обычаях. Что же касается до племен современного палео- и неолитического человека, то у многих его разновидностей до сих пор еще господствуют такие брачные обычаи, от которых у более развитых народов сохранились лишь самые слабые воспоминания в виде различных обрядов. Часто совершенно непонятные для современников, эти брачные обряды представляют собою пережитки обычаев той глубокой старины, когда и брачная жизнь наших предков ничем не отличалась от брачной жизни современных «дикарей». Изучение этих пережитков могло служить лишь подтвержде-

нием того, что первобытные формы брака и семьи, наблюдаемые у некоторых наиболее отсталых племен, в свое время переживались всеми народностями на заре их культурного развития.

Какую же форму брака надлежало считать наиболее первобытной? Льюис Морган считал такою первобытною формою особый вид брачного сожития группы мужчин с группою женщин. Примеры подобной формы так называемого группового брака Морган видел в некоторых брачных обычаях «пуналуа», существующих в Полинезии. Согласно брачному обычаю пуналуа, несколько братьев ведут свою брачную жизнь так, что жены их считаются их общими женами, и обратно, жены считают всех братьев своими общими мужьями. Известный австралийский миссионер и выдающийся исследователь, Лоример Файсон, сообщал о существовании группового брака у австралийцев. По утверждению Файсона, у них племя делится обыкновенно на известные брачные подразделения или «классы». Женщины одного подразделения или «класса» считаются женами мужчин другого брачного подразделения племени. Льюис Морган, которому Файсон сообщил об этом брачном обычае племени Камиларои, назвал этот обычай первобытным групповым браком. По мнению Моргана, история брака и семьи должна была начинаться подобною формою группового брака. Леббок думал, что вначале все женщины были общественной собственностью всех своих соплеменников. Первобытный брак был общинный, коммунальный, говорил Леббок. Но наиболее сильные и влиятельные мужчины путем похищения обращали отдельных женщин в свою личную собственность. Это развитие собственности на женщин и послужило первым ограничением прежнего общинного брака и положило начало личной индивидуальной семье. Спенсер критиковал взгляды Леббока, но допускал существование широкого брачного общения на ранних ступенях культуры. Замечательный австралийский исследователь Альфред Хауитт явился горячим защитником взглядов Моргана, к которому в своих воззрениях на развитие брака и семьи примкнули Энгельс и Ковалевский. Каутский во многом соглашался с Морганом, но придавал особое значение так называемому хищническому браку, который в виде известного обычая похищения жен сохраняется до сих пор в брачных обрядах у многих арийских и других народов. / Другие исследователи, по примеру Бестермарка, старались опровергнуть все положения Моргана. И некоторые, по примеру Гроссе, начинали говорить, что еще не пришло время писать историю развития семьи и брака.

Однако, новейшие исследования и открытия, сделанные австралийскими антропологами, снова подтверждают многие взгляды Моргана и его последователей на развитие первобытных форм брака. Более того, они рисуют нам брачную жизнь первобытного человека в таких подробностях, которые дают самое точное представление об этой стороне первобытной культуры.

В настоящее время брачная жизнь людей-«кангуру», людей-«эму», людей «игуанов» и членов соплеменных тотемических групп других наименований упорядочивается так называемым законом экзогамности, или обычаем внебрачия. Этот обычай состоит в том, что браки должны заключаться между мужчинами и женщинами различных, хотя и родственных тотемических групп. При этом у австралийцев замечается еще одна особенность: одна часть тотемических групп брачится с другой частью так, что в брачном отношении все племя разделяется как бы на две половины и на два брачных подразделения, которые у наименее развитых племен составляют из различных тотемических групп. Это двойственное брачное деление австралийских племен делается очевидным, когда соплеменные тотемические группы сходятся вместе и располагаются общим станом. «Когда несколько тотемических групп, говорят Спенсер и Гиллен, располагаются одним общим станом, то в это время легко видеть, что стан разделяется на две половины, которые отделяются друг от друга какой-нибудь естественной чертой». Если стан располагается по реке, то одна часть тотемических групп располагается с одной стороны реки, а другая часть тотемических групп, брачующихся с первыми, располагается по другой стороне реки. Если же общее становище расположено у какого-нибудь холма, то шалаши групп, составляющих одно брачное подразделение племени, располагаются на склоне холма; а шалаши групп, образующих противоположную брачную половину данного племени, располагаются у подошвы холма. И брачное общение между соплеменниками одного и того же брачного подразделения строго преследуется.

Что же касается до самой формы брака, то в этом отношении пример австралийцев особенно поучителен. Мы имеем возможность наблюдать у них самые различные формы общения полов, начиная почти беспорядочным и кончая настоящим личным браком. Существующие у них формы брака рисуют нам самым наглядным образом историю развития первобытного брака и семьи.

→ У племени Диери мужчина или женщина становятся «ноа», т.е. супругами, разными способами. Женщина или обещается данному мужчине еще с малолетства ее отцом, или назначается данному мужчине в качестве его ноа советом старейших и главарем. В тех случаях, когда отец обещает свою дочь кому-нибудь в ноа, уговор точно соблюдается. Мужчина же не может приобрести себе ноа, пока он не прошел через особые обряды посвящения, т.е. раньше достижения зрелого возраста мужчина не может брать себе обещанной ему жены; и ее не могут дать ему. Женщина, в свою очередь, может сделаться ноа лишь после соответственного же обряда, и она не может быть одновременно ноа более, чем для одного мужчины. Однако, последнее ограничение не касается мужчины, так как он может одновременно иметь несколько ноа. !

Кроме брака ноа, у Диери есть еще форма группового брака, которую Диери называют «пирауру». «Когда я исследовал эту часть центральной Австралии, говорит Хауитт, мое внимание было невольно привлечено той необычной свободой, которую я заметил в области брачных отношений. Я был поражен той готовностью, с какой у Джантрувунта, Диери и других племен женщины предлагались дружелюбно настроенным посторонним.

«Незадолго до совершения первых обрядов посвящения, а именно обрядов обрезания, старейшие собираются на совещание и, после некоторого обсуждения, решают, кого кому дать в качестве пирауру. Пирауру же могут быть только мужчины и женщины, прошедшие через обряды обрезания. Парочки, которые соединяются таким способом, не спрашиваются о согласии. Равным образом не принимается в соображение и то, существует ли между ними какое-нибудь влечение или нет. Вопрос о том, подходят ли они друг к другу, решается советом старейших. Это значит, что вступающие в брак должны быть из подходящих брачных подразделений племени, и между ними не должно быть близкого родства. Одним словом, только те могут быть пирауру друг для друга, которые могут стать ноа (т.е. супругами).

«В течение нескольких вечеров до совершения обряда, старейший в тихих и размеренных выражениях, выпуская слово за словом, объявляет имя каждой парочки пирауру, и слова его повторяются одним или несколькими из старейших. При каждом имени в стане подымается общий крик. Это время празднеств, пиров, забав. Недаром собраны большие запасы пищи. Начинаются пляски, и вместе с тем в течение часов четырех между пирауру всего стана господствует полная свобода отношений. Кроме того, надо заметить, что пирауру, будучи разданы друг другу, остаются в качестве таковых и на будущее время. И так как при каждом новом случае совершения обряда обрезания объявляются новые пары пирауру, то, в конце концов, выходит, что любой мужчина и любая женщина после некоторого времени имеют целые группы пирауру».

Ту же самую форму брачного общения видим мы и у других племен. Так у племени Урабунна слово «нупа» значит «дети старших братьев матери», а также имеет смысл «возможная жена», «возможный муж». Этим словом «нупа» мужчины определенной группы племени Урабунна называют безразлично и без всякого исключения всех женщин другой определенной группы и обратно. Это говорит, что все члены этих двух групп являются взаимно возможными женами и мужьями. «Обыкновенно каждый мужчина имеет одну или, быть может, две из этих женщин нуа в качестве действительных жен, говорят Спенсер и Гиллен. Они даны ему лично и сожительствуют с ним в его шалаше. Однако, вдобавок к этим женщинам каждый мужчина имеет еще нескольких женщин, сверх только что упомянутых, с которыми он находится в брачных отношениях пираунгару.

(Пираунгару это то же, что пирауру у племени Диери.) С женщинами, которые стоят по отношению к данному мужчине в положении пираунгару (это обозначение имеет взаимное значение), данный мужчина может иметь брачные отношения, так что женщины эти могут считаться его добавочными женами.

«Следствием такого порядка служит то, что у племени Урабунна каждая женщина считается нупой какого-нибудь определенного мужчины. Но в то же самое время он не имеет исключительных прав на нее, так как она является пираунгару для других мужчин, которые тоже имеют право вступать с нею в брачные отношения. Смотри с точки зрения мужчины, он может иметь столько пираунгару, сколько женщин стоит по отношению к нему в положении нупа. Того, чтобы какой-нибудь один мужчина имел бы исключительное право на какую-нибудь женщину, этого у племени Урабунна не имеется. Нути, или старшие братья этой женщины могут дать какому-нибудь одному мужчине преимущественные права на свою сестру; но в то же самое время они дадут другим мужчинам той же самой группы второстепенные права на нее.

«В наши дни отношения пираунгару обыкновенно устанавливаются в такие времена, когда значительное число членов племени собирается для выполнения важных общественных обрядов, и когда обсуждаются и решаются и другие дела, имеющие важное значение и требующие согласия совета «стариков». Число пираунгару любого мужчины зависит целиком от его силы и известности. Если данный мужчина «урку», т.-е. влиятельный, то он будет иметь значительное число пираунгару. Если же он не имеет значения и неизвестен, то ему достается немного.

«Женщина может быть пираунгару для нескольких мужчин. Как общее правило, мужчины и женщины, которые находятся в положении пираунгару, живут совместно одною группою. Любой мужчина всегда может ссудить свою жену, т.-е. женщину, на которую он первый имеет право, другому мужчине. Необходимо только, чтобы последний был ее нупа; при этом даже нет необходимости, чтобы они состояли в положении пираунгару. Но мужчины, не стоящие к женщине в положении нупа, обыкновенно не имеют к ней никакого доступа. Случается иногда, хотя и редко, что муж пытается не позволить другим мужчинам, которые считаются пираунгару для его жены, иметь с нею брачные сношения. Это служит поводом к драке и на подобного мужа смотрят, как на невоспитанного. Когда приходится посещать отдаленные тотемические группы, в которых, по всей вероятности, посещающий не имеет своих пираунгару, то для местных мужчин того же самого класса (той же самой половины племени), что и гость, считается обычным ссужать ему одну или более из своих женщин нупа. Иной мужчина, ссудив женщину, на которую он первый имеет право, предоставляет гостю также и свою пираунгару.

«Таким образом, заключают Спенсер и Гиллен, общественный строй племени Урабунна, очевидно, очень схож со строем племени Диери, которое описано Хауиттом. Оба племени находятся в некоторой местной связи. Очевидно также, что формы брачного сожития у обоих этих племен могут быть описаны, как некоторая изменяемая форма группового брака. Самые важные черты группового брака могут быть переданы в следующих словах. Мы имеем:

1) Группу мужчин, из которых все принадлежит к одной брачной половине племени. Все мужчины этой группы считаются нупами или возможными мужьями группы женщин, которые принадлежат к противоположной брачной половине племени.

2) Одну или несколько женщин, особо предоставленных какому-нибудь определенному мужчине. При этом он и они должны приходиться друг другу нупами. Но ни один такой мужчина не имеет исключительных прав ни на какую женщину. Он имеет лишь преимущественные права.

3) Группу мужчин, которые находятся в положении пираунгару по отношению к группе женщин, избранных из числа таких женщин, для которых мужчины эти приходятся нупами. Иными словами, группа женщин известного обозначения является женами группы мужчин другого обозначения»¹⁾.

Таковы те брачные отношения, которые называются австралийским групповым браком. Господство этой формы брака приводит к своему естественному последствию — к так называемому групповому родству, или к распаденню всего числа соплеменников на целый ряд родственных групп на основании пола и возраста. При этой системе все мужчины известного возраста и одного и того же брачного подразделения считаются братьями друг другу, и одновременно они считаются мужьями соответственной группы женщин-сестер. Происшедшие от них дети называют всех этих мужчин и женщин своими отцами и матерями. А те называют их всех, в свою очередь, своими детьми. Точно так же и сами эти мужчины и женщины называют своими родителями целую группу мужчин и женщин более старого поколения. При этой системе обозначения группового «родства» ни индивидуальный отец, ни собственный сын не выделяются из целой группы отцов и детей.

Многие ученые сомневались в существовании этой первобытной системы родства и старались опровергнуть доказательства Моргана. Другие, по примеру Кунова, говорили, что обозначения, которые Морган принял за обозначения группового родства, являются обозначениями не родства, а возраста.

Группировка людей на основании пола и возраста действительно является вполне естественной и единственно возможной общественной

¹⁾ Spencer and Gillen. «The Native Tribes of Central Australia», стр. 64.

группировкой палеолитического человека, не достигшего еще той ступени культурного развития, которая характеризуется родовым бытом. Однако, новейшие исследования австралийских ученых подтверждают то, что Льюис Морган, а за ним Файсон и Хауитт называли групповым родством. По словам Спенсера и Гиллена, у племени Арунта «все дети женщин, являющихся для данного мужчины нупами,—будь они его собственные нупы, или пираунгару, или даже нупы, с которыми он не имел никаких сношений,—все эти дети зовут его «ниа» (отец); а он зовет их «биака» (дети). Конечно, связь между мужчиной и детьми тех женщин, которые живут с ним в одном шалаше, гораздо более близкая. Однако, все же, что касается до обозначений, то дети его собственной нупы не различаются от детей любой женщины, которая приходится ему нупою, хотя бы он не имел с нею никаких брачных отношений. Все биака, или дети мужчин одного и того же поколения, одной и той же брачной половины племени (класса), все они в глазах этих мужчин являются их общими детьми; и обратно: баиаки, т.-е. дети, в свою очередь, смотрят на всех ниа, как на своих общих отцов.

«Часто женщины или только говорят, что они не знают, который мужчина, ниа или пираунгару, является настоящим отцом данного ребенка, или вовсе не допускают мысли, чтобы ребенок мог иметь отца».

Австралийские определения степени «родства», какова бы она ни была, всегда обнимают целую группу людей, а не единичных личностей. Это подтверждается даже такими новейшими исследователями, как доктор Рот. Этот исследователь интересуется лишь одною фактической стороною дела и, кажется, не чувствует желания воспользоваться добытыми им фактами для объяснения хода развития человеческого общества и общественных учреждений. Доктор Рот свидетельствует о том печальном обстоятельстве, что наречия белого человека лишены подходящих слов для выражения понятий о родственных связях, которые существуют у австралийцев. Разные степени так называемого родства имеют у австралийцев гораздо более широкое значение, чем у нас.

«Каждый мужчина, говорит Рот, есть прежде всего чей-нибудь брат, отец (возможный), муж, брат матери. Равно как каждая женщина является чьей-нибудь сестрой, матерью, возможной женой или сестрой отца. Но эти обозначения: брат, сестра, отец, мать и пр., вдобавок к своему обычному и общепринятому значению кровного родства, выражают собою еще целый ряд или группу отношений, совершенно отличных от кровного родства. Так, например, туземец употребляет одно и то же обозначение «мать», как для родившей его женщины, так и для ее кровных сестер (все равно, девушек или замужних), равно, как и для обозначения целых дюжин женщин, которые входят в одно и то же племенное подразделение или группу, что и дан-

ная женщина. То же самое верно и относительно «отцов», «сестер», «братьев» и пр., которых каждый туземец имеет не мало в своем собственном становище и еще более вне его. Обозначения «сестра жены» (по терминологии Спенсера и Гиллена—«возможная жена»), как его здесь употребляют, означает любую женщину, которая является членом определенной группы или племенного подразделения, из которого данный мужчина может выбирать себе сожительницу. Таким образом, одно и то же название будет включать и жену данного мужчины, и ее кровных сестер, и других женщин—ее многочисленных «сестер» по одной и той же группе. «Брат мужа» имеет соответственное же значение. Можно сказать, что среди всех этих туземцев кровная связь и связь групповая имеет одинаковое нарицательное значение ¹⁾.

Как бы ни стали называть подобную систему обозначений—системою группового родства или системою известной группировки людей по полу, возрасту и брачным отношениям,—связь этой системы с системою группового брака после новейших исследований австралийских антропологов может считаться установленной. Но то, что австралийские ученые, по примеру Моргана, назвали групповым браком, не составляет какой-нибудь особенности образа жизни первобытного человека Австралии. Существует огромное число фактов, которые заставляют нас думать, что групповой брак переживался в свое время и другими племенами человека. И действительно, еще Цезарь сообщал, что у кельтов несколько братьев пользуются своими женами сообща. Пережитки группового брака и даже еще более широких форм брачного общения наблюдаются еще и посейчас у многих народностей Старого и Нового Света, в том числе и у некоторых инородческих племен, населяющих Россию. Так, у гиляков каждый из братьев нередко пользуется женами своих братьев, как своими собственными, и подобным же образом смотрит на сестер своей жены. У якутов еще живы предания о подобных же брачных отношениях. То же можно сказать и о вотяках, черемисах, киргизах и других народностях. Полигамия, или многоженство до сих пор еще остается вполне жизненным учреждением. Но у многих народностей засвидетельствованы и следы полиандрии, или многомужества, которое с некоторым основанием может считаться одним из остатков прежнего существования группового брака.

Развитие настоящего личного брака происходит лишь очень медленно. И даже тогда, когда он уже имеется налицо, многие брачные отношения говорят о совершенно иных отношениях. Австралийцы могут и в данном случае служить наглядным примером. Так, например, брачные обычаи у племени Арунта сильно отличаются от суще-

¹⁾ W. Roth. «Ethnological Studies among the North-West Central Queensland Aborigines», стр. 56.

ствующих обычаев у племен Урабуна, Диери и им подобных. Так, лишь только брак заключен, то сожитие, за исключением особых случаев, ограничивается сожитием определенного мужчины с определенной женщиной. Однако, несмотря на это, по свидетельству Спенсера и Гиллена, даже у этого племени нет особого обозначения для жены. Она просто зовется «унава» по отношению к данному мужчине, точно так же, как и все другие женщины, которые принадлежат к той же самой группе женщин, как и жена данного мужчины. Обозначения родства служат обозначением не родства, но определенных возрастно-половых групповых отношений.

Хотя у племени Арунта и у близких ему племен уже существует индивидуальный брак, при чем муж и жена должны быть из подходящих брачных подразделений, все же у всех этих 9 племен обычны особые брачные обряды; во время их вступают в общение с данной женщиной даже мужчины тех брачных подразделений, для которых такое общение в обычное время считается страшным нарушением установившегося обычая. «Когда девушка становится способной к замужеству, что обыкновенно бывает около 14—15 лет, мужчина, которому она предназначена в жены, сговаривается со своими ункулами (т.-е. мужчинами другой части того же брачного подразделения, что и он сам). Мужчины эти сообщают с другими, которые являются ее унавами и ункулами, в том числе и нареченный, берут девушку в заросль и там каменным ножом делают над нею операцию, называемую атна-арилта-куама (атна-вульва, кума-резать). Когда операция окончена, все мужчины—импунна (оператор), ункулла и унава имеют доступ к женщине в означенном порядке. Обряд этот часто совершается во время обычного корроббори. Когда корроббори окончено, импунна украшает голову женщины лентами и пучками растения альпита; шея украшается ожерельем, руки также лентами (ожерелье и ленты сплетаются из волос); тело ее раскрашивается смесью жира и красной охры. Тогда женщина берется в стан ее собственного унава (супруга). Ее несут мужчины, которые тоже раскрасили себя углем¹⁾. На следующий день ее муж, вероятно, опять отошлет ее к тем же мужчинам, хотя он и не обязан этого делать. И только после того женщина отдается ее мужу.

По свидетельству Спенсера и Гиллена, у племени Арунта и соседних с ним в известных случаях допускается значительная свобода отношений. Это бывает тогда, когда большое количество мужчин и женщин сходятся для исполнения определенных празднеств корроббори. В важных случаях корроббори тянется дней десять. Каждый день двум или трем женщинам велят идти на место исполнения корроббори, и женщины эти считаются общею собственностью всех

¹⁾ Следует заметить, что уголь употребляется для украшения во время чародейств и мести.

мужчин, участвующих в корроббори, кроме отцов, братьев и сыновей этих женщин.

Таким образом даже у более развитых австралийских племен, наряду с индивидуальным браком, мы видим и более широкие брачные отношения. Отношения эти, можно сказать, трех родов. Во-первых, это наиболее обычные отношения, когда женщина является личною собственностью единичного мужчины, без соизволения которого никто не имеет к ней доступа. Во-вторых, более широкие брачные отношения, касающиеся определенных мужчин во время обряда заключения брака. В-третьих, еще более широкие брачные отношения, которые имеют место в известных случаях; например, при выполнении важных корроббори. В последнем случае, по словам Спенсера и Гиллена, «прямой долг каждого мужчины послать свою жену на место исполнения корроббори. И что в данном случае наиболее бьет в глаза, так это то, что первый мужчина, который имеет доступ к ней, есть именно тот самый, для которого при обычных условиях данная женщина является самым запретным табу». Этот весьма красноречивый и определенный способ нарушения правил запрета, кажется, показывает, что обычай этот имеет гораздо более определенное значение, чем простое гостеприимство. И тот факт, что все, и старые и молодые, одинаково обязаны следовать в то или иное время этому обычаю, делает для нас невозможным смотреть на этот обычай, как на право сильного, отнятое у слабого. Это—обычай, ведущий свое начало издревле, освященный в глазах общественного мнения, и сопротивляться ему не посмеет ни одна женщина, ни один мужчина».

Приведенные факты хорошо показывают, что прежние обычаи широкого брачного общения лишь мало-по-малу уступают свое место зарождающемуся личному браку. И даже в тех случаях, когда настоящий личный брак уже окончательно входит в обычай и становится господствующею формою брака, следы прежних брачных обычаев продолжают держаться очень долгое время. За доказательствами и примерами этого рода даже далеко ходить не приходится. Для этого достаточно вдуматься лишь в то значение, какое еще недавно, а в некоторых случаях и сейчас имеют разные посиделки, вечеринки, беседы, девичники, купальные ночи и другие обычаи среди русских крестьян. Многочисленные исследователи крестьянского быта сообщают о той свободе отношений, которая допускается этими обычаями. Они же ведут свое начало от тех времен, когда, как говорится в Лаврентьевской летописи, «Радимичи, Вятичи и Север один обычай имяху... браци же не бываху в них, но игрища межюселя». Интересующиеся этими пережитками русских крестьян и других народностей могут найти богатый материал для изучения этого вопроса в работах М. М. Ковалевского, Е. И. Якушкина и Н. Харузина.

В дополнение к вышеизложенному остается сказать еще несколько слов о самых способах заключения личного брака в тот момент, когда

впервые появляется этот обычай, который становится господствующим лишь на следующих ступенях общественного развития.

У австралийцев личный брак между молодыми людьми может быть заключен различными способами. Самый распространенный это тот, по которому брак между молодыми людьми соответствующих брачных подразделений заключается стариками. Иногда жена получается путем обмена, когда мужчины, члены различных брачных подразделений, обмениваются своими сестрами. Эти последние для мужчин соответствующего возраста, но другого брачного подразделения имеют значение возможных жен.

Брак посредством умыкания, который до недавнего времени многие ученые считали за наиболее первобытную форму, оказывается в действительности сравнительно более позднего происхождения. У австралийцев он еще не в обычае, хотя многие путешественники и наблюдатели описывали его в числе австралийских форм брака. Однако, новейшими исследованиями ошибка была выяснена. Долгое время за умыкание принималось взаимно условленное бегство полюбивших друг друга молодых людей.

Брак посредством предварительного соглашения и последующего бегства влюбленных, хотя и считается противозаконием и нарушением обычаев, однако, признается при известных обстоятельствах, а потому его можно рассматривать, как особый способ заключения брака. Эта форма брака, конечно, является уже настоящим индивидуальным браком, и она особенно практикуется у наиболее развитых племен Австралии. Но такой способ заключения брака почти всегда сопровождается возмездием со стороны родственников беглянки, которая обыкновенно бывает обещана в жены кому-нибудь другому. Как только бегство обнаружено, родственники пускаются в погоню за бежавшей парочкой и, если можно, приводят ее обратно. Если муж или жених беглянки находится среди преследователей, то привод парочки сопровождается обыкновенно поединком между мужем (или женихом) и нарушителем его прав. Иногда нарушителю прав приходится биться не только с нареченным своей возлюбленной, но и с его родственниками поочереди. Если он победит их всех и имеет к тому же девушку для обмена, то может удержать бежавшую с ним женщину в качестве своей законной жены. Если же он будет побит, то она возвращается к ее нареченному или мужу. Разумеется, на этой почве разыгрываются серьезные драмы. Что касается поединка, то, по словам Спенсера и Гиллена, он бывает двух родов. Если обиженный муж желает воротить себе бежавшую жену, последняя достается победителю в бое. В этом случае оба противника пускают в ход все свое оружие. Но если муж согласен уступить свою жену человеку, с которым она бежала, то последний должен лишь защищаться от копий и ножа обиженного мужа и не имеет права ни употреблять свое оружие, ни переходить в нападение. Ему тогда позво-

ляется только иметь щит для отражения летящих в него копий. Но женщине в обоих случаях приходится плохо».

Таковы последствия зарождающегося первобытного брака по любви, которая на описываемой ступени культуры не считается еще законным явлением.

Более подходящим к браку посредством умыкания являются некоторые другие случаи получения жен, происходящие действительно посредством похищения. Однако, эти случаи могут быть названы особым способом заключения брака лишь с большою натяжкой. Спенсер и Гиллен сообщают, «что редко случается, чтобы кто-нибудь силой отнял жену от своего собрата по группе. Но иногда это бывает, особенно, когда соплеменник, у которого отнята женщина, выказывал непочтение к своему тестю (по крови или по племени—все равно) тем, что не порезал себе тела в знак печали по поводу смерти одного из родственников тестя. В этом случае при умыкании жены обидчика зять найдет себе поддержку в сочленах своей местной группы. Но в других случаях умыкания ему придется биться один-на-один. Однако, иногда женщина может быть уведена мужчиной другой местной группы, хотя это и редкий случай, и обыкновенно он находится в связи с действием «отряда мстителей». Женщины, которые при этом захватываются, обыкновенно бывают женами мужчин, убитых отрядом мстителей, и они предоставляются известным членам отряда».

Спенсер и Гиллен передают один случай, когда северные группы племени Арунта послали отряд мстителей, чтобы подвергнуть мести одно племя, живущее несколько севернее. Причиной мести было какое-то действительное или предполагаемое зло, нанесенное людям племени Арунта. Случай этот показывает, что происходит с женщинами при подобных обстоятельствах. Незадолго до прибытия на место своего назначения участники отряда сделали остановку. Руководитель отряда, сидя перед лицом других участников, вырыл два длинных мелких углубления в земле, которые называются «аура». Одно углубление представляет мужчину, которого намереваются убить, другое—женщину. Если бы имелась в виду не одна, а несколько женщин, то было бы вырыто соответственное количество борозд. Руководитель отряда объяснил значение углублений и, указывая на то, которое означало женщину, он спросил: «Кто желал бы получить ее?» Двое или трое ответили: «Я желаю». Тогда руководитель после некоторого перерыва, во время которого он решал, как ему поступить, взял из углубления горсть земли и дал ее тому человеку, которому он решил предоставить женщину, говоря: «Она принадлежит тебе». Женщина, пойманная вскоре после того, стала собственностью данного мужчины.

Итак, едва ли можно говорить об умыкании женщин, как об особом способе получения жен у австралийских племен. Скорее таким способом будет получение жен при помощи чародейства. В случае

применения этого последнего способа женщина опять таки должна принадлежать к подходящему брачному подразделению племени, из среды которого мужчина может брать себе жену. При этом употребляются самые различные способы чародейства. «Первый из этих способов, рассказывают Спенсер и Гиллен, применяется тогда, когда женщина живет среди отдаленной группы племени. Мужчина берет небольшую деревянную чурингу—особый священный предмет—и идет в заросль в сопровождении двух-трех друзей. Всю ночь приятели проводят, распевая тихим голосом песни квабары, переплетая их любовными выражениями и призывами, обращенными к женщине. Днем мужчина стоит один и при помощи шнурка крутит чурингу, заставляя ее ударяться о землю и жужжать. Его друзья хранят молчание. Предполагается, что жужжание долетает до слуха отдаленной женщины и имеет силу возбуждать в ней влечение и затем уступать призывам. Недавно у Алисских рудников один мужчина созвал нескольких из своих друзей и совершил этот обряд. Через короткое время желанная женщина, которая была вдовою, по утверждению туземцев, действительно пришла из местности, находящейся на расстоянии пятидесяти верст. И теперь они муж и жена, и их союз вполне законен, так как они принадлежат к подходящим брачным подразделениям».

Такова в общем картина брачной жизни наиболее первобытного человека. Она дает нам возможность довольно точно представить себе те брачные отношения, которые были распространены когда-то и у древнейшего человека Европы. Эта картина говорит нам об очень ранней ступени человеческой культуры. Обратимся теперь к другим сторонам жизни первобытного человека.

ГЛАВА IV.

Анимизм.

Много споров велось до сих пор о том, что следует называть первобытной религией. Входило в понятие первобытного человека представление об особом верховном существе или нет? Ученые, мысль которых была скована Библией, всегда говорили, что человек с самого своего возникновения верил в единого бога. Мыслители, освободившие свой ум от религиозных пут, настаивали на обратном. Они утверждали, по примеру Лейбница, что человек, стоящий на низшей ступени развития, не думает ни о каком верховном существе, и потому должен быть назван атеистом. Жалкие остатки орудий, утвари, украшений и даже предметов зарождающегося искусства вымершего человека сами по себе не говорили ничего относительно его верований. Одно лишь изучение мира понятий современного человека, находящегося на наиболее низкой ступени культурного развития, казалось, могло сколько-нибудь удовлетворительно разъяснить этот вопрос. Однако, пока дело ограничивалось лишь самыми поверхностными наблюдениями внешнего быта «дикарей», не могло быть и речи о сколько-нибудь достоверных сведениях об их верованиях. Для действительного разъяснения первобытного мировоззрения требовалось самое точное и обстоятельное знание умственной жизни людей периода камня и самое глубокое и вдумчивое изучение их мира понятий.

Это изучение началось сравнительно недавно. Но как много дало оно для разъяснения истории умственного развития человека! Тайлор был первым антропологом, который посвятил себя специальному изучению первобытных верований. Видя, что основу их у всех изучаемых им наименее развитых племен составляет верование в существование душ, он назвал эти первобытные верования **а н и м и з м о м**, т. е. душеверием.

Возникновение верований в существование душ объясняется неумением первобытного человека понять правильным образом явления сна и смерти. Сны умственно неразвитой человек принимает за дей-

ствительность. Ему говорят, что он спокойно лежал и спал. Между тем, он в это самое время видел себя ходящим, действующим, вступающим в общение с другими людьми. Естественно, что он думает, что это бодрствовало его другое, бесплотное «я», которое действовало в то время, пока тело его лежало без движения. Его другое, бесплотное «я», по его представлению, есть его душа. С этой точки зрения и смерть объясняется крайне просто: тут уже душа покинула тело не на некоторое время, как во время сна, а навсегда.

Изучение понятий наиболее первобытных и самых разнообразных племен человека показывает самым наглядным и убедительным образом всеобщую распространенность подобных верований на заре умственного развития человечества. И остается лишь изумляться тому, что эти первобытные представления людей ранних веков камня в значительной степени продолжают еще оставаться в умах их отдаленнейших потомков, которые живут в век пара и электричества. Как медленно освобождается ум человеческий от первобытных представлений, какой живучестью обладают они, как сильно задерживается еще умственное развитие масс разными предрассудками! Сколько жизни и борьбы требуется еще для того, чтобы новейшие научные объяснения заменили собою для миллионов людей разные верования, которые поддерживаются в массе консервативным духовенством. С каким трудом и с какими препятствиями совершается умственное развитие человека. Многие люди, в том числе даже и такие, которые считают себя образованными, до сих пор верят в существование душ.

Впрочем, это позднейшее душеверие несколько отличается от первобытного анимизма. Современный «цивилизованный» анимист, считающий себя царем природы, гордится своими победами над ней и над всем поработанным им миром животных и растений; он резко отделяет себя от них и, веря в существование какой-то особой души у человека, он отрицает существование ее у животных.

Совершенно иначе смотрит на существование душ первобытный анимист, который во всем зависит от окружающих его животных и растений, в поисках за которыми он проводит всю свою жизнь. Он не обособляет себя от мира животных и даже растений, и обыкновенно он даже производит себя от них. Он верит в существование человеческих душ и одновременно он верит и в существование душ и у растений, и у животных. По его понятию, каждая существующая душа может возвратиться и воплотиться одинаково и в теле любого животного, следовательно, и человека, и в виде растения. Все зависит от того, в каком существе она найдет себе новое местожительство. Понятия австралийцев замечательно хорошо и полно поясняют эти первобытные представления.

В каждом рождающемся ребенке, все равно, какого бы пола он ни был, австралийцы видят воплотившегося сказочного предка,

жившего в те отдаленные времена, о которых только говорят предания. У соплеменников Арунта эти отдаленные времена, когда жили прародители их племени, известны под названием Алчеринга (Alcheringa).

«Прародители, жившие во времена Алчеринга, являются в уме туземцев настолько слитыми с животными и растениями, имена которых они носят, что о мужчине Алчеринга, скажем из тотема кэнгуру, иногда говорят одинаково, как о мужчине-кэнгуру или как о кэнгуру-самце, свидетельствуют Спенсер и Гиллен ¹⁾. Представление о человеческой личности часто растворяется в представлении о животном или растении, от которого, предполагается, человек произошел. Бесплезно пытаться проникнуть в даль прошлого еще глубже, чем времена Алчеринга. Это—самое начало истории племени (Арунта), истории, известной его соплеменникам».

По понятиям туземцев племени Арунта, каждый из этих предков Алчеринга всегда носил с собой один или несколько священных камней. Соплеменники Арунта называют эти камни «чурингами» (Churinga) и связывают их теснейшим образом с понятием о душах предков. «Каждая из чуринг, говорят Спенсер и Гиллен ²⁾, связывается с понятием о душе какого-нибудь человека... В местности ли своего рождения или пребывания, как это принято у людей «Личинки Уичетти», или в каком-нибудь другом месте, словом, где бы ни располагались соплеменники становищем во время своих постоянных скитаний, повсюду имеются «окнаникилла» (Oknanikilla), как их называют туземцы. Каждое из этих окнаникилл представляет собою сосредоточие местного тотема. Все такие места хорошо известны «старикам», которые знание этих мест передают из поколения в поколение. На этих местах (по понятиям туземцев) вошло в землю известное число их прародителей Алчеринга, и каждый унес с собой свою чурингу. Тело каждого прародителя умирало, но какой-нибудь естественный предмет, вроде скалы или дерева, подымался, чтобы обозначить место вхождения в землю; а душа прародителя оставалась в чуринге. В то же самое время многие из чуринг, которые прародители несли с собою и каждая из которых была тесно связана с душою какой-либо личности, были тоже положены в землю и место это опять таки отмечалось каким-нибудь естественным предметом.

(При этом предполагается, что дерево, скала или какой-нибудь предмет, поднявшийся на том месте, в которое была положена чуринга, становится «нанья», т.е. убежищем или новым местопребыванием души предка, ушедшего в землю в данном месте.)

Таким образом, если мы пойдем по пятам за бродящими туземцами, мы увидим, что вся страна повсюду обозначена окнаникиллами, или местами сосредоточия местных тотемов. В каждом из таких мест

¹⁾ B. Spencer and F. J. Gillen—The Native Tribes... стр. 119.

²⁾ Там же, 123.

положено известное число чуринг с душами людей, связанными с этими чурингами. Каждое окнаникилла принадлежит, конечно, одному тотему. В одной части страны мы имеем определенную местность с ее группой душ «Дикой Кошки»; в другой части мы имеем группу «Эму»; в третьей—группу «Лягушек» и т. д.

По понятиям туземцев, каждый рождающийся ребенок является воплощением души ~~какого-нибудь~~ предка. «Около Алисских родников, рассказывают Спенсер и Гиллен, имеется большое и важное окнаникилла, место сосредоточения тотема Личинки Уитчетти. В место это во времена Алчеринга было положено большое количество чуринг, которые носили с собою мужчины и женщины—предки тотема Личинки Уитчетти. Большое количество выдающихся скал и камедных деревьев, расположенных рядами по обеим сторонам живописного ущелья, суть деревья и скалы «нанья», т.-е. убежища для душ (сказочных предков). Пока души сохраняют образ духов, они постоянно посещают эти свои убежища. И если какая-нибудь женщина, побывав около этого ущелья, зачнет ребенка, это значит, что в тело ее вошла одна из этих душ... Ребенок в данном случае

Рис. 7. Камень детских душ, Эратипа. Около него женщина. Черная линия на камне означает место выхода детских душ.

представляет не что иное, как воплощение одного из людей тотема Личинки Уитчетти, жившего во времена Алчеринга.

Следующее туземное предание ¹⁾, записанное Спенсером и Гилленом, очень хорошо иллюстрирует понятия туземцев о воплощении душ их предков. «В области тотема Сливного Дерева, на расстоянии 15 миль на юго-восток от Алисских родников, среди заросли деревьев мулга, находится камень. Он выдается из земли фута на три и имеет округлую форму. Камень этот называется Эратипа. Во времена Алчеринга жил один мужчина, по имени Инта-тир-кака; он происходил из тотема Сливного Дерева. Мужчина этот пришел из местности Куллара-рата, т.-е. прекрасного родника. Перебравшись через впадину, находящуюся в горном хребте около горы Гиллена, Инта-тир-кака нашел воздвигнутую нуртуню (священный шест). Не видя людей, которым нуртуня могла бы принадлежать, он решил завладеть ею. Но

¹⁾ B. Spencer and F. J. Gillen—The Native Tribes... стр. 335—38.

Понятия туземцев вполне ясны в этом направлении. Они предполагают, что детские души питают особенное пристрастие к полным женщинам и предпочитают выбрать таких в качестве своих матерей.

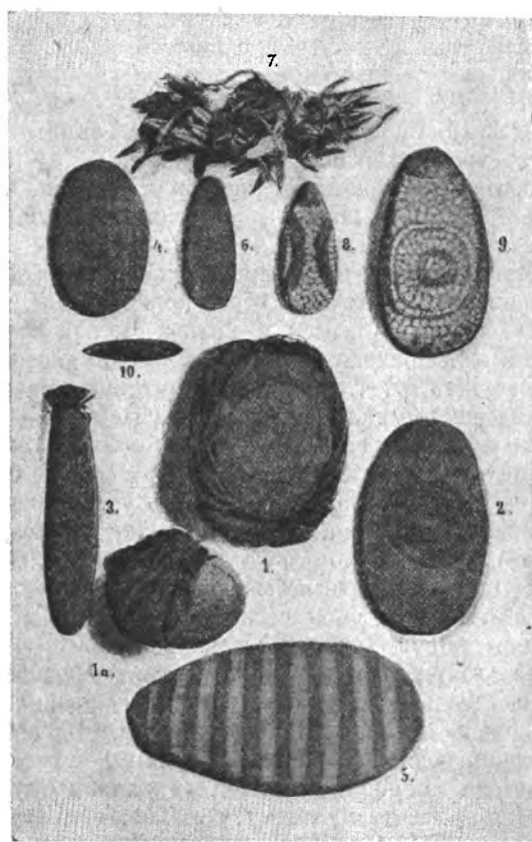

Рис. 8. Камешные чуринги различных тотемов. Фиг. 1, 1а, камешная чуринга, носимая с собою, завернутая в человеческие волосы. Фиг. 7. Чуринга, завернутая в перья аму.

даже иногда рискуя родиться от женщины неподходящего брачного деления племени».

При определении происхождения ребенка существенны две вещи: ребенок должен принадлежать к тотему той местности, в которой, по мнению матери, она зачала его; а затем ребенок должен принадлежать к соответственной брачной половине племени. У племен более

отсталых, с групповым браком и родством по матери, ребенок должен принадлежать к брачной половине матери; а у племен с мужской родословной—к брачной половине отца.

Из вышеприведенного предания, рисующего понятия туземцев о переселении и воплощении душ предков, мы могли также убедиться

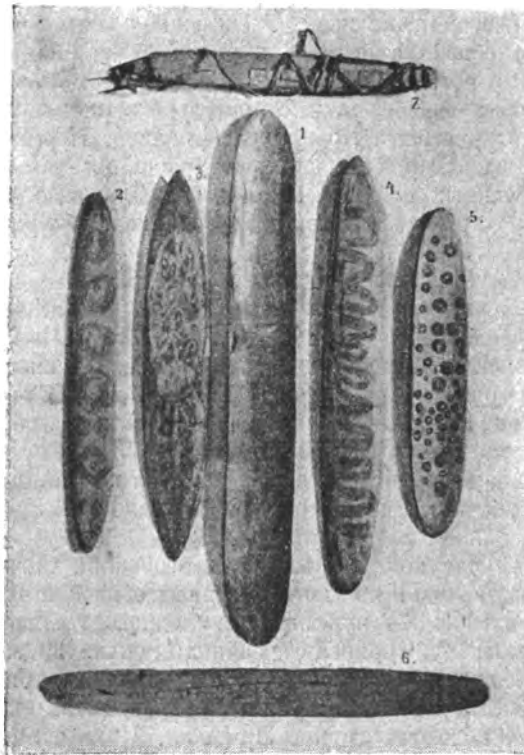

Рис. 9. Деревянные чуринги. Внизу очень древняя чуринга тотемич. группы. Ящерица, растрескавшаяся от времени. Фиг. 7. Чуринга, завернутая в кору для ношения с собой.

в том важном значении, какое туземцы придают чурингам. Чуринги у племени Арунта и сродных ему племен являются священными предметами, самым тесным образом связанными с душами. Ни женщины, ни непосвященные мужчины не смеют видеть этих священных предметов под страхом смерти или другого очень жестокого наказания, вроде ослепления посредством зажигалки. Название «чуринга» при-

лагается к различным предметам. Впрочем, большинство чуринг представляют из себя округленные, овальные или продолговатые сплюснутые камни или же куски дерева различной величины вплоть до маленьких деревянных кусков, которые обыкновенно зовутся «священными ревунами» ¹⁾).

Как видно из приводимых здесь фотографических снимков чуринг, чуринги бывают различного вида и имеют различное значение. Чем древнее чуринга, тем она ценнее. Особенно ценны в глазах членов тотемического общества древние чуринги с истершимся рисунком, полопавшиеся и истрескавшиеся от времени. Они бывают подклеены замазкой из сока особой травы, старательно перевязаны сухожилием какого-нибудь животного, чтобы не рассыпались. Нередко они бывают завернуты в мягкие перья ему для предохранения от поломок. Таковы чуринги отдаленных предков. При пересматривании чуринг, «старики» часто натирают их красной охрой для предохранения дерева от гниения.

При рассматривании рисунков, изображенных на чурингах, несмотря на кажущееся их однообразие, опытный исследователь найдет на них всегда большое разнообразие полосок и линий—прямых, кривых, змеевидных, подковообразных, перекрещивающихся, концентрических кругов, точек и пр. Значение всех этих рисунков чисто условное и очень сложное. Единственное средство разобраться в них, это быть посвященным в тайны тотемической группы, которой принадлежит данная чуринга, ибо для члена группы другого тотема тотемические рисунки этой чуринги так же мало понятны, как и европейцу.

Следующий рисунок, взятый из исследований Спенсера и Гиллена, представляет один из многочисленных образцов чуринг.

Рисунок изображает чурингу-нанья одного умершего мужчины из тотема Лягушки. Чуринга деревянная, около 39 сант. длиною. Три группы концентрических кругов *a* изображают три знаменитых больших камедных дерева, растущих на берегу реки, около Иманды, в месте средоточия тотемы группы Лягушки. Прямые линии *b*, начерченные на обратной стороне и выходящие из концентрических кругов, изображают собой большие корни камедных деревьев, а кривые линии *c* изображают меньшие корни. Группы маленьких концентрических кружков *d* изображают маленькие камедные деревья, а отходящие от них линии—их корни. Точки *e*—это многочисленные следы лягушечьих лапок, оставшиеся на прибрежном песке. Сами же лягушки, вышедшие из деревьев, изображены на передней стороне

¹⁾ Желаящие непосредственно познакомиться с этими предметами имеют возможность сделать это в этнографическом музее Академии Наук. В витрине австралийцев посетители музея могут видеть достаточное количество австралийских чуринг, доставленных в этот Ленинградский музей.

чуринги в виде малых concentрических кружков; соединяющие их линии—это ноги лягушек и т. д.

Когда детская душа входит в тело женщины, тогда, по понятиям туземцев, чуринга падает на землю. «Когда ребенок родился, — пишут Спенсер и Гиллен ¹⁾, — мать рассказывает мужу о положении дерева или скалы, около которых, по ее предположению, вошла в нее детская душа. Тогда муж в сопровождении одного или двух близких своих родственников «стариков», из которых один бывает обыкновенно его отцом или старшим братом отца, идет в описанную местность. Если она близко, то идут немедленно; если далеко, то идут, когда представится подходящий случай. Там они ищут чурингу. Предполагается, что обыкновенно, хотя и не всегда, это бывает каменная чуринга, отмеченная каким-нибудь значком тотема детской души, а, следовательно, тотема новорожденного. Иногда чурингу находят, иногда нет. В первом случае—что, говорят, случается нередко—чурингу находит чаще всего дед со стороны отца. Нужно предположить, что старик предварительно запаса чурингой нарочно для данного случая...

Мы допрашивали одного туземца за другим относительно этого дела. Некоторые из них действительно находили подобные священные камни. Но мы не могли поколебать их веры в то, что подобная чуринга постоянно роняется детской душой, все равно—будет ли чуринга найдена или нет.

«Если не могут найти чуринги, то приготавливают деревянную чурингу из дерева мулга или из какого-нибудь другого твердого дерева, ближайшего к «нанья», т.-е. к естественному предмету, служащему убежищем детской души. На чуринге вырезывается какой-нибудь

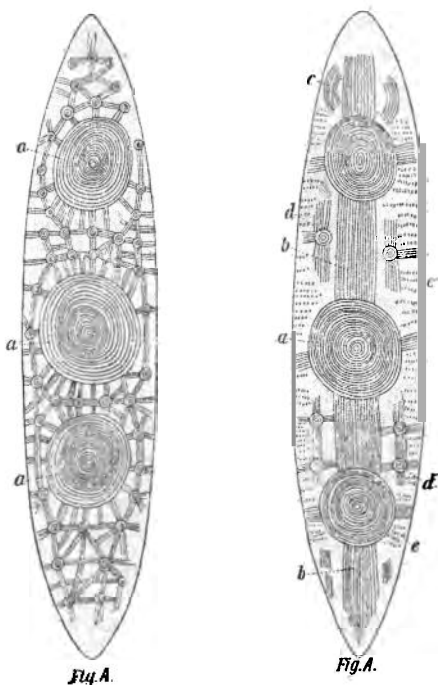

Рис. 10. Рисунки, покрывающие переднюю и заднюю стороны одной чуринги тотема лягушки.

¹⁾ B. Spencer and F. J. Gillen—The Native Tribes... стр. 132.

символ или знак, относящийся к данному тотему. После того всегда дерево или камень «нанья» детской души считается за «нанья» самого ребенка, а чуринга является его чурингою-«нанья». Предполагается, что существует определенное отношение между личностью человека и его деревом или камнем «нанья». В настоящее время, хотя вера в это и не так всеобща, однако, мы знаем один определенный случай, что туземец горячо молил белого человека не рубить одного дерева, потому что оно было его дерево-нанья, и он боялся, что с ним случится несчастье, если дерево будет срублено. Быть может, такое воззрение было в прежние времена распространено гораздо шире, чем теперь, однако, и теперь оно еще существует, что можно видеть из того факта, что всякое животное, которому случится быть на дереве-нанья туземца, является для последнего «ерекинья», т.е. запретным, и он не только не должен его убивать, но даже прикасаться к нему».

Чуринги, олицетворяющие души предков, составляют драгоценность каждой тотемической группы и хранятся в особых чурингохранилищах, открытых Спенсером и Гилленом у исследованных ими племен. «В каждом месте сосредоточения тотема, говорят исследователи, имеется особое место, называемое туземцами «эртнатулунга». Оно представляет собою настоящее хранилище священных предметов. Обыкновенно место это имеет вид небольшой, недоступной для взора щели или пещерки, расположенной в какой-либо редко посещаемой дикой местности, среди скал и гор, которые находятся в большом количестве в местности, занимаемой племенем Арунта. Вход бывает так тщательно заделан камнями, что не является даже подозрения, что камни эти скрывают от глаз «святое святых» тотемической группы. Там, заботливо связанные в пучки, хранятся многочисленные чуринги; и личность каждого члена группы, все равно, будь то мужчина или женщина, одинаково представлена ее или его чурингою-нанья в том или другом из этих священных хранилищ. После рождения ребенка, когда найдут или сделают его чурингу, она передается главарю той местной тотемической группы, в области которой был зачат ребенок; главарь кладет ее в эртнатулунгу (чурингохранилище своей группы). Таким образом, чуринга-нанья отдается на сохранение в чурингохранилище той местности, откуда пришла детская душа, совершенно независимо от того, в какой местности человек родился и проведет большую часть своей жизни.

Внутреннее содержимое эртнатулунги бывает различно по своему богатству, смотря по тому, насколько значительна по своей численности та тотемическая группа, к которой принадлежит эртнатулунга. Среди чуринг эртнатулунги бывает не малое число каменных, но большая часть их деревянные. Впрочем, некоторые из чуринг могут и не принадлежать данной тотемической группе, ибо нередко случается, что одна группа ссужает часть своих чуринг на время другой

дружественно расположенной группе. Небольшая эртнатулунга группы «Медовых Муравьев», описанная Спенсером и Гилленом, может служить некоторого рода примером содержащего эртнатулунги. «Эртнатулунга тотемической группы «Медовых Муравьев» представляет собою округленное углубление в скале, которое во времена Алчеринга было гнездом медовых муравьев. Драгоценностью коллекции (чуринг, находящихся здесь) является одна, хотя и маленькая, деревянная чуринга, которая, по преданию, принадлежала главарю людей Ярумпа (т. - е. медовых муравьев) времен Алчеринга, знаменитому Илатирпа. Это он выслал бродячие толпы людей Ярумпа из Илпаба, из великого места средоточия тотема. Другая длинная каменная чуринга представляет собою массу меда, которую вождь Илатирпа носил с собою и которым он кормился. Каменная чуринга меньшей величины, заостренная с каждого конца, представляет собою кусок дерева, который Илатирпа употреблял для раскапывания (гнезд) медовых муравьев. Эти две последние чуринги служат единственными каменными чурингами, имеющимися в данном чурингохранилище, которое в этом отношении очень бедно. В нем имеется 68 деревянных чуринг Медовых Муравьев и много чуринг тотема Ящерицы. Из последних три очень древние, бумерангообразной формы; они были взяты на время у тотемической группы Ящерицы».

Принимая во внимание то значение, какое имеют чуринги в глазах австралийских анимистов, несколько не приходится удивляться желанию членов тотемических групп обладать возможно большим числом этих священных анимистских предметов. Желание иметь при себе возможно большее число чуринг, придающих особую силу их обладателям, доходит до того, что члены одной тотемической группы на время заимствуют чуринги у другой группы. Иногда происходит настоящее сужение чуринг одной тотемической группы другой. Это сужение чуринг в жизни тотемического общества бывает настоящим событием. Начинается оно предварительно посылкою вестников, дело которых состоит в том, чтобы заручиться согласием родственной тотемической группы одолжить на время свои чуринги. В случае полученного согласия снаряжается целый посольский отряд для перенесения чуринг. При этом самая передача чуринг, как показывает подробное описание наблюдателей, совершается необыкновенно торжественно. Не менее торжественно совершается и возвращение чуринг. Для этого снаряжается новый отряд, снабженный лучшими дарами, какие только имеются у людей каменного века. Обыкновенно эти дары состоят из различных особо ценящихся украшений, вроде волосяных шнурков из женских волос и т. п. Как при отправке, так и при возвращении чуринги самым внимательным образом пересматриваются старейшими при благоговейном молчании всех присутствующих членов отряда.

Доступные лишь взорам старейших и вполне посвященных мужчин, чуринги составляют высшую общественную тайну тотемических групп. К священному чурингохранилищу, или так называемой эртнатулунге не смеет подойти близко ни одна женщина, ни один ребенок, ни один не посвященный мужчина, под страхом смерти. Местность (но не точное место), где находится эртнатулунга, известна и женщинам. Но они обязаны делать длинные обходы только для

Рис. 11. Старейшие, пересматривающие чуринги, лежащие перед ними на земле. Саади платформа для временного пребывания чуринг.

того, чтобы, хотя случайно, не подойти близко к запретному месту. Одна из подобных сокровищниц, по словам Спенсера и Гиллена, находилась на откосе глубокого ущелья, которое на довольно большом протяжении является единственным проходом через горную цепь, лежащую к югу от Алисских родников. Если какая-нибудь женщина хочет перейти через горную цепь, она не смеет идти по ущелью и должна карабкаться по отвесной крутизне утеса, да и то в некотором расстоянии от ущелья.

Эртнатулунга представляет собою настоящее «святая святых» в глазах туземца. Местность, окружающая священное хранилище, считается убежищем для диких животных. Раз животным удастся достигнуть этой местности, они спасены от смертоносных копий охотника. Неприкосновенны даже растения, растущие в этой местности. Святость эртнатулунги нам станет понятна, если мы вспомним, что в ней хранятся чуринги, связанные с душами не только живущих членов племени, но и их отдаленнейших предков. Пред священной силою эртнатулунги даже падает оружие, направленное человеком

Рис. 12. Временное чурингохранилище и группа старейших.

против человека. Вблизи эртнатулунги не дозволены ни поединки, ни драки. Более того. На время исполнения обрядов посвящения юношей в члены тотемической группы большое количество чуринг берется из эртнатулунги и привозится на место исполнения обрядов, где, устраивается особое временное хранилище. Для совершения этих обрядов собираются отдаленнейшие тотемические группы племени, и, разумеется, дело не обходится без споров и драк. Но даже вблизи временного чурингохранилища не допускается употребление оружия. Потому решать спор путем драки можно, лишь отойдя на достаточно далекое расстояние от этого места.

Потеря чуринг—это самое страшное бедствие, какое может постигнуть группу. Но даже и во время междоусобной борьбы групп друг с другом не известны случаи похищения чуринг. Быть может, этого не происходит потому, что точное место их нахождения знают лишь главарь, «старики» и посвященные члены группы, из которых все одинаково сильно заинтересованы в сохранении тайны. Всякое покушение постороннего рано или поздно кончается смертью. Единственными известными грабителями подобных священных сокровищниц являются белые,—за них платятся жизнью их проводники из туземцев, указавшие дорогу в эртнатулунгу. Разграбление эртнатулунги воистину ужасное дело. В одном подобном случае сочлены той тотемической группы, которой принадлежали похищенные чуринги, оставались в стане две недели, стена и оплакивая свою потерю и покрывая себя белой глиной в знак печали по мертвым.

«Раньше, чем получить позволение увидеть своими глазами эртнатулунгу, туземец должен пройти священные обряды обрезания и разрезывания, должен показать себя способным к самоограничению, должен всем своим поведением показать себя достойным быть допущенным к тотемическим тайнам. Если он представляет собою, то, что туземцы называют иркун-окнирра, т.е. ветрогон, человек легкого поведения, или он податлив на женские ласки, то, быть может, пройдет много лет раньше, чем он будет допущен к общественным тайнам. Когда какого-нибудь члена тотемической группы сочтут достойным этой почести посвящения, то в назначенное время старики ведут его к эртнатулунге. Здесь ему показывают его предков, т.е. чуринги, служащие убежищами их душ. При этом в воображении присутствующих души предков до такой степени отождествляются с чурингами, что старики, показывая посвящаемому какую-нибудь чурингу, нередко при этом замечают: «Это душа такого-то». Словом, происходит настоящее овещствление или материализация душ, которая делает нам весьма понятным, почему место хранения чуринг данной тотемической группы является в глазах ее членов и местом сосредоточения тотемических душ ее предков.

Итак, вера в переселение душ есть вера в то, что каждый рождающийся ребенок есть только воплощение самых отдаленных предков—прародителей; раньше прародителей людей не было, а были лишь животные и растения, от которых получили свое происхождение сами прародители. Это есть вера в существование тесного отношения между личностью человека и убежищем (нанья) его души. Вера эта не есть особенность лишь наиболее развитых австралийских племен, вроде племени Арунта и ему подобных, быт которых так мастерски описан Спенсером и Гилленом. Диери и сродные ему самые отсталые племена Австралии имеют совершенно сродный мир понятий. Это можно объяснить, без сомнения, сродными условиями предыдущей жизни и развития. «У них (у Диери и сродных ему племен), писал

Гейсон в 1874 г., имеются места, покрытые деревьями, которые они считают святынями. Наиболее крупные из деревьев они считают за останки своих преобразившихся предков. Туземцы никогда не рубят этих деревьев, и если кому-либо из поселенцев потребуется срубить их, туземцы горячо сопротивляются этому, утверждая, что с ними случится беда и что их постигнет кара за то, что они не защитили своих прародителей.

Подобные понятия не составляют также особенности первобытного человека Австралии. Они свойственны всем племенам на ранней ступени их развития и объясняют нам истинный смысл так называемого фетишизма или почитания разных священных предметов. Давно уже и очень много писалось про поклонение разных племен Африки, Америки и Азии камням, животным и растениям. Серьезное изучение мира понятий этих племен показывает, что и в данном случае дело идет не о простом поклонении этим предметам, а о поклонении душам предков, которые нашли в этих предметах свое временное убежище. Миссионерам, живущим в настоящее время среди отсталых племен Старого и Нового Света, нередко приходится выслушивать мольбы туземцев не рубить того или другого дерева, служащего обиталищем душ предков. Тысячу и более лет тому назад такие же просьбы приходилось выслушивать миссионерам, которые приходили проповедывать христианство разным племенам древних кельтов, германцев и славян. Как живучи эти понятия, показывают многочисленные рассказы, которые можно и сейчас еще услышать от немецких, русских и других крестьян, рассказы о деревьях, которые крестьяне просили не рубить; и они плакали и вздыхали, когда их рубили. Священные деревья, обиталища духов, были известны и в древней Греции. Древнегреческой лесной нимфе было тоже больно, когда дерево, служившее ей убежищем, ранилось топором. Недаром при виде топора она вскрикивала, как перед страшной опасностью.

Существование остатков подобных понятий у самых различных племен и народностей показывает, что верование в воплощение душ в различные предметы свойственно каждому человеческому обществу на заре его умственного развития. Альгонкинские индейцы Америки и по сей час еще «хоронят умерших детей возле дороги, чтобы их души могли перейти в проходящих мимо матерей и таким путем родиться вновь». Это весьма напоминает нам австралийские понятия, связанные с камнями детских душ. Многочисленные племена Африки тоже верят, что каждый новорожденный есть лишь новое воплощение души какого-нибудь предка. Недаром у иорубан, по свидетельству Эллиса, тотчас же по рождении ребенка призывается чародей, который определяет, душа какого предка воплотилась в новорожденном. В свое время подобные же верования в воплощение предков были распространены и у германцев. Так, норвежский король Олаф Святой считался воплощением древнего короля Олафа Гейрстадаальфа. Неда-

ром же, когда однажды Олаф Святой проезжал мимо могильного холма старого короля, один из спутников его спросил: «Здесь был ты погребен?»

Верования в то, что души предков могут воплотиться не только в виде новых людей, но и в виде животных и растений, были в свое время обычны и у древних египтян. Древние пифагорейцы развили эти верования в целую философскую систему.

Но если, согласно первобытным понятиям, души людей могут так легко воплощаться в животных и растения, то так же легко могут и души животных и растений воплощаться в людей; это и думают современные туземцы Австралии, которые действительно считают в числе своих предков и животных и растения. Впрочем, и эти представления не составляют особенности австралийцев. Пережитки их мы находим у многих народностей Африки и других стран, обитаемых племенами, которые называют себя «людьми-рыбами», «людьми-обезьянами», «людьми-львами» и ведут свое происхождение от различных животных. Точно так же смотрели на свое происхождение и древние народы Европы. Известно, что древнегреческое племя мирмидонян вело свое происхождение от муравья. Туземцы древней Аркадии—от медведицы, древние семноны—от священной рощи и т. д. Существующие у разных отсталых народностей священные пляски, унаследованные от предков, оказываются почти всегда обрядовыми плясками, подражающими движениям различных животных.

Все это имеет, конечно, свое значение, которое должно иметь в свою очередь совершенно научное объяснение. Научный материал новейшей этнологии дает для того не мало средств. Важно только подойти к вопросу с правильной точки зрения. Умственная сторона жизни, деятельность центральной нервной системы, имеет, конечно, такое же первичное значение, как и другие стороны жизни человека, как и деятельность других его органов. Возникновение анимистических понятий может и должно иметь чисто психологическое объяснение, должно быть объясняемо психикой дикаря, материализацией сна и других чувственно-умственных переживаний. В этой материализации анимистические понятия имеют свой самостоятельный источник.

Но, спрашивается, почему эти первобытные анимистические понятия получают с самого же начала свою животно-растительную окраску? Это уже совершенно другой и не менее важный и интересный вопрос, имеющий огромное и психологическое, и социологическое значение. И мне кажется, что и на этот вопрос тоже можно дать вполне правильное научное объяснение. Это объяснение заключается в том влиянии, которое оказывает на чувственно-умственные переживания тот охотничий образ жизни, при условиях которого слагаются все понятия и представления человека-охотника, ловца и собирателя корней и семян. Мысль первобытного человека вечно прикована

к животным, стремящимся найти себе убежище от его преследований, что невольно приводит человека к представлению, что в подобных же убежищах нуждаются и души животных, равно как и души людей. Его мысль невольно останавливается над явлением превращения насекомых, как бы свидетельствующем о превращении одних видов существ в другие. Но главное это то, что вся жизнь человека, все его существование постоянно зависит от тех видов животных и растений, которыми он питается и без которых он не может существовать. Все его осуществление как бы неразрывно связано с их существованием. Он очень реально чувствует это, называя себя их именами и даже отождествляя в своих представлениях души этих животных с душами своих собственных предков.

Анимизм имеет свои самостоятельные источники возникновения. Но тотемизм, эта вера в живую связь, заключающуюся между данным человеком и животным, имя которого он носит, обуславливается данными способами обеспечения существования. Тотемизм, как мы увидим это в соответствующей главе, есть анимизм, т.-е. известное явление психической жизни, обусловленной определенными формами экономической жизни.

Почитание своих предков в лице каких-нибудь животных или растений, вера во всевозможные воплощения их душ, убеждение в существование особой родственной связи между данным человеческим обществом и данным животным или растением, имя которого носят все члены тотема—все это говорит о том первобытном тотемическом обществе, которое характерно для наиболее первобытной ступени развития человеческой культуры.

Г Л А В А V.

Чародейство, обеспечение здоровья и забота о мертвых.

Изучение наиболее первобытной ступени культуры обнаруживает замечательное явление, которое долгое время поражало многих исследователей. Оказывается, что человек, стоящий наиболее близко к началу умственного развития человечества, не понимает и не признает естественным такого явления, как смерть. Он не признает естественной смерти от старости, не умея себе объяснить это явление. То же следует сказать и о болезнях. Почти все исследователи быта австралийцев утверждают, что австралийцы не считают болезней естественными явлениями, так как не могут найти для существования болезней никаких видимых причин. Австралийцы даже не допускают и мысли, что может существовать такая вещь, как смерть от болезни. Все болезни и случаи смерти обыкновенно объясняются злыми кознями врагов. Однажды Хауитт, увидя хромающего туземца, спросил его, что с ним случилось. «Кто-то положил мне в ногу осколок», отвечал тот. Хауитт попросил хромающего показать ему ногу и нашел, что туземец страдал острым сочленовым ревматизмом. Но туземец упорно стоял на своем. Он уверял, что кто-нибудь из его врагов, по всей вероятности, нашел след его ноги и закопал в этот след осколок камней; затем чародейство его врага сделало то, что осколок из следа ноги вошел в самую ногу. В другой раз тем же автором засвидетельствован такой случай. Однажды Хауитт со своими спутниками ехал по течению реки, разыскивая экспедицию Барка. Их сопровождала большая толпа туземцев, которые очень заинтересовались следами ног лошадей и верблюдов, рассматривали и измеряли эти следы. Вдруг, в величайшем возбуждении, к Хауитту подскакал его проводник-туземец, уроженец с реки Дарлинга и с отчаянием в голосе воскликнул: «Смотри, смотри, что делают эти дикие чернокожие. Я убежден, что они кладут яд в следы моих ног». Туземец был убежден, что результатом этого будет его смерть.

Все случаи страданий и болезней приписываются чародейству врагов. Обычный способ, который употребляется при этом чародействе, есть предполагаемое введение камней в тело страдающего. Для этого чародейства иногда употребляется особый снаряд «костебой», «кость смерти» или палочка, наводящая смерть. Лишь только кто-нибудь заболит, сейчас же держится совещание его близких, чтобы узнать, кто направил на несчастного «кость смерти». «Если больной долго не поправляется или его болезнь ухудшается, пишет Гейсон, то его жене или, если у него нет жены, жене его ближайшего друга приказывается отправиться к тому лицу, которое считается виновником страдания больного. Женщина отправляется в сопровождении своего любовника (т.-е. одного из своих пурауру) и, по прибытии

Рис. 13. Наставление костебоя.

в становище предполагаемого виновника страданий ее мужа, она делает несколько подарков заподозренному, но воздерживается от всяких обвинений. Она довольствуется лишь простым сообщением о том, что мол такой-то ее родственник заболел, и трудно ожидать, чтобы он поправился. Заподозренный высказывает свое сочувствие и выражает надежду, что больной скоро будет здоров. Однако, заподозренный знает очень хорошо, что хотя он и не обвинен, но все же подозревается в причинении болезни. Поэтому на следующее утро он объявляет прибывшей женщине, что она может вернуться к своему родственнику, так как он (подозреваемый) забросил свой «костебой» в воду и уничтожил все силы его чар. Женщина несет назад радостную весть и сообщает, что она видела владельца «костебоя» и он обещал ей уничтожить свои чары. Если заболевший умрет после всего этого, то человек, признавшийся в порче, будет убит при первом подходящем случае, особенно, если больной пользовался влиянием».

Костебой в ходу и у других племен. Вот что пишет Рот по этому поводу: «Кость смерти или костяной снаряд служит для причинения болезни или смерти. За отсутствием в глазах туземцев других наглядных причин болезней или смерти, такую причину считается этот снаряд. Это одно из самых ужасных суеверий внутреннего сев.-зап. Квинслэнда; суеверие тем более ужасное, что оно широко распространено. Костяной снаряд может быть изготовлен знахарем, или чародеем, или каким-нибудь другим мужчиной. Если кому-нибудь случится натолкнуться на этот предмет, принадлежащий другому человеку, то он немедленно же зальет найденный снаряд водою и уничтожит его, чтобы кто-нибудь не употребил его ему на пагубу. Если такой снаряд придется увидеть женщине, то она немедленно же свалится с ног и заболеет, не только от того, что она до него дотронется, но даже от одного взгляда на него».

Что касается до употребления костебоя, то оно несколько различается в различных местностях. В области племени Питта-Питта чародействующий подбирается на близкое расстояние к своей жертве, втыкает приемник снаряда в землю, а самую кость или палочку, наводящую смерть, вставляет между пальцами своей ноги, направив острие в сторону жертвы чародейства; волосяной же шнурок, соединяющий кость смерти с приемником, поддерживает рукой, не давая шнурку дотронуться до земли. При этом предполагается, что кровь жертвы незаметно втягивается наведенным острием кости, всасывается дальше волосяным шнурком и проходит по нему в кровеприемник. Одновременно с этим, вместо взятой крови, в тело жертвы внедряется чародейственным образом какая-нибудь кость, камень или какой-нибудь иной вредоносный предмет, напутствуемый соответственным наговором.

Кроме костебоя, у австралийцев существует множество других самых разнообразных чародейственных средств, употребляющихся для причинения болезни, любви, смерти и пр. Сила чародейственного гипноза во всех этих случаях действительно поразительна, а вера в наговор непоколебима. Часто туземец умирает от самой поверхностной раны, умирает потому, что верит, будто копье, причинившее рану, было пущено с наговором. Будучи уверен в этом, туземец нередко прямо ложится умирать, отказывается от пищи и скоро действительно умирает. «Недавно, рассказывают Спенсер и Гиллен, один туземец получил легкую рану в пах. Хотя, очевидно, ничего серьезного не было, однако, раненый настаивал на том, что копье было пущено с чародейством, и он должен умереть. Через несколько дней он действительно умер. Другой мужчина пришел в область Алисских родников в состоянии лихорадки; но соплеменники местной тотемической группы уверили его, что члены другой группы вынули у него сердце. Поверя, что это так, он лег на землю и скоро умер. Подобным же образом один туземец пришел к Гиллену с легкой

раной копьем в спине. Ему было сказано, что ничего серьезного нет, и была сделана перевязка; но он стоял на своем, уверяя, что копье было с наговором и сломало ему спину, хотя этого нельзя увидеть, и что ему ничего не остается, как умереть. И действительно он скоро умер».

Удивительно, что даже причиной смерти от укушения змеи считается не змея, а кто-нибудь, направивший на пострадавшего кость смерти, смоченную змеиным ядом. От этого укус змеи, в глазах туземцев безвредный сам по себе, делается смертоносным.

Спасителями от всех бед, угрожающих здоровью и жизни австралийцев, являются знахарь и чародей. У племени Арунта существуют три особых рода знахарей: 1) получившие свою силу и искусство от «ирунтариниев», или духов; 2) получившие свое искусство от «орунча», или от особого рода злых душ тотема Орунча; 3) посвященные в свое ремесло другими знахарями. Вот что сообщают Спенсер и Гиллен о способах достижения звания чародея или знахаря:

«Около 40 миль к югу от Алисских родников имеется пещера. Она лежит среди холмов, поднимающихся к северу от широко раскинувшейся равнины. Предполагается, что пещера эта, равно как и другие, находящиеся в той же цепи холмов, населена ирунтариниями или душами предков. Каждая из этих душ является как бы двойником одного из предков, живших во времена Алчеринга, и вместе с тем одного из живых соплеменников Арунта, так как душа каждого из них есть воплощение одного из предков. Одним из свойств, которыми обладают ирунтаринии, является сила делать людей знахарями и чародеями.

«Когда кто-нибудь чувствует, что он способен сделаться чародеем, он удаляется из стана и слоняется в одиночестве, пока не набредет на пещеру. Придя ко входу, он в величайшем волнении ложится спать, не смея войти внутрь. Если бы он дерзнул войти, то вместо того, чтобы исполниться чародейственных сил, он навсегда лишился бы этой возможности. Перед рассветом один из ирунтариниев подходит ко входу в пещеру и, найдя заснувшего человека, мечет в него невидимое копье, которое, пронизывая сзади шею спящего, выходит изо рта. Благодаря этому, в середине языка спящего образуется отверстие настолько большое, чтоб просунуть мизинец. Когда это совершилось, то отверстие остается единственным свидетельством и внешним признаком общения с ирунтаринием. Как в действительности делается это отверстие в языке, сказать невозможно, но оно всегда имеется у настоящего чародея. Конечно, посвящаемый должен сделать его сам; но, разумеется, ни один знахарь не признается в этом, и возможно, что, в конце концов, он и сам уверит себя, что отверстие сделано не им самим. Второе копье, брошенное ирунтаринием, пронизывает голову посвящаемого, пролетает из уха в ухо, и жертва чар падает мертвой на месте и влечется в глубь таинственной пещеры

которая простирается далеко под поверхностью равнины и, предполагается, кончается в десятимильном расстоянии, в местности, над которой возвышается горная цепь Эдифи.

«Название вышеописанной пещеры—Окалпарра. Предполагается что ирунтаринии живут в ней в вечном сиянии солнца, среди живых потоков струящейся воды... Однажды, не так давно тому назад,

два туземца, говорит предание, не зная ничего о подземельи, вошли в него в поисках воды, и их уж больше не видели»¹⁾.

Рис. 14. Чародей.

Там, в этой пещере, ирунтаринии совершают преобразование всего существа посвящающегося. Последний, наконец, возвращен к жизни, но в состоянии безумства. Однако, оно продолжается не долго, и когда он, наконец, несколько приходит в чувство, ирунтариния, который видим только для весьма немногих высоко-одаренных чародеев да для собак (?!), ведет посвятившегося обратно к его соплеменникам. После того ирунтариния возвращается в пещеру, а посвященный ведет себя каким-то странным образом в течение нескольких дней, пока в одно из утр не увидят его окрашенным смесью угля и жира с широкой лентой на переносе. Тогда все признаки безумья исчезают, и всеобщее признание встречает вновь народившегося чародея. Однако, обычай требует, чтобы в течение года он не пускал в дело своих чар. Если в течение этого времени окажется, что отверстие в его языке заросло, то его знахарские свойства исчезают и, значит, ему

не суждено ими пользоваться. В продолжение года посвященный искушается, уверяет себя, что он действительно пережил все то, что признается необходимым пережить, чтобы быть обращенным в чародея ирунтаринием. Одновременно он знакомится и осваивается с другими знахарями и перенимает у них тайны их чародейства, которое состоит преимущественно в ловкости, уменьи держаться и не выдавать себя, а также в уменьи «производить» по своему желанию маленькие

¹⁾ B. Spencer and F. J. Gillen—The native tribes of Central Australia, 523—4.

камешки (кварца) или кусочки палочек. Предполагается, что ирунтариния, преобразовав все существо знахаря, вложил в его тело чародейственные камни, которые он может ввергнуть в тело обратившегося к нему за помощью больного и тем уничтожить причину порчи.

Знахари и чародеи второго рода посвящаются орунчей, т.е. душами людей тотема Орунча времен Алчеринга. Приемы посвящения в своих существенных чертах сходны с предыдущими. Разница заключается в том, что орунча тащит посвящаемого под землю, где обитает орунча.

Знахарки, хотя и очень редко, встречаются также. Они по большей части посвящаются орунчей, хотя бывали и случаи посвящения их ирунтаринием.

Знахари третьего рода уже нечто совсем другое. Они посвящаются не духами, а другими чародеями. Желающий быть посвященным в знахари обращается к двум старым чародеям, из которых один посвящен ирунтаринием, другой орунчей. На следующее утро они берут посвящаемого в уединенное место и ему приказывается заложить руки за голову и молчать, что бы там ни произошло. Один из чародеев начинает «извлекать» из своего тела прозрачные кристаллы. Когда извлечет достаточное количество, то взятому на этот случай помощнику приказывается держать посвящаемого крепко-накрепко, и начинается введение в его тело чародейственных кристаллов. Спенсер и Гиллен, наблюдавшие эту операцию, описывают ее таким образом: «Чародеи, набрав кристаллов и крепко держа одну ногу посвящаемого, начали медленно прижимать, как бы вдавливать кристаллы вдоль всей передней поверхности ноги, а затем и тела, идя вплоть до грудной кости. Это повторяется троекратно. Кожа местами была содрана, местами исцарапана. Текли потоки крови. Предполагается, что таким образом чародейственные кристаллы вводятся в тело посвящаемого, которому теперь велят лежать на спине, вытянувшись. Чародей, посвященный орунчей, отошел в сторону и принял особое положение, как бы готовясь бросать кристаллы в голову лежащего. Левая рука чародея, державшая несколько кристаллов, была положена на ладонь правой, после чего он начал делать качающие движения назад и вперед. После этого ноги, живот и даже руки лежащего снова были подвергнуты вдавливанию камней. В заключение, каждый из чародеев придавил по одному кристаллу к голове новичка и сильно ударил по кристаллу. Смысл этого—вонзать чародейственные камни в голову. В конце концов, и из головы потекла кровь».

Теперь предстояла операция с костебоя и наводящей палочкой. Чародей взял костебой и, привязав к среднему суставу большого пальца правой руки лежащего волосяной шнурок, прикрепленный к костебою, воткнул заостренный конец его под ноготь посвящаемого на значительную глубину. Таким путем в пальце образовалось углубление, в которое, предполагается, чародей вдавил кристалл;

после этого новичку велено было крепко придавить конец пальца, чтоб не дать выскочить чародейственному камню. Операция повторялась еще два раза—днем и вечером, после чего измученному человеку давалось мясо, в котором находились кристаллы, и давалась вода, тоже с кристаллами. Он выпил ее залпом. На второй и на третий день повторялись все приемы первого дня. Наконец, посвящаемому велено было заложить руки за голову и высунуть язык. Один из чародеев извлек из головы посвящаемого, сзади уха, тонкий и острый камешек (один из тех, которые были, как предполагается, введены в его голову) и сделал разрез в его языке около дюйма длиной. В заключение тело его было натерто жиром и разрисовано особыми чародейственными рисунками, полными, в глазах туземцев, самого глубокого смысла. После необходимого наставления относительно общего поведения, срока молчания, ограничений в пище и проч., вновь произведенный знахарь возвращается в мужскую половину стана.

«Что касается самой деятельности знахарей,—говорят Спенсер и Гиллен,—то, судя по тому, что вообще разумеется под словом знахарь, на него можно смотреть, как на чародея. Главное дело знахаря—лечение больных. Но так как болезни всех сортов, начиная от простейших и кончая самыми опасными, всегда считаются причиненными дурным намерением и деятельностью врага, то способ врачевания зависит от того, что имеется под руками. Суть лечения заключается, по мнению туземцев, в удалении из тела больного какого-нибудь предмета, например, заостренной палочки, сделанной из обломков соломенной чуринги, которая была введена в тело его каким-нибудь врагом».

Когда кто-нибудь заболевает среди туземцев, то зовут в опасных случаях двух или трех знахарей на совещание. Платы не требуется и не ожидается. В случае неуспеха лечения, дело объясняется противодействием более могущественных чар какого-нибудь врага-человека или души предка.

В обычных случаях болезни больной лежит на земле, а знахарь склоняется над ним и усиленно сосет больную часть тела, выплевывая по временам предполагаемые куски какого-нибудь предмета, введенного врагом в тело больного. В опасных случаях поведение «врача» более сложно: ему необходимо некоторое время и пространство, чтобы выполнить все необходимые для его звания приемы. Он осматривает больного, совещается с товарищами по ремеслу, расспрашивает родственников больного. Присутствующие держат себя очень торжественно, и все разговоры ведутся лишь шепотом. Наконец, знахарь объявляет, что больной страдает от кости, введенной чародейством какого-нибудь недруга, и приступает к «лечению», пуская в ход все врачующее влияние внушения: пронизывающие и свирепые взгляды на больного чередуются со всевозможными телодвижениями и производят некоторое действие. Пускаются в ход и иные приемы. Напри-

мер, врачебное искусство туземцев допускает лечение кровью, мясом (питание слабого ребенка телом убитого здорового). Известно употребление многих целительных растений, употребление перевязок при переломах, применение прижиганий и пр. Существование знахарства и чародейства известно у всех племен и народностей земного шара. Недостаток места побуждает нас ограничить свое изложение описанием знахарства и чародейства австралийцев, обычаи которых дают прекрасное представление об этой стороне деятельности первобытного человека. То же следует сказать и о заботах о мертвых и погребении.

Забота о теле не прекращается со смертью человека, и у австралийцев погребение мертвого является общественным делом тотемической группы. «Во время моего восьмилетнего пребывания в той части Австралии, которая считается областью племени Диери,—пишет Джемс,—я имел лишь два случая наблюдать от начала до конца совершение обрядов погребения. Так как в обоих случаях эти обряды оказались совершенно сходными, то опишу один из них. Умерший был старик, болевший уже долгое время. И во время его кончины собралось немалое число соплеменников, пришедших, вероятно, нарочно, чтобы присутствовать при его погребении. Лишь только старик испустил последний вздох, все женщины и дети покинули свои шалаши и, сидя на расстоянии ярдов на 50 от них, подняли страшный плач, покрыли свои головы и намазали свое тело белой глиной, что всегда у племени Диери значит оплакивание смерти одного из соплеменников. Плач продолжался часами; он казался каким-то однообразным воем, который по временам стихал почти совершенно, а потом раздавался с новой силою. Я могу прибавить, что щеки женщин часто орошаются слезами, когда они таким образом оплакивают мертвых; но кажется, что в действительности при этом бывает мало настоящей печали. Если заговорить с ними, они моментально прекращают свой плач и отвечают точно так же, как во всякое другое время... Затем женщины покинули стан. Мужчины собрались вокруг шалаша умершего и, разрушив его, подошли к самому трупу. Впереди всех выступил очень старый человек с зелеными ветками камедного дерева в каждой руке. Он стал над телом умершего, смотря ему прямо в лицо, и, развевая ветками, запел песнь. Повременам он внезапно останавливался и резко звал умершего по имени и затем как бы ждал ответа. Потом снова лилась песнь, повторяемая на прежний лад. Она снова так же внезапно обрывалась и заканчивалась обращением к мертвому и призывом его имени. Пение продолжалось около двух часов. Остальные мужчины стояли в глубоком молчании. Наконец, старик, повидимому, успокоился (очевидно, он вопрошал умершего, кто был виновником его смерти, и, наконец, узнал это)... Старик сказал что-то присутствующим мужчинам, и все они начали класть белую глину на свои головы и делать небольшие белые и красные пятна на своем теле. Когда это было сделано, то некоторые из более молодых мужчин были

посланы рыть могилу, а более пожилые начали привязывать друг к другу крепко-накрепко пальцы ног покойного при помощи крепких шнурков. Затем они связали таким же способом и большие пальцы рук мертвеца у него за спиной... Глядя на то, как тщательно были завязаны шнурки, всякий пришел бы к заключению, что даже сильный и здоровый человек не смог бы разорвать их и подняться, будучи связан подобными путами. На мой вопрос туземцы сказали, что связали мертвеца для того, чтобы лишить его возможности «ходить». Когда тело было окончательно связано и могила готова, восемь человек стали пред мертвецом на колени, по четыре с каждой стороны, и, взяв его на руки, положили себе на головы и таким способом понесли к могиле. Их сопровождали остальные мужчины, идя беспорядочною толпой. Могила находилась на расстоянии около мили от стана. Она была около 4 футов глубины. В нее прыгнули двое мужчин, чтобы помочь неслим тело опустить его в могилу. Затем, выйдя из могилы, они стали помогать присутствующим класть вдоль тела большое количество старого дерева; вся могила была заполнена, над нею был сделан небольшой круглый холмик около 4 футов вышиной и около 12 футов в поперечнике. Туземцы говорили, что они употребляли дерево, вместо земли, для того, чтобы динго не прорыли могилу и не съели мертвеца. После этого могила была тщательно подметена кругом, чтобы уничтожить следы ног, и все возвратились в стан и начали строить свои шалаши в некотором расстоянии от того места, где умер старик. Соплеменники Диери никогда не остаются в становище, в котором случилась смерть. В течение целой луны (4 недели) два старика ежедневно приходили к могиле при наступлении ночи и тщательно подметали место вокруг нее. А каждое утро в течение того же месяца они приходили к могиле опять и смотрели, нет ли на подметенном месте следов мертвеца. Они сказали мне, что если бы нашли следы, то вырыли бы тело и погребли бы его снова в каком-нибудь другом месте, ибо найденные следы означали бы, что мертвец недоволен своей могилой и «бродит». Имя умершего воздерживаются упоминать; говорят о нем, прямо не называя его.

Гейсон описывает обряд погребения у племени Диери немного иначе, хотя его описание во многом сходно с предыдущим. «Когда умирает мужчина, женщина или ребенок, все равно, от какой бы причины ни случилась смерть, большие пальцы ног связываются вместе, а тело заворачивается в сеть. Могила роется в 3 фута глубиной, и тело умершего несется на головах 3—4 мужчинами. Подойдя к могиле, три человека становятся на колени около нее, а другие кладут тело им на головы. Один из «стариков» (обыкновенно ближайший родственник умершего) берет две легкие дубины около 3 футов длиной и держит их по одной в каждой руке, стоя на небольшом расстоянии от тела. Затем, ударя дубинами друг о дружку, он вопрошает умершего, веря, что тот может понять его. Он спрашивает, как тот умер

и кто был причиной смерти... Мужчины, сидящие вокруг, действуют, как истолкователи мертвеца, и, в соответствии с общим мнением, дают имя какого-нибудь туземца другого племени (вероятнее—другой тотемической группы). Старик перестает бить в дубины; мужчины и женщины поднимают плач. Тело берется с голов держащих его и опускается в могилу. В нее прыгает один из туземцев (не состоявший в родстве с умершим) и начинает срезать с трупа весь жир, покрывающий мускулы лица, бедер, рук и живота, и передает эти куски жира присутствующим, которые его поедают. Смысл этого ужасного обычая тот, чтобы ближайшие родственники покойного могли скорее его позабыть и не плакать по нем»,—говорит Ге й сон, на ответственности которого, конечно, лежит это сообщение.

«После объедания мертвеца, мужчины красят себя углем и жиром (не для того ли и добывали жир?), делая черные круги вокруг рта... Другие мужчины натираются белой глиной, которая служит для показания печали. Могила покрывается землей и в нее втыкается большой кол... Если погода холодна, то туземцы зажигают около могилы огни, чтобы мертвец мог согреться, и часто ставят пищу, чтобы он мог поесть. После каждого случая смерти всегда переменяют место своего становища и никогда не произносят имени умершего».

Рот довольно подробно описывает обряды погребения, существующие у некоторых квинслэндских племен. В округе Булиа умерший кладется на кучу кустов, набросанных на рыболовную сеть. Края сети захватываются сверху при помощи древка копья, образуя род мешка, в котором покоится тело умершего, 2 или 3 человека несут тело умершего на головах, в сопровождении всего стана. Место могилы определено, приступают к ее рытью. Режутся шесты и палки футов 3 — 6. Когда все готово, тело, вместе с некоторыми предметами покойного, кладется в могилу лицом кверху. Шесты и палки кладутся поверх тела, засыпаются землей, а сверху набрасываются кусты. Все это делается, чтобы предохранить покойника от динго. Место около могилы рассчитается, по словам Рота, чтобы предохранить могилу от случайного пожара заросли. После погребения все возвращаются в стан, многие со слезами на глазах. Особый род гипса играет в данном случае роль траура. Гипсом намазываются головы таким образом, что все волосы закрываются белой массой. Этот траур носится иногда (в случае оплакивания мужа) в течение 6 месяцев. Оплакивание умершего продолжается каждую ночь в течение недели или двух, при чем на могилу покойника приносится каждый раз еда.

У племени Арунта, по описанию Спенсера и Гиллена, тело погребается в сидячем положении. Сверху насыпается небольшая куча земли, на одной стороне ее сделано небольшое углубление, обращенное к той стороне, в которой, предполагается, обитала душа умершего во времена Алчеринга. Углубление делается для того, чтобы облегчить душе погребенного выход из могилы после того, как закончится

последний надмогильный обряд оплакивания. При похоронах соплеменников тотемической группы «Личинки Уитчетти» в могилу кладутся чуринги.

Факт погребения вместе с умершим его чуринг крайне важен сам по себе, ибо он может разъяснить многое в столь интересном мире первобытных понятий о воплощении душ. Зарывание в землю вместе с умершим его чуринг делает понятным и факт нахождения чуринг предков, после рождения ребенка, после того как, по понятию австралийцев, душа предка перешла в ребенка и перестала нуждаться в своем прежнем убежище.

ГЛАВА VI.

Тотемизм и чудодейственные обряды умножения продовольствия.

Древнейшие времена камня с полным правом могут быть названы временами тотемизма и тотемического общества.

Но что такое, в сущности, есть тотемизм? В современной этнологии тотемизмом называются первобытные верования в некоторую таинственную связь, существующую между данными людьми и известным видом предметов, обыкновенно каким-нибудь определенным видом животного или растения. Ведя от него свое происхождение и называя себя его именем, данные люди нередко считают данное животное или растение своим покровителем и остерегаются наносить ему вред.

Пережитки тотемизма широко распространены и могут быть обнаружены у всех племен человека. Но, конечно, лишь у наименее развитых племен мы можем наблюдать настоящее переживание тотемизма. У народностей более развитых от прежнего переживания тотемизма сохраняются лишь самые жалкие следы, лишь самые слабые воспоминания. Тотемизм выражается в различных формах: и в названии подразделений племени именами различных животных и растений, и в почитании известных видов этих животных и растений, и в разнообразных запрещениях употреблять их в пищу. Насколько широко распространены и как долго продолжают держаться обычаи первобытных людей называть себя именами тех или иных животных и растений, показывают многочисленные примеры родовых обществ Азии, Африки, Америки и островных земель Океании. У всех их до сих пор еще сохраняются обычаи называть свои роды по большей части именами определенных животных. И они не только называют себя людьми-волками, людьми-медведями, соколами, дикими кошками, пантерами, муравьями и пр., но и стараются в некоторых случаях придать себе известную внешность животного, имя которого носят. В этом заключается смысл первоначальных тотемических украшений и позднейшей татуировки. С целью походить на своего

тотема, человек из рода людей-буйволов носит в виде головного убора украшенные буйволы рога или устраивает себе прическу, напоминающую рога буйвола, а в торжественных случаях он пляшет особую священную пляску буйволов, подражая телодвижениям этого животного. С этою же целью, люди-вороны во время своих обрядовых танцев стараются подражать походке своего тотема. С тою же целью люди тотема змеи рисуют на своем теле изображение змеи, люди тотема муравьев — изображение муравьев и так далее.

То же значение переживания тотемизма имеет и клятва животными. У русских инородцев, гиляков, остяков, бурят, киргизов, якутов и друг., до сих пор еще можно наблюдать многие следы тотемизма в известном виде одежды (рысья шапка гиляков, волчья — коряков), в почитании известных животных (орел и другие животные у якутов, лебедь у остяков, медведь у айнов), в клеймах с их изображениями, в священных плясках (медведя и др.) и т. д. Те же следы тотемизма можно найти и у древних народов: у древних египтян, почитавших различных животных и так умело сохранивших набальзамированные тела их; у древних перуанцев, а равно и у предков современных индоевропейцев. Почитание некоторых видов деревьев было одинаково известно и у древних греко-италиков, и древних кельтов, и у древних германцев, и у древних славян. Предания о происхождении от животных могут быть открыты и у древних греков, римлян и савиан. То же можно сказать и о запрещении употреблять в пищу известное животное, о клятвах именами животных и т. д.

Спрашивается, откуда ведет свое происхождение тотемизм, имеющий значение того, что многие ученые не без некоторого основания называют самой первобытной религией? Чем объяснить возникновение в уме первобытного человека этой религии, которая выражается в веровании в существование какой-то особой таинственной связи между данным родом людей и данным родом животного или растения?

До самого последнего времени этот вопрос составлял глубочайшую тайну, разгадать которую не было ни малейшей надежды. И вместе с тем не существовало никаких надежд объяснить должным образом и возникновение первой религии. Но в настоящее время замечательные открытия, совершенные Спенсером и Гилленом в области исследований жизни первобытного тотемического общества Австралии, начинают уже проливать яркий свет на этот в высшей степени интересный и важный научный вопрос. Спенсер и Гиллен открыли у людей каменного века Австралии существование особых чародейственных обрядов, цель которых состоит в том, чтобы умножить количество известного тотемического животного или растения. Эти чародейственные обряды составляют важнейшее общественное дело бродячих тотемических групп Австралии и существуют у них с незапамятной старины. Они состоят в том, чтобы с помощью чародейства изгнать еще не воплотившиеся души данных животных

и растений из их временных убежищ и заставить их войти в утробы пробегающих самок или в подходящую почву, и таким путем воплотиться в виде нового числа животных и растений, необходимых для жизни тотемических групп.

У племени Арунта эти обряды носят название «интихиума». По словам Спенсера и Гиллена, обряды интихиумы, быть может, самые важные из всех; но, кажется, немисливо открыть, когда и как они возникли. В самые ранние времена, о которых только сохранились предания, были тотемические группы, и одною общею им всем чертою является лежащая на них обязанность совершать известные чародейственные обряды интихиумы. В настоящее время каждая местная тотемическая группа имеет свои собственные обряды интихиумы, и не найти двух групп, у которых они были бы тождественны. «Но хотя обряды эти и различаются по своему выполнению, — говорят Спенсер и Гиллен, — однако, важно отметить то, что единственная цель всех этих обрядов заключается в умножении того животного или растения, по имени которого зовется самый тотем. И если взять племя, как одно целое, то общей целью всех этих обрядов явится увеличение общего запаса пищи». ¹⁾

«Что касается до времени исполнения обрядов интихиумы, то можно сказать, что в каждом отдельном случае определение времени зависит от главаря тотемической группы, однако, в общем оно в значительной степени зависит от самого времени года. Обряды интихиумы находятся в самой тесной связи с размножением тех животных и с цветением тех растений, с которыми отождествляет себя тот или другой тотем, и они выполняются в определенное время года. В центральной Австралии, поскольку дело идет о спаривании животных и цветении растений, описываемые обряды ограничиваются двумя временами года: одним сухим временем, продолжающимся неопределенное и часто продолжительное время, другим — дождливым, коротким временем, наступающим часто очень неправильно. За последним временем следует возрастание животной жизни и такой внезапный подъем в произрастании растений, что бесплодные пустыри разом превращаются в богатые пространства, покрытые разными растениями и кипящие животными».

Раз чародейственные обряды умножения продовольствия держатся как раз перед наступлением времени подъема растительной и животной жизни, то успех этих обрядов понятен сам собою. Туземцы же, конечно, с своей стороны объясняют этот успех непосредственно силою своего чародейства. По свидетельству Спенсера и Гиллена, в уме туземцев, однако, исполнение этих обрядов не имеет никакой связи с мыслью о взывании к помощи какого-либо сверхъестественного существа.

¹⁾ Spencer and Gillen. «The Native Tribes...», стр. 169.

Исполнение интихиумы у племени Арунта совершается, обыкновенно, по решению совета стариков под руководством главаря. Достаточно взять лишь два примера интихиум из большого числа их, приведенных в исследованиях Спенсера и Гиллена, чтобы дать о них наглядное представление. Мы берем интихиумы тотема Личинки Уитчетти и тотема Кэнгуру.

Когда в области Алисских родников дело доходит до исполнения священных чародейственных обрядов, то мужчины собираются в главном стане группы. Те из них, которые должны принять в них участие, незаметно покидают стан, направляясь от него к месту сходки, находящемуся не особенно далеко от стана. Предполагается, что уход их остается неизвестным ни женщинам, ни тем мужчинам, которые не принадлежат к преобладающему в данной группе тотему. Очень немногие «старики» — два или три, быть может, остаются в стане. На следующее утро они просят всех мужчин, не принадлежащих к данному тотему, возвратиться с охоты как можно раньше. Из мужчин, ушедших на совершение священнодействия, каждый оставил свое оружие в стане, ибо все должны идти без всякого вооружения и без всякого признака каких-либо украшений. Даже волосной пояс, постоянно носимый мужчинами, оставлен в стане. Все мужчины идут гуськом, за исключением главаря, который является руководителем церемонии и идет сбоку отряда, чтобы равнять строй. Ни один мужчина, кроме разве уж очень дряхлых, не может есть никакой пищи, пока не закончится совершение обрядов. Всякая дичь, какая может быть только поймана на пути, передается немедленно же старикам. Шествие обыкновенно пускается в дорогу под вечер, так что, когда оно достигает места остановки около ущелья Эмпилли, становится уже совсем поздно. Здесь отряд располагается на ночь.

При наступлении утра участники предстоящих священнодействий начинают собирать ветки с камедных деревьев, находящихся у входа в ущелье. Каждый мужчина несет по ветке в каждой руке, главарь же несет маленькое деревянное долбленое корытце, называемое «апмара». Идя опять гуськом, участники обряда, под руководством главаря, следуют по тропе, проложенной когда-то знаменитым Интвайлиука, великим главарем тотемической группы Личинки Уитчетти, жившим еще во времена Алчеринга. Наконец, достигнуто место, называемое илтура окнира, расположенное высоко над западным склоном ущелья. В этом месте, которое представляет собою небольшую пещерку, лежит большая глыба кварцита, а вокруг него небольшие округленные камни. Большая глыба изображает собою мэгва, т.е. взрослое животное. Главарь начинает петь и бить по камню своим апмара в то время, как другие мужчины бьют по нему ветками при пении песен. Смысл всего этого — приглашение животного класть свои яйца. После некоторого времени начинают бить по мень-

шим камням, по чурингам унчима, которые представляют собою яйца мэгва.

Затем главарь берет один из меньших камней и ударяет им в живот каждому мужчине, говоря: «*Unga tuga oknirra ulquinna*» («да будешь ты есть много пищи»). Когда это окончено, камень кладется на место, и главарь ударяется своим лбом в живот каждого участника священнодействия.

Наконец, илтура покинута, отряд спускается с хребта к руслу реки в глубине ущелья и останавливается под утесом, называемым Алкналинта, что значит разукрашенные глаза. В этом месте во времена Алчеринга знаменитый Интвайлиука имел обыкновение жарить, крошить и есть личинки уитчетти (т.-е. его тотемического животного). Главарь ударяет по скале своей апмарой, то же делают прочие мужчины своими ветками, а старики поют песнь, приглашая животных сойтись со всех сторон и класть яйца. Предполагается, что в этом месте, у подножья утеса, глубоко под песком зарыта огромная каменная глыба мэгвы. Это было местом, на котором обыкновенно стоял Интвайлиука и бросал в лицо утесу каменные чуринги унчима, которые снова катились к его ногам. Согласно обычаю, то же самое проделывает и главарь с несколькими чурингами, принесенными из рядом находящегося чурингохранилища, а остальные мужчины быстро вбегают и убегают по крутизне утеса, продолжая все время петь. Камни скатываются в высохшее русло потока, потом заботливо собираются и снова помещаются на прежнее место.

После этого участники обряда выстраиваются гуськом и молча направляются к ближайшему илтура, находящемуся в расстоянии около 1½ миль от ущелья, по направлению в Алисским родникам. Главарь входит в углубление, около 4—5 футов глубиною и, распевая протяжным голосом песнь об учака, соскребает при помощи своей апмары с внутреннейности углубления всякую грязь, какая могла в нем накопиться. Скоро главарь обнажает два камня, которые были старательно скрыты на дне пещерки. Большой камень называется чурингой учака и представляет собою куколку, из которой развивается животное. Меньший камень называется чурингой унчима (яйцо). Когда камни открываются взору, они торжественно берутся на руки и чистятся ладонями при пении песни о куколке. Теперь участники обряда один за другим входят в илтуру, и главарь, вздымая «чурингу-куколку», ударяет ею каждого из них в живот, снова говоря: «Да будешь ты есть много пищи». Наконец, опустив камень, он бодается (это единственное слово, годное для выражения производимого действия) своим лбом о живот каждого участника обряда.

В общем имеется около 10 подобных илтур, и в каждой из них имеются свои чуринги учака. Каждая илтура посещается отрядом поочередно, и в каждой происходит повторение вышеописанного.

Старики, оставленные в стане, высматривают возвращение отряда. Во время его отсутствия они выстроили в стороне от главного стана шалаш, называемый «умбана», который должен изображать оболочку куколки, из которой выходит вполне развившееся насекомое. Вокруг умбана собираются те, кто не участвовал в вышеописанных чародейственных обрядах. Мужчины, принадлежащие к другой брачной половине племени, находятся на расстоянии около 20 сажен и сидят в глубочайшем молчании. Еще дальше на такое же расстояние становятся женщины. Когда один из стариков, оставшихся в стане, замечает приближающийся отряд, он выступает вперед и запекает:

«Ilkpa pung kwai, Yaalan in nai, Yu milk la, Naen tai yaa lei».

Рис. 15. «Да будешь ты есть много пищи».

Наконец, отряд доходит до умбана и входит в него. Когда все участники уже находятся в шатре, они начинают петь о разных ступенях превращения личинки уичетти, об утесе Алкналинта и о великом мэгва, находящемся у его подножья. Лишь только участники отряда входят в умбану, мужчины и женщины другой брачной половины племени ложатся лицом вниз и лежат так, пока не получают разрешения подняться. Им не позволено шевелиться ни под каким предлогом. Пение продолжается еще некоторое время. Затем главарь, скорчившись, выходит из шатра и тихо идет вперед на место, которое предварительно было расчищено на протяжении нескольких ярдов. За ним идут прочие мужчины, которые поют о мэгве, выпупляющемся из покровов своей куколки, — из умбаны. Потихоньку они то выходят, то снова входят в шалаш, пока не соберутся там все снова. Пение тогда прекращается. Старики, оставшиеся в стане, приносят пищу и питье, и участники чародейственного обряда в первый раз от его начала принимают пищу. Когда стемнеет, все покидают шалаш

и идут в сторону, противоположную той, где лежат мужчины другой половины племени, и отходят на такое расстояние от последних, что становятся ими невидимы. Зажигается огромный костер, вокруг которого усаживаются все участники, и почти до самого утра распевают песни про личинку уичетти. В это время женщины надлежащей половины племени должны стоять, впери́в взор в темноту ночи, чтобы видеть, что женщины другой половины племени лежат, распростершись на земле. Они вглядываются также и следят за возвратившимся отрядом интихиумы, совершенно так, как, по понятию туземцев, это делалось женщинами во времена Алчеринга.

Вдруг пение прекращается, костер разбрасывается главарем. Это сигнал, освобождающий мужчин и женщин других брачных подразделений, которые вскакивают на ноги и убегают в главный стан вместе со всеми женщинами другой брачной половины. Священный отряд остается у шалаша до самого утра, после чего участники его идут к мужской части стана, зажигают огонь и освобождаются от всех своих украшений, сбрасывая с себя ветки ундирринга. Когда волосяные шнуры, повязки и пр. сняты, главарь произносит: «Наша интихиума окончена. Эти вещи должны быть отданы мулианука (т.-е. членам противоположной половины племени), иначе наша интихиума не будет иметь успеха, а на нас самих падет какое-нибудь несчастье». Все ему в ответ кричат: «Да, да! воистину так!» Главарь зовет мулианук, которые находятся около мужской половины стана, и все украшения делятся между ними. После того «старик», раньше приносивший пищу участникам отряда, теперь идет по шалашам и собирает у женщин припасы; все это приносится на место, где еще остаются участники священного отряда, здесь жарится и съедается ими. После полдня «старик» приходит сюда снова и приносит красную охру и волосяные шнуры, принадлежащие членам отряда. Как раз перед закатом солнца «старик» натирают красной охрой свое тело и тела более молодых людей, уничтожая таким образом прежние тотемические знаки. Затем мужчины надевают волосяные шнуры и прочее и расходятся по шалашам.

Интихиума тотема Кэнгуру дает другой хороший пример обрядов этого рода. Для лучшего уяснения этой интихиумы необходимо сказать несколько предварительных слов. На реке Финк имеется особое место, которое туземцы зовут Ундиара. Здесь под отвесными стенами цепи кварцитовых утесов, под сенью камедных деревьев, находится небольшой родник. С самых давних времен, еще во времена Алчеринга, — так говорит предание ¹⁾, — этот родник имел самую тесную связь с членами Окиры или тотема Кэнгуру, и временно здесь находилось чурингохранилище их тотемической группы. На восток от родника находится неглубокая пещера, около 20 футов высотой

¹⁾ Приведено у Спенсера и Гиллена, стр. 193 и след.

и 30 фут. шириной, образованная нависшею стеною утеса. В этом месте, говорит предание, мужчины тотема Кэнгуру во времена Алчеринга жарили и ели убитых ими кэнгуру.

Выступ пещеры возник там, чтобы обозначить то место, в котором со времени Алчеринга осталось лежать тело великого Кэнгуру. Выступ этот стал камнем-нанья, убежищем души великого Кэнгуру. К камню потом приходило великое множество кэнгуру, и все они входили в землю в этом месте, а души их подобным же образом входили в ту же каменную грудь пещерного выступа утеса. В настоящее время около Ундиары живет один из членов тотема Кэнгуру, старик Унгутника. Он является воплощением того знаменитого Кэнгуру времен Алчеринга, который когда-то появился на свет в этой Ундиаре под большим камедным деревом, что простерло свои дряхлые ветви над зеркальной водою источника. Древний Унгутника был еще маленьким Кэнгуру, когда он пустился в путь, в местность, называемую Окирилпой. Но, пройдя 3 мили и выйдя на открытую равнину, он, к своему ужасу, увидел толпу диких собак. Молодой Кэнгуру побежал опрометью прочь от диких собак, но собаки нагнали его в равнине Чулине и разорвали все тело его, содрали кожу, вырвали печень и даже мясо сорвали с костей. Покончив таким образом с Унгутником, собаки улеглись подле. Однако, скоро оказалось, что Унгутника был не вполне уничтожен, его кости и кожа остались. И вот на глазах у собак содранная кожа Унгутника придвинулась к костям и снова обросла их. Унгутника вскочил на ноги и побежал, но был пойман опять. Так повторялось много раз. Чудесно восставая после каждого раза, Унгутника побежал, наконец, к Ундиаре, а собаки за ним. Здесь, у самого родника, они снова настигли Унгутнику и съели его, а хвост его оторвали и зарыли в том самом месте, где он до сих пор остается в виде камня и называется «чуринга окира пура», т.-е. чуринга хвоста Кэнгуру. Душа же молодого Кэнгуру Унгутника, тесно связанная с тою чурингой, которую он при жизни носил при себе, вошла в одну женщину и снова появилась на свете, приняв уже человеческий образ.

Другое предание повествует о том, как один мужчина Улпунта из тотемической группы Кэнгуру, член брачного подразделения кумара, охотился однажды за великим Кэнгуру. В одном месте, когда Улпунта отдыхал, его увидел другой мужчина тотемической группы Арунга, член подразделения бултара. Мужчина этот мгновенно изменил свой вид и стал мужчиною тотема Кэнгуру и пустился также в погоню за преследуемым животным, ибо он был голоден. Кэнгуру, измученный погоней, достиг, наконец, местности Улпмура и лег отдыхать. Вскоре сюда пришли из Ундиары несколько мужчин тотема Кэнгуру и увидели подоспевшего сюда мужчину бултара. Мужчины, пришедшие из Ундиары, жестами спросили мужчину бултара: «Есть у тебя длинные копья?» «Нет, — отвечали мужчины из Ундиары в свою очередь, — у нас маленькие». Тогда мужчина бултара сказал:

«В таком случае положите свои копья на землю». «Хорошо, — был ответ, — положи же и ты свои копья на землю». Копья были положены на землю, и все мужчины, соединившись вместе, бросились на Кэнгуру; мужчина бултара со щитом и чурингой в руках. Кэнгуру был очень силен и помял всех мужчин довольно сильно. Но те разом прыгнули на Кэнгуру, при чем мужчина бултара попал под низ и был задавлен. Но вместе с тем, казалось, был задавлен и Кэнгуру. Мужчины тотема Кэнгуру погребли мужчину бултара, зарыв вместе с ним его щит и чурингу, а сами пошли к Ундиаре, неся с собой тело Кэнгуру. Оказалось, Кэнгуру был еще жив. Однако, он все же скоро умер и его положили в пещеру Ундиара. На том месте, где он был положен, выдвинулся каменный уступ, чтобы обозначить место. Душа животного вошла в уступ, который через это сделался наньей, или убежищем души Кэнгуру. Мужчины тоже вскоре умерли, и души их вошли в хрустальные воды родника. Предание прибавляет, что в позднейшие времена к пещере пришло множество кэнгуру, и все они вошли в землю, а души их в тот же выступ.

Теперь можно приступить к описанию интихиумы тотема Кэнгуру, как оно изложено у Спенсера и Гиллена.

Когда предстоит совершение обряда, то на месте, находящемся немного к западу от Ундиары, устраивается становище. В день исполнения обрядов рано утром один молодой мужчина посылается в особое место, находящееся на расстоянии полусотни сажен к западу от родника. Цель этой посылки — удостовериться, что в окрестности нет ни женщин, ни непосвященных мужчин, ни членов других тотемов. Затем участники чародейственного обряда двигаются в путь, держась основания цепи скал, и останавливаются у того места, куда был выслан сторож. Здесь под землю, скрытая от взора, лежит глыба мягкого серого песчаника, около трех футов длиной и одного фута в поперечнике в самом широком месте. Поперечный разрез камня имеет вид треугольника. Верхушка камня лежит на один фут под поверхностью почвы. Лишь только участники обряда окружают хорошо им известное место, главарь счищает с поверхности камня песчаную почву, и камень открывается взорам присутствующих. Бока его, гладкие от постоянного трения, покрыты камнями меньшей величины, и среди них есть один плоский камень, которым и производится трение. Главарь берет его в руки и трет им открытую поверхность глыбы песчаника, после чего она может быть приподнята, чтобы было лучше видеть его.

Каменная глыба, это чуринга окира пура, т.е. чуринга хвоста Кэнгуру времен Алчеринга, которого, согласно выше приведенному преданию, преследовали дикие собаки, и хвост которого зарыли в землю. Другие каменные глыбы, очевидно, скатившиеся со склона утесов, представляют собою умершие тела диких собак. После того как камень, натертый главарем, осмотрен всеми присутствующими, он

снова закрывается, и отряд двигается дальше, продолжая держаться основания скал, пока не будет видна пещера и ее священный выступ. У родника делается остановка на противоположной от пещеры стороне. Тут участники отряда пьют воду, а потом обходят вокруг родника и садятся как раз против выступа пещеры у его основания. По левую руку, лицом к выступу, сидят мужчины брачных подразделений панунга и бултара, справа — других подразделений — пурула и кумара. Затем главарь и другой мужчина, по отношению к которому главарь находится в положении гаммоны (брат матери по крови или по племени), выступают из числа сидящих и взбираются на склон утеса с восточной стороны выступа. Здесь на высоте около 20 футов над уровнем долины выдаются из стен утеса, одна над другой, две

Рис. 16. Ундиара. Выступы пещеры покрыты тотемическими рисунками (полосами кэнгуру), залитыми кровью людей-кэнгуру. В центре фигура чародея.

глыбы. Предполагается, что одна изображает собаку кэнгуру мужчину, другая — женщину. Первая натирается камнем мужчиною пурула, вторая — бултара. После совершения этого, оба опускаются вниз, и это служит сигналом для того, чтобы начать украшение священного выступа. При помощи красной охры и истертого в порошок гипса, на поверхности утеса красятся попеременно красные и белые полосы около фута шириною каждая. Расписывание полос на левой стороне выступа производится мужчинами панунга и бултара, а на правой стороне — мужчинами пурула и кумара. Предполагается, что красные полосы изображают красноватую шкуру кэнгуру, а белые полосы — его кости. После этого двое или трое из мужчин панунга и бултара и 5 — 6 человек пурула и кумара взбираются на выдающуюся часть выступа; первые садятся на левой, вторые на правой стороне его, открывают вены на своих руках и дают крови свободно течь и орошать священный выступ. Сидящие внизу мужчины следят за ними и поют песни об умножении количества кэнгуру, что обеспечивается посредством совершаемых чародейств.

Если мы вспомним предания, приведенные пред описанием этой интихиумы, то суть чародейства станет нам понятна. Ведь выступ, поливаемый мужчинами тотема Кэнгуру своею кровью, выдался, чтобы обозначить место положенного сюда великого Кэнгуру,

и кипит душами животных, вошедших в уступ в более позднее время. Следовательно, смысл чародейства — кровью выгнать из уступа души животных и таким образом умножить число кэнгуру, ибо душа животного, выгнанная из своего убежища, входит в тело самки кэнгуру таким же образом, как душа человека тотема Кэнгуру входит в тело женщины. Так понимают дело сами туземцы, и на подобное объяснение стоит обратить особенное внимание, так как оно может служить ключом к объяснению чародейств целого ряда интихиум.

Целью приведенных выше священных тотемических чародейственных обрядов и им подобных является умножение запаса пищи. Единственным возражением против такого заключения может служить то, что в настоящее время у многих австралийских племен членам тотема обыкновенно запрещается, до известной степени, есть то растение или животное, именем которого называется тотем. Следовательно, нельзя как будто говорить, что прямая цель обрядов интихиумы есть умножение запасов пищи, если чародейства эти совершаются лишь для умножения того запретного животного, растения или другого предмета, именем которого называется сама чародействующая тотемическая группа. Однако, сказанные запрещения и ограничения пищи не везде одинаково безусловны. У разных австралийских племен, стоящих на разных ступенях развития, обычаи, существующие на этот счет, очень различны. Гейсон ничего не говорит о запрещении есть туземцу его тотемическое животное. Таплин, исследовавший племена, стоящие, быть может, на более высокой ступени развития, чем Арунта и ему сродные, говорит, что тотемическое животное может быть убито и съедено членами тотема. Спенсер и Гиллен про туземцев центральной Австралии говорят ¹⁾: «Хотя при обычных обстоятельствах туземец очень мало ест от своего тотема, однако, имеются особые случаи, при которых сам обычай заставляет туземца есть небольшие доли своего тотема во избежание того, чтобы не исчезли запасы его продовольствия. Эти случаи бывают как раз тогда, когда выполняются чародейственные обряды интихиумы. Если мы спросим, например, главаря тотема Личинки Уитчетти, почему он ест свой тотем, который в глазах любого туземца есть то же самое, что он сам, то получим такой ответ: «Если бы я не поел немножко своего тотема, то не был бы в состоянии выполнить должным образом чародейственный обряд интихиумы».

Наконец, сами австралийцы, члены некоторых тотемических групп, не раз объясняли, что их группа носит название того или другого животного или растения потому, что она существовала когда-то, питаясь главным образом данным животным или растением. Так, еще в 40-х годах члены тотемической группы Балларок объясняли Грейю, что их группа так зовется потому, что прежде она питалась

¹⁾ Spencer and Gillen, стр. 167—8.

преимущественно растением, которое на их языке называется баллард. То же самое сообщает Грей и о группе Нагарнук, питавшейся, по преданию, в прежнее время мелкою рыбкою нагкорн и т. д.

Все это заставляет, между прочим, видеть в обряде интихиумы переживание такого времени, когда среди австралийских племен существовали обычаи, совершенно противоположные обычаям настоящего времени, когда члены тотема питались своим тотемом и когда только что описанные чародейства для каждой тотемической группы имели прямою своею целью — умножение продовольствия для ее членов. Это же подтверждается и преданиями. Предания, касающиеся обоих примеров интихиум, говорят, что прежде члены тотемической группы питались своим тотемом. В первом примере под утесом Алкналинта описывается место, где прародитель группы Личинки Уитчетти, Интваиллиука, имел обыкновение жарить, крошить и есть личинки уитчетти, давшие имя его тотему. Во втором примере то же делали мужчины тотема Кэнгуру во времена Алчеринга, которые имели обыкновение жарить и есть убитых кэнгуру как раз там, где теперь совершается обряд интихиумы. Но предания, касающиеся приведенных интихиум, не есть единственные, говорящие о том, что в прежние времена тотем каждой тотемической группы служил пищею для ее членов. Об этом, можно сказать, говорят буквально все предания, касающиеся интихиум. О том же говорят и слова «да будешь ты есть много пищи», произносимые главарем при исполнении обрядов интихиумы в первом примере; а также и тот факт, что, по окончании интихиумы тотема Кэнгуру, молодые мужчины отправляются на охоту за кэнгуру; убитые животные приносятся ими в стан и передаются «старикам», а затем они поедаются всеми присутствующими, при чем хвост считается самым лакомым куском.

Правда, поедание членами тотема их тотемических животных обставлено известными правилами и ограничениями. Но и эти правила и ограничения, по крайней мере, у племен внутренней Австралии таковы, что лишь еще раз подтверждают верность вышеприведенного определения, что целью обрядов интихиумы является умножение продовольствия. Туземцы считают, что каждая тотемическая группа ведает число животного или растения, имя которого она носит, а члены ее имеют первые доступ к нему. Так, хотя члены тотема Личинки Уитчетти очень мало едят своего тотема, однако, члены их тотемической группы, не принадлежащие к этому тотему, совсем не имеют права есть личинки уитчетти вне стана. Чтобы получить право есть их, они должны предварительно принести личинки уитчетти в становище членов этого тотема и только после этого они получают от последних позволение есть их тотемическое животное. Иначе, говорят туземцы, тотемическое животное рассердилось бы, и запас личинок уитчетти иссяк бы. Подобные же правила прилагаются и во всех других случаях поедания тотемического животного у племен центральной Австралии.

Здесь следует заметить еще одну крайне интересную подробность, передаваемую австралийскими преданиями относительно прежних условий поедания тотемических животных. В предании, касающемся тотема Кэнгуру, было сказано, что мужчина тотемической группы Арунта, будучи голоден и решившись пуститься в погоню за бегущим кэнгуру с целью убить его и съесть, изменил себя в мужчину тотема Кэнгуру, чтобы иметь успех в охоте. В другом предании говорится, что отряд мужчин тотема Дикой Кошки, желая есть плоды сливного дерева, точно таким же образом изменил себя, превратившись в людей тотема Сливного Дерева. В третьем предании рассказывается, что женщина тотема Бандикут отправилась раз в путь вместе с женщинами тотема Хакеа. По дороге им приходилось питаться плодами бандикут. Для того, чтобы женщина тотема Хакеа могла питаться плодами тотемического растения женщины тотема Бандикут, последняя совершила над первую священный обряд квабара ундатта и разрисовала женщину «Хакеа», сообразно священным изображениям своего тотема. Таким образом женщина тотема Хакеа была превращена в женщину тотема Бандикут и получила возможность есть тотемическую пищу этого наименования. Таково первоначальное значение оборотней, раскрываемое австралийскими тотемическими преданиями. Вера в оборотней, как известно, живет до сих пор в мировоззрении наиболее темных слоев различных европейских народов и может служить новым доказательством прежнего существования тотемизма, переживавшегося когда-то их предками.

Австралийские священные песни квабары, которые распеваются по ночам после совершения интихиум, полны преданий, подобных вышеприведенным. Они заслуживают по отношению к себе самого серьезного внимания со стороны всех интересующихся первоначальными ступенями умственного развития человечества. Они не только подтверждают лишний раз данное выше объяснение значения тотемических обрядов, но и проливают яркий свет на происхождение самого тотемизма.

Г Л А В А VII.

Детство и первые степени посвящения юношества.

Когда душа какого-нибудь предка входит в женщину и возрождается, то ей приходится вновь появляться на свет среди суровой действительности каменного века. Пуповина новорожденного перерезывается каменным ножом, острым краем раковины или острым концом землекопалки. Концы пуповины не завязываются, а закручиваются; иногда они прижигаются горячими угольями или покрываются чем-нибудь. Ребенок очищается землей, золой и песком. Из пуповины иногда делается ожерелье для ребенка, которое, по понятиям людей каменного века, способствует росту ребенка, предохраняет его от болезней и успокаивает.

Ребенок родился. Но это еще не значит, что он останется в живых. Обычай детоубийства очень широко распространен среди наименее развитых племен человека. Ученые самым различным образом объясняли возникновение этого обычая. Некоторые предполагали, что убиваются главным образом девочки. И на этом основании Ма-к-Ле-н-н-а построил свое известное учение об убийстве девочек. Думая, что убиваются главным образом девочки, Ма-к-Ле-н-н-а объяснил это существованием обычая похищения жен. Племена, не желающие, чтобы их женщины служили приманкою для других племен, похищающих женщин, стремятся избавиться от женщин, убивая рождающихся девочек. Новейшие исследования жизни людей каменного века показали, что учение Ма-к-Ле-н-н-а о детоубийстве не имеет под собой серьезного научного основания. Самый факт детоубийства безусловно существует, но особого различия между мальчиками и девочками из соображений, приводимых Ма-к-Ле-н-н-а, при этом не делается. Во-первых, убиваются все уроды и недоразвившиеся, потому что ничто не может заставить первобытного человека видеть в них своего ребенка. Он непоколебимо убежден, что родившееся существо есть детеныш какого-нибудь другого животного, например, кэнгуру, душа которого вошла в женщину. Затем в огромном коли-

честве убиваются и здоровые дети. Обыкновенно это детоубийство обуславливается невозможностью для матери выкормить новорожденного. Дело в том, что кормление на ранних ступенях культуры продолжается очень долго, так что матери приходится кормить за раз не одного, а двух, а тут еще рождается третий ребенок. Хауитт, который специально исследовал детоубийство, распространенное у австралийцев, говорит, что ему «неизвестно ни одно сколько-нибудь удовлетворительное доказательство того, чтобы, как правило, убивали чаще девочек, чем мальчиков». «И из собранных мною лично сведений, — говорит Хауитт, — я не могу отыскать причины, почему бы это могло быть. Детоубийство случается у дикарей или:

1. когда количество детей умножается так быстро, что они становятся тяжелым бременем, или,
2. когда дети рождаются уродами или близнецами, или,
3. когда они являются в глазах туземцев незаконными, т.е. когда оба родителя принадлежат к одному и тому же брачному подразделению.

«Я не думаю, чтобы существовали, кроме сказанных, еще какие-либо особые причины уничтожать непременно девочек. Женщины у австралийцев не являются бременем для племени. Они собирают пищу, служат вьючным скотом при переходах. Они отчаянно дерутся, когда необходимость заставляет их собственноручно прибегать к защите им близких.

«Они приносят не мало выгод тому, в чьем распоряжении находятся: ведь, благодаря наличности сестры или дочери, мужчина у многих племен может путем обмена достать себе жену! Спенсер и Гиллен подтверждают, в свою очередь, что мать убивает своего ребенка лишь тогда, когда думает, что выкормить его она не в состоянии, так как она и без того уже обременена кормлением. В случае убийства новорожденных детей, их родители думают, что душа убитого снова отправится в то место, откуда пришла, и через некоторое время возродится вновь, быть может, даже при посредстве той же самой женщины».

Многочисленные наблюдатели семейной жизни у племен, стоящих на ранней ступени культуры, единогласно свидетельствуют, что кормление ребенка может продолжаться очень долгое время — 3 и даже 4 года. Первоначальное воспитание лежит, конечно, на матери. У австралийцев, как и у других малоразвитых племен, женщины, сопровождаемые подростками детьми, носят своих маленьких детей всюду, куда ни случится им идти. Дети выучиваются от матерей и помогают им собирать корни, плоды, топливо, ловить маленьких животных и пр. Девочки, остающиеся при матерях более долгое время, чем мальчики, выучиваются строить шалаши, плести корзины из травяных стеблей и пр. Мальчики обучаются отцами употреблению оружия и охоте. Дети растут на воле. Почти все писатели со-

гласны в том, что дети редко наказываются. Случается, конечно, что отец ударит сына по голове плоской стороной бумеранга; однако удар этот будет нанесен просто в запальчивости или раздражении и не будет иметь особого воспитательного значения.

С 10 — 12-летнего возраста мальчики переходят целиком в ведение мужчин, и их воспитание становится делом общественным, делом приготовления новых членов племени. При этом молодые юноши, в течение довольно продолжительного времени, проходят целый длинный ряд обрядов. Эти обряды различаются по своему выполнению у различных племен, но сходны по своей цели. Цель этих обрядов состоит, между прочим, в стремлении подчинить молодежь общественному надзору и руководству, общественной воле стариков, научить молодых людей мужеству, самообладанию и самоограничению. Тем, которые выдерживают все необходимые испытания, сообщаются священные тайны племени, касающиеся чуринг и тотемов. Таким способом из молодых людей делают правоспособных членов тотемической группы.

Обряды посвящения не составляют принадлежности исключительно австралийцев. Имеются многие указания на существование обрядов посвящения юношества и у других мало развитых племен человека. По крайней мере такие обряды, как вышибание зуба, обрезание и проч., широко распространены среди самых разнообразных племен и рас Старого и Нового Света. Пример существования обрезания у евреев служит хорошим доказательством того, как долго сохраняются подобные обряды в виде пережитков глубокой старины, когда первоначальное значение их уже давно забыто.

Однако, обряды посвящения, существующие у других мало развитых племен, до сих пор еще не исследованы должным образом. К счастью для науки, самоотверженные труды австралийских исследователей спасли то, что иначе совершенно бесследно пропало бы для истории первобытной человеческой культуры. Посвящение Гейсона, Спенсера и Гиллена в члены описываемых ими тотемических групп дало им возможность подробно, точно и наглядно описать все ступени посвящения, проходимые соплеменниками. Эти описания раскрывают перед нами такую богатую картину жизни человека ранних веков камня, что нам стоит на них подробно остановиться.

Обряды посвящения у большинства австралийских племен могут быть разделены на обряды трех и даже четырех степеней.

Судя по описанию Гейсона, отличительной чертой обряда первой степени посвящения, как он совершается у племени Диери и его окружающих племен, служит обряд вышибания у посвящаемого одного из верхних резцов. Вышибание зуба производится над детьми 8—12 лет. В объяснение этого обряда туземцы могут только сказать: «Так делали наши предки и потому мы так делаем». Вышибание зуба

совершается с разными церемониями, и зуб потом бережно сохраняется. По словам доктора Рот а, вышибание верхнего зуба в ходу и у квинслэндских племен, но будто бы у них не имеет значения обряда посвящения. У племен, описываемых Спенсером и Гилленом, обряд первой степени посвящения заключается в подбрасывании 10—12-летних мальчиков на воздух. При исполнении этого обряда мужчины и женщины местной группы собираются где-нибудь около главного стана. Все мальчики, достигшие сказанного возраста, один за другим берутся мужчинами на руки и подбрасываются вверх по нескольку раз подряд. Когда мальчики падают вниз, их ловят на руки, а женщины пляшут вокруг, машут руками и кричат: пау, пау, пау-а-а! Затем спина и грудь мальчиков разукрашиваются разными священными изображениями.

При совершении над мальчиками первой степени посвящения им говорится, что с этих пор они не должны играть с женщинами и детьми, не должны помещаться в одних с ними шалашах, а должны жить с мужчинами в мужском становище. До сих пор они ходили вместе с женщинами на поиски за растительной пищей и за маленькими животными. Теперь они должны сопровождать мужчин на охоту за крупной дичью, чтобы приучаться к охоте и быть достойными посвящения в тайны тотемической группы.

Вторая степень посвящения, обрезание, совершается над юношей, когда его родственники (обыкновенно старшие братья) найдут, что юноша достиг надлежащего для этого возраста. Приготовления к посвящению совершаются втайне от юноши. Собирается предварительно большое количество проводольствия, ибо обряды посвящения сопровождаются корроббори, которые тянутся многие дни и на которых присутствуют всегда многие соплеменники. При исполнении корроббори могут присутствовать даже члены других тотемических групп, если им случится быть в местности данной группы. Спенсер и Гиллен дают¹⁾ на протяжении 30 страниц подробное описание того, как совершается обряд обрезания у тотемической группы Кэнгуру. Я попробую передать это описание в наиболее сокращенном виде, опуская все подробности, которые только могут быть опущены без ущерба для понимания. Обряд группы Кэнгуру в своих существеннейших чертах может быть принят за образец того, как вообще совершается посвящение второй степени у племени Арунта и ему подобных.

Юноша, предназначенный для посвящения, под вечер схватывается внезапно тремя молодыми мужчинами, которые являются по отношению к нему его ~~окилла~~ (старшим братом), умбирна (т.е. братом женщины, могущей стать женою юноши) и ункулла (т.е. сыном сестры отца). Схватив юношу, они кричат: учай! учай! Испуганный юноша

¹⁾ Spencer and Gillen... стр. 218 и след.

борется, пытаясь освободиться; но его уже тащат на место совершения обряда. Место это, называемое апулла, находится вне поля зрения главного стана, чтобы женщины не могли видеть совершаемого обряда. Место это предварительно очищается от кустов и травы таким образом, что образуется проход около 5 ф. ширины и 40—50 ф. длины, тянувшийся с востока на запад. Часть земли вынимается из прохода и насыпается по сторонам его, образуя две насыпи во всю длину прохода. На расстоянии около 40 ф. от восточного конца прохода устраивается загородка из кустов, около которой собираются мужчины. Женщины, когда их присутствие допускается, собираются с наружной стороны загородки.

Приглашенный на место совершения обряда юноша покоряется своей участи при виде собравшихся здесь мужчин и женщин. Мужчины берут его к себе, и он садится среди них, в то время как женщины начинают пляску со щитами в руках. Смысл этой пляски таков. Во времена Алчеринга известное число женщин, называвшихся «унтиппа», шли по стране, ведя вместе с собой несколько юношей, над которыми предстояло совершить обряд обрезания. Подвигаясь вперед, женщины плясали всю дорогу, неся с собою щиты, потому и в настоящее время обряд должен начинаться подражанием пляске унтипп времен Алчеринга. Впрочем, эта пляска женщин не составляет особенности обряда посвящения у племен, описанных Спенсером и Гилленом. Рот также говорит о пляске женщин, разукрашенных, как бойцы.

Пока женщины плясали, мужчины пели песнь про шествие женщин унтипп чрез страну. После того как посвящаемый имел достаточно времени насмотреться и послушаться, к нему подходит мужчина ункулла и начинает обматывать волосистую часть его головы волосатыми шнурками таким образом, что получается плотно сидящая волосатая шапка; при этом посвящаемый в первый раз в жизни опоясывается волосатым пояском, который носится мужчинами. После этого держится совещание и поручается другим трем мужчинам разукрасить посвящаемого. Для этого строится из ветвей другая загородка на противоположной стороне прохода, куда назначенные мужчины отводят посвящаемого, натирают все тело его жиром и расписывают розовато-белой глиной и пухом птиц. После того посвящаемому говорится, что он больше не ушмерка (т.е. посвященный лишь в первую степень поднятием в воздух), а вуртья, т.е. посвящаемый в следующую степень. Ему говорят также, что он обязан выказывать безусловное повиновение во все время исполнения обрядов и никогда и ни под каким видом не должен сообщать женщинам все то, что ему предстоит видеть. Если он сообщит, то за это заплатятся жизнью самые близкие и родные ему люди. Он не должен говорить, может лишь отвечать на вопросы, да и то шопотом. В конце концов, ему велят лечь и лежать ничком за загородкой, и ни в коем случае не

пытаться без позволения смотреть то, что делают мужчины у своей загородки и в проходе апулла. Если же посвящаемый ослушается приказания, то на него падет величайшее бедствие: великий дух Тваннирика, чей голос слышится, когда начинают звучать священные ревуны, унесет его вместе с собой.

Между тем пение и пляска продолжаютя до утра. На рассвете старшая из женщин миа (т.-е. из числа так называемых матерей посвящаемого) приходит с зажигалкой, огонь которой она тщательно под-держивала в течение всей ночи. Под утро, при помощи этой зажигалки, женщина миа зажигает две приготовленных ею палки и, когда мужчины затачивают особую пестю об огне, одну из этих зажженных палок она передает той женщине, старшая дочь которой назначена вуртье (посвящаемому) в качестве его будущей жены. Пение продолжается. Сказанная женщина приближается к посвящаемому и, обвязав вокруг его шеи особую повязку из волосяных шнурков, передает ему зажженную палку, говоря ему, чтобы он всегда крепко держался своего огня,—иными словами, чтобы не путался с женщинами, предназначенными другим мужчинам. После этого, по сигналу, данному одним из мужчин, посвящаемый подымается и бежит, преследуемый целой толпой мальчиков, которые скоро затем вместе с женщинами покидают место посвящения и возвращаются в стан. Посвящаемому говорится, что он не должен давать своей зажигалкой погаснуть и не должен терять ее, иначе он и его мать оба будут убиты особым отрядом мстителей «курдайча». Через некоторое время посвящаемого ведут в стан, но не оставляют его там, а отводят в кусты, где предоставляют ему оставаться одному со своими размышлениями, чтобы происходящее теперь вокруг него могло произвести на него впечатление.

На четвертый день вуртье опять помещается за загородку. Его сторожат и ему запрещается двигаться. Ночью мужчины поют песнь о священных шествиях людей тотема Малого Сокола времен Алчеринга и об их обрядах, совершавшихся при помощи знаменитых каменных ножей. Мужчины эти были именно те первые люди, которые впервые ввели употребление каменного ножа; до того же времени обряд обрезания совершался при помощи огня зажигалки,—так повествует предание. В полночь двое мужчин акилиа закрывают особой повязкой глаза посвящаемого и ведут его к сидящим против прохода мужчинам. Здесь он должен лежать лицом к земле. Затем начинается одно из представлений квабары. Вуртье позволяет сесте и смотреть. Один изукрашенный мужчина изображает динго, другой—кэнгуру и подражает движениям и голосу этого животного. Динго преследует кэнгуру, но, в конце концов, кэнгуру убивает его. Но динго внезапно вскакивает, бежит на посвящаемого и бросается на него. За динго бежит кэнгуру и валится сверху на обоих, за ним следуют еще другие мужчины.

В конце концов, посвящаемому объясняется стариками, что представление квабары передает в данном случае действительное происшествие, которое случилось во времена Алчеринга, когда один мужчина тотема Дикой Собаки подвергся нападению и был убит мужчиною тотема Кэнгуру.

По окончании этой исторической драмы, посвящаемый снова отводится за загородку при пении священных песен квабары, которые поются с некоторыми перерывами всю ночь. Только что приведенное представление, конечно, разнообразится сообразно с тотемом посвящаемого; но оно всегда изображает одну из страниц из истории отделенного прошлого данной тотемической группы.

На пятый день после полдня дается новое представление. На сцене теперь два кэнгуру и дикая кошка. В волосах у кэнгуру воткнуто особое священное украшение «ванинга», составляющее тайну для женщин. В зубах у них стружки, пропитанные кровью—это раны, полученные кэнгуру от укусов собаки. Настоящее представление было некоторым повторением предыдущего.

Шестой день был проведен в охоте и пении песней о странствованиях прародителей Алчеринга. Песни эти были внимательно выслушаны посвящаемым,—он их слышал впервые. Его, очевидно, знакомили с историей его предков. Это становится ясным из представления, данного на следующий день. Тело действующего лица было расписано красною охрой и полосами, образованными из птичьего пуха. При этом предполагалось, что то и другое было сделано точно так же, как делалось это предками во времена Алчеринга. С поясицы его свешивался клубок шнурков, который, предполагалось, изображал мошонку кэнгуру. Когда все было готово, представлявший появился на сцене, с легкостью выскочив из-за загородки, у которой сидели мужчины. Посвящаемый также был принесен на место представления с завязанными глазами. Сперва ему было велено лежать ниц, а потом позволили подняться и следить за представлением. Минут десять представлявший весьма искусно проделывал наиболее характерные движения животного, между тем как мужчины пели про странствования кэнгуру времен Алчеринга. В конце концов, кэнгуру с легкостью проскакал вокруг апуллы и, подбежав к вуртье, лег на него. После этого посвящаемому был рассказан весь смысл происходившей сцены: во времена Алчеринга толпа мужчин кэнгуру пустилась в путь из места, называемого Ултаинта. После целого ряда странствований они дошли до местности Каринга, где один из них, Умбурча, умер, т.-е. умерло его тело, а душа его находилась в священной чуринге, которую он нес с собою; потому душа его осталась в чуринге, в руках остальных спутников, продолжавших свой путь. Душа эта вошла потом в одну женщину и вновь родилась на свет в образе мужчины, который был, конечно, назван тем же именем Умбурчи. Посвящаемому сказано было также, что старики знают все.

что касается подобных вещей, и потому могут решать, кто родился снова в образе того или другого мужчины или женщины. Дело в том, что детская душа, входящая в ту или другую женщину, находится в теснейшей связи с одной из священных чуринг, известное число которых повсюду носил с собою каждый предок времен Алчеринга. Поэтому, хотя ребенок и не имеет определенного имени, но, конечно, он принадлежит к тому же самому тотему, что и тот предок, который носил с собою его чурингу во времена Алчеринга, т.е. если предок был кэнгуру—мужчиной или женщиной, все равно,—то и дитя должно быть кэнгуру. Таким образом старики и определяют тайное или священное имя родившегося.

Так, среди невиданных зрелищ и священных обрядов под чарующие звуки неслыханных песен, молодой юноша постепенно посвящается в священные тайны преданий и увлекается в глубину тотемизма. С закрытых глаз юноши сдвигается таинственная завеса, скрывающая отдаленное прошлое предков. И ему открывается совершенно новый мир дотоле неизвестных понятий. Так вот что! Живущие вокруг него люди есть лишь воплощение душ прародителей, живших во времена Алчеринга, а сами они суть воплотившиеся души разных животных и растений, души которых в неизвестные, в незапамятные времена приняли человеческий образ!

Теперь посвящаемый снова отводится за свою загородку. Старик держат совещание и избирают одного человека, которому назначается совершить операцию, и другого, ему для помощи. Выбирается еще третий мужчина, чтобы держать щит, на который будет посажен посвящаемый во время совершения обряда. Все переговоры ведутся шопотом, так, что говорящий подставляет свой рот к уху слушающего.

В это же самое время мужчины, сидящие у загородки, неистово громко поют священную песнь.

Наступает время оператору и помощникам принять подобающий вид. Это—целая церемония, цель которой внушить посвящаемому полное доверие к людям, избранным для такого общественного и священного дела.

Утро восьмого дня проводится в подготовке к новому тотемическому обряду, за которым следует представление сцен из прошлого группы тотема Крысы, описание которых я опускаю. Посвящаемый разукрашивается. Опять следуют новые и новые представления, в которых действует целая толпа кэнгуру времен Алчеринга. Под конец все они бросаются на вуртью, который со стоическим спокойствием, распростертый на земле, почти бездыханный, выносит на себе лежащую на нем тяжесть массы человеческих тел.

На девятый день посвящаемый с завязанными глазами снова приносится на место действий, и с небольшими изменениями повторяются представления кэнгуру, и снова отдаленное прошлое предков встает пред глазами юноши, наполняя его сердце и ум новыми чувствами

и новыми мыслями и закрепляя в его памяти новые образы и понятия.

По окончании целого ряда представлений кэнгуру, все мужчины скучиваются у своей загородки, высота которой увеличивается посредством новых слоев нарочно для того наброшенных веток, и на сцену появляются женщины. По знаку старого окниа, женщины приближаются к апулле с криками: пай! пай! пай! Они занимают проход, где пляшут в течение нескольких минут. Затем они присоединяются к мужчинам, которые пляшут вокруг женщин с лицами, обращенными на восток. В это время женщина мура, та самая, которая дала посвященному горящую зажигалку и сорвала с него украшения в то время, как он плясал вместе с другими мужчинами,—мура выступает внезапно вперед. Став сзади посвящаемого, она вдруг просовывает свою голову между ног его и, выпрямившись, подымает юношу на плечи и убегает с ним, сопровождаемая всеми остальными женщинами, на некоторое место, находящееся сзади. Здесь она садит юношу на землю, садится сзади него, схватив его за руки, а сзади нее садятся еще две женщины. Остальные женщины пляшут и кричат: пай! пай, пай!, зовя к себе мужчин обычными условными знаками жестов.

Мужчины некоторое время остаются на своем месте и поют песнь об огне. Затем трое из них, один из которых окилиа (т.е. старший брат), особо приставленный сторожить вуртью, закрывая свои лица щитами, быстро бегут к женщинам, отнимают от них посвящаемого и ведут его снова к апулле, где его кладут на землю, закрывши ему лицо. Женщины убегают в стан. В сумерки посвящаемого разукрашивают снова. Снова в проходе апуллы появляются пляшущие женщины и зовут вуртью к себе. Но один из мужчин подымает его на плечи и убегает с ним. Вуртья кладется на землю на некотором расстоянии от апуллы. Зажигаются большие костры и режутся молодые деревья, из которых должны быть приготовлены шесты «арачитта». Мужчины поют песнь об огне, а со стволов деревьев сдираются ветки и бросаются в костры. Скоро 30 штук шестов арачитта водружаются в землю на расстоянии ярдов 200 от апуллы. Посвящаемый разукрашивается ветками еремофилы. Женщинам дается знак, и они быстро занимают проход апуллы и смотрят на запад, откуда на них идет шествие мужчин с посвящаемым, спрятанным среди них. Происходит притворная битва, кончающаяся бегством женщин.

Проход апуллы очищается самым тщательным образом. Держится новое совещание относительно того, кому на долю выпадет завидная честь нарисовать на теле посвящаемого священный тотемический рисунок. Описание этой части обряда я опускаю. Дать объяснение всему происходящему весьма трудно. Сами туземцы, вместо объяснений многих частей обряда, просто ссылались на то, что «так делалось во времена Алчеринга».

Пред наступлением темноты двое мужчин окилия становятся на возвышающихся сторонах прохода апуллы и принимают надлежаще торжественную позу. Мужчины поют песнь: «Слушайте ящериц, что на деревьях». По сигналу прибегают женщины и располагаются двумя группами по обеим сторонам апуллы. Стоящие же там мужчины быстро бегут к загородке, где скрывается скорченный вуртья, и разбрасывают закрывающие его ветки. Оба окилии преклоняют пред ним колени и затем все трое бегут к апулле, где посвящаемого кладут на грудь распростертого на земле уринтантими (мужчины, между бедрами которого посвященный сидел в первый день). Женщины приглашаются держать священные шесты. Они идут с притворным колебанием и неохотой, в глубине души очень польщенные этой честью.

Снова начинается пение и пляски при свете огней. Высоко возвышающееся пламя зажженной массы ветвей освещает окрестность. Под впечатлением величественного зрелища, которое представляет в это время место посвящения, посвящаемый остается недвижим. Вдруг раздается рев одного из стариков. В мгновение ока пляска обрывается. Женщины, сопровождаемые криками и угрозами мужчин, бегут в свое становище. Со всех сторон слышатся пронзительные стонущие звуки священных ревунов. Мужчины окниа и окилия хватают шесты арачитты и делают вид, что бьют посвящаемого при звуках неистово распеваемой песни.

Страшная минута посвящения приближается. На золотом фоне развеваемого ветром пламени горящих загоронок выступают две человеческие фигуры — оператор и его помощник. Их бороды закусаны между зубами. Ноги расставлены, руки распростерты вперед. Оба стоят без движения в полнейшем безмолвии ночи. Оператор стоит впереди с маленьким острым ножом из камня в правой руке. Помощник стоит позади оператора, как бы служа ему опорой. Пред неподвижно стоящими операторами появляется щитоносец и опускается на одно колено, держа щит над своей головой. В этот момент священные ревуны оглашают окрестность пронзительными звуками, которые проносятся по стану, где находятся женщины и дети, и наполняют сердца их ужасом: вот идет великий дух Тванирика и уносит с собой бедного юношу.

Мужчины окниа и окниа бегут со всех ног, неся посвящаемого. Он кладется на щит, опирающийся на грудь человеческих тел. Долгожданный момент наступил. Обряд совершается под гром торжествующей священной песни обрезания. Оттянутая крайняя плоть отсекается смелым взмахом умелой руки оператора.

Посвящение кончено. Главные деятели немедленно удаляются из освещенного пространства, а юноша, находящийся более или менее в бесчувственном состоянии, поддерживается мужчинами окниа и окилия, которые ободряют его, говоря: «Ты вел себя, как настоящий

мужчина». Посвященный теперь называется уже не вуртья, а аракурта; он относится к тому месту, где была его загородка, и поздравляется всеми мужчинами. Кровь его стекает на подставленный щит. Привносят несколько священных ревунов и, прижимая их к ране, чтобы остановить кровотечение, говорят посвященному, что слышанный им шум производится вовсе не великим духом Тванирика, а этими ревунами; а ревуны—это священные чуринги, которые никогда не должны показываться женщинам, и даже самое имя их не может произноситься при женщинах. Посвященный выслушивает все это в глубоком молчании.

Через некоторое время, когда кровотечение уменьшилось, посвященный был отведен на восточный конец апуллы и поставлен между двумя мужчинами окилиями с лицами, обращенными на запад. В это время два другие окилии взошли на насыпь и, держа над проходом шесты арачитты, громко прокричали: арара! арара! арара!, производя одновременное движение шестами вверх и вниз. Это служит сигналом для нового появления общественно-должностных лиц на поле действий. Один за другим, соблюдая известный порядок, стали они выступать из окружающей мрачной темноты и появляться в проходе, освещаемом догорающими кострами. При появлении каждого из них окилии выкрикивали его наименование: «Это вулия, не упоминай его имени». «Это уринтантима», и так далее. Каждый из названных общественно-должностных лиц поочередно подходил к посвященному и обнимал его, прижимаясь к нему своим телом.

Когда представление кончилось, старейший окилия достал связку деревянных чуринг и, обращаясь к посвященному, произнес: «Вот Тванирика, о котором ты так много слышал. Это—чуринги. Они быстро помогут твоему выздоровлению. Храни их пуще своего ока. Бойся их потерять. Иначе ты сам, твоя миа, унгараяча и квитиа (т.-е. мать и сестра по крови и по племени) будут убиты. Не спускай чуринг со своих глаз, не давай их видеть ни своей миа, ни унгараяча, ни квитиа. Слушайся своего окилия, который будет с тобой. Не ешь запрещенной обычаем пищи». Эти заповеди произносятся строгим и повелительным голосом, как бы с намерением насильно втиснуть в ум посвященного. Последний, внимая словам, стоит в полнейшем безмолвии, с опущенной вниз головой, посреди почти полного мрака, ибо костры уже догорели.

Таковы способы воспитания юношества в суровый каменный век. Как уже было упомянуто выше, главная цель описываемых обрядов посвящения заключается в том, чтобы подчинить молодежь старикам и приучить к беспрекословному выполнению обычаев, которые ведут свое начало от глубокой старины. И эти обычаи господствуют над всеми сторонами жизни людей даже в этот ранний период развития человечества.

До сих пор многие писатели считали ступень первобытной культуры за какой-то золотой век ничем не ограниченной первобытной свободы. Чтобы показать всю ошибочность подобных понятий, я нарочно описал так подробно первые степени посвящения юношества в среде наиболее первобытного общества. С этою же целью я даю довольно подробное описание и высшей степени посвящения, главнейшая часть которой заключается в пытке огнем.

Г Л А В А VIII.

Высшая степень посвящения.

Исполнение обрядов высшей степени посвящения происходит в определенные правильные сроки. Обряды эти длятся целые месяцы. Для выполнения их собираются вместе все родственные тотемические группы; иногда приходят и иноплеменники. Так, Гейсон свидетельствует, что обряды высшей степени посвящения держатся племенем Диери и окружающими его племенами каждые два года. При этом, по решению стариков, особыми вестниками созываются все соплеменные тотемические группы и посылаются приглашения даже к соседним группам. Каждый день, пишет Гейсон, является свидетелем прибытия новых отрядов мужчин, женщин и детей. Когда все прибыли, дожидаются полнолуния, чтобы иметь больше света для обрядов, которые начинаются при закате солнца и затем тянутся ночью и днем в течение месяцев двух. Гейсон прибавляет также, что на этих общих собраниях улаживаются все общие дела и недоразумения, которые возникли между группами со времени предшествующего собрания.

Хауитт, с своей стороны, то же говорит об общих собраниях всех тотемических групп у племени Курнаи, для совместного обсуждения общеплеменных дел, выполнения обрядов высшей степени посвящения и принятия посвященных в члены племени. По словам Хауитта, «собранию тотемических групп племени Курнаи предшествовали долгие совещания «стариков» группы, взявшей на себя почин дела. Когда было установлено, что имеется достаточное количество молодых людей, которых необходимо было «сделать людьми», главарь группы начал дело, послав вестника с приглашением созыва к главарю ближайшей группы. Вестник нес с собою, между прочим, один из священных ревунов, который был доказательством его полномочий. Главарь соседней группы, получив приглашение, созвал «стариков» группы, и после совещания их решение было объявлено общему собранию всех посвященных мужчин стана; а главарь, в свою

очередь, слал дальше весть о созыве со своим человеком. Таким образом весть об общеплеменном собрании шла от группы к группе, пока не было извещено все племя Курнай».

Спенсер и Гиллен в высшей степени подробно и тщательно описывают собрание всех тотемических групп и обряды посвящения высшей степени у племени Арунта. Эта степень посвящения у племени носит название энгвуры и представляет собою целый ряд обрядов, которые имеют связь с тотемами групп и заканчиваются испытанием огнем. Пройдя это испытание, туземец, наконец, становится у р л и а р а, т.е. вполне сложившимся человеком, настоящим членом племени. Сами туземцы говорят, что обряды, о которых идет речь, придают силу всем тем, над кем они совершаются. Они придают людям мудрость, мужество, возвышают их душу и делают менее склонными к распрям. Одним словом, каждый, подвергнувшийся этим обрядам, делается «ертва мурра окнирра», что значит: человеком добрым, великим, настоящим.

Для того, чтобы все соплеменные тотемические группы могли собраться для совершения обрядов энгвуры и чтобы обряды эти могли совершаться наиболее величественно, обыкновенно выбирается какое-нибудь центральное место. По словам Спенсера и Гиллена, «совершение обрядов энгвуры является тем временем, когда старейшие всех подразделений племени собираются вместе и обсуждают общие дела. Совещания старейших следуют одно за другим, и день за днем обсуждаются дела общественного значения. Все древние предания племени приводятся вновь и тщательно обсуждаются; и только, благодаря этим общеплеменным совещаниям, знание неписанной истории племени и его главных представителей передается из поколения в поколение. Впрочем, дело не ограничивается и этим. Правда, главные старания прилагаются к передаче и охране обычаев; однако, при помощи этих собраний, племенем принимаются и нововведения, вошедшие в обычай какой-либо из его тотемических групп.

«Некоторое понятие о важности обрядов энгвура, — говорят Спенсер и Гиллен, — можно получить из того, что в нами виденном случае они начались в середине сентября и продолжались до середины января следующего года. В течение всего этого времени обряды следовали за обрядами без перерыва. Не проходило дня без исполнения какого-либо обряда, а иногда их бывало до 5 и 6 в одни сутки. Обряды исполнялись во всякое время дня и ночи, но исключенным временем было время перед закатом солнца.

«Но хотя обряды и следовали один за другим, однако можно было все же заметить, что они разделяются на пять резко различающихся друг от друга отделов, и каждый отдел имеет свои характерные черты. Эти пять отделов могут быть очерчены следующим образом.

«Отдел I. Рассылка вестников. Собрание племени. Исполнение вступительных корробори. Постройка особой насыпи «парра» на

месте исполнения энгвуры и начало священных обрядов. Характерною чертою этого отдела является исполнение корроббори в ночное время, в которых принимают участие и женщины. Все это берет около 2—3 недель, после чего женщины не участвуют уже больше при исполнении обрядов вплоть до наступления их заключительного отдела».

«Отдел II. Мужчины отделяются от женщин и располагаются на месте исполнения энгвуры. Этот круг обрядов, исполняемых ночью и днем, растягивается больше, чем на 6 недель, и продолжается до тех пор, пока мужчины, прошедшие предыдущие степени посвящения, не станут «абмоарами» для некоторых более старых людей, которые принимают их в свое ведение. После чего посвящаемые называются «иллпонгвуаррами».

«Отдел III. Продолжение священных обрядов. Иллпонгвуарры носят в виде знака отличия ветки особого кустарника и лишаются права говорить с мужчинами, по отношению к которым они занимают положение абмоар. Этот круг обрядов продолжается вплоть до особого обряда. Для присутствия при исполнении последнего, молодых людей, под звуки священных ревунов, приводят на место исполнения энгвуры. Этот ряд обрядов тянется около 8 дней.

«Отдел IV. Иллпонгвуарры уводятся утром из стана и приводятся ночью «стариками», несущими священные ревуны. Это самый важный круг обрядов. Все время, пока они длятся, происходят особые огневые священнодействия. Четвертый отдел обрядов продолжается недели две и более, и после последнего из обрядов этого круга посвященные мужчины делаются урлиарами, т.-е. настоящими людьми.

«Отдел V. Новопосвященные урлиары держатся в заросли. В ночное время исполняются корроббори, в которых принимают участие и женщины. В это время совершается особый обряд «разрешения уст», т.-е. освобождение от молчания мужчин, находящихся друг к другу в положении амбоар. Последний круг обрядов продолжается неопределенное время, но после начала его племенной стан начинает распадаться, и соплеменники, принадлежащие к различным группам, начинают расходиться в свои области».

Таков вкратце порядок совершения энгвуры. Что касается самого созыва соплеменных тотемических групп для исполнения обрядов энгвуры, то почин в этом деле обыкновенно принадлежит одной из влиятельных тотемических групп. Глава этой группы, с ведома стариков, посылает вестников к другим ближайшим тотемическим группам. Каждый из вестников несет с собой одну или две деревянные чуринги, тщательно скрытые от взоров посторонних в пучке перьев эму. Вестник энгвуры носит название *ilchinkinja*, происходящее от двух слов: *ilcha*—рука и *ilkinja*—подымать, собирать, так что все название можно перевести «подымающая или собирающая рука».

При естественных условиях жизни племени ни один соплеменник не посмеет ослушаться приказания о созыве.

Придя к какой-либо группе, вестник энгвуры показывает ее главарю и старикам чурингу, как свидетельство своего полномочия, и затем словесно излагает данное ему поручение, рассказывая, где и когда будет собрание. Иногда один и тот же ряд вестников обходит все группы; а иногда каждый главарь, к которому пришел вестник с чурингой, дальше посылает надежного человека из своей группы.

Мало-по-малу в назначенную область начинают собираться все тотемические группы. Группа, в области которой происходит собрание, заранее собирает большие запасы корней, семян и других родов пищи. Место это является обыкновенно более или менее уединенным и расположенным так, чтобы женщины и дети, находящиеся в главном стане, не могли бы видеть происходящего на месте совершения обрядов энгвуры.

С самого начала обрядов энгвуры посвящаемые в высшую степень молодые мужчины находятся под строжайшим общественным контролем, и положение их не из легких. С наступлением же обрядов испытания контроль этот делается еще строже, и молодым людям предстоит подвергнуться всевозможным лишениям и, можно сказать, настоящим пыткам, чтобы показать себя достойными быть возведенными в положение урлар, т.-е. настоящих, полноправных мужчин, выдержавших пробу огнем.

«С самым восходом солнца, — говорят присутствовавшие при обрядах энгвуры Спенсер и Гиллен, — иллонгвуарры (т.-е. посвящаемые в высшую степень) были собраны около «парры». Руководитель энгвуры уже выбрал трех пожилых мужчин, конечно, достигших степени урлиар, чтобы смотреть за посвящаемыми в течение дня. Около дюжины стариков, вооружившись маленькими чурингами и громко крича, погнали из стана толпу иллонгвуарр, под гул и стон разногласных священных ревунов. Каждый из посвящаемых нес с собой свой щит, копье и бумеранг, ибо на обязанности их лежало идти в заросли, охотиться в течение дня и приносить дичь для «стариков», которые оставались в стане для совершения обрядов. Все это было средством закалить молодых мужчин, упрочить их повиновение старшим. Находясь в зарослях, они не имели права есть хоть сколько-нибудь той дичи, за которую они охотились, но должны были все целиком приносить «старикам», и от последних зависело давать что-либо охотникам или ничего не давать по возвращении их с охоты».

Иллонгвуарры были уведены из стана чрез расположенный на запад от него горный проход. Наступивший день обнаружил, что в женском стане, расположенном по другую сторону реки, происходило необычайное движение и возбуждение. Одной из наиболее старых и влиятельных женщин было сказано, что иллонгвуарры возвращаются с наступлением вечера и что все женщины должны быть готовы

к их встрече. Сказанная женщина участвовала уже раньше при такой встрече и знала, что при ней требуется делать, потому ей предстояло обучить тех женщин, которые этого еще не знали. Около 5 часов все женщины и дети собирались на плоском пространстве на восточной стороне реки. Они собирали хворост и траву для костров. На вершине холма был поставлен особый мужчина, которому было поручено смотреть на запад и наблюдать за тем, что происходит на месте действий энгвур. Как раз перед закатом солнца он подал знак, что толпа иллонгвуарр приближается. Раньше, чем подойти к стану, они сделали короткую остановку в одном месте, где они положили убитую дичь и украсились свежими веточками и листьями кустарника еремофиллы. Затем, образовав плотный квадрат, они вышли из горного прохода. Большое число урлиар с чурингами в руках шли по обеим сторонам отряда посвящаемых, и несколько урлиар замыкали шествие.

Вдруг в тишине раздались пронзительные звуки священных ревунов. Женщины, возбуждение которых, казалось, достигло крайнего предела, бросились зажигать свои огни. Тут же находились запасы сухих веток и стеблей травы. Между тем иллонгвуарры шли, ежеминутно останавливаясь, как бы сопротивляясь идти вперед. Они были вогнаны в русло реки и затем взлезли на восточный берег и остановились в расстоянии сажен 10 от первой группы женщин, держа и махая над головами щитами и ветками еремофилы и громко крича: rrr! rrr!

Толпа женщин панунга и бултара стояли первыми за своими кострами и обычными условными знаками звали к себе мужчин. Иллонгвуарры подошли к ним близко. Тогда женщина, стоявшая впереди, схватила охапку сухих веток и, зажегши ее, бросила на головы иллонгвуарр, которые пытались всячески защищаться при помощи веток еремофилы. Между тем урлиары, полосуя воздух толочащими ревунами, быстро обегали вокруг толпы женщин иллонгвуарр.

Чрез несколько времени толпа иллонгвуарр сделала внезапный поворот и, сопровождаемая толпой женщин, направилась ко второй группе женщин. Здесь опять повторилось то же самое. Затем иллонгвуарры, преследуемые обеими толпами женщин; бросавшими огонь с усиленною энергией, побежали к реке. У самого берега женщины остановились и с криком побежали обратно. Иллонгвуарры же, перешедши русло реки, бежали на место совершения энгвур, где недалеко от парры шло разукрашение одного мужчины для предстоящего священнодействия. Продолжая держать свои щиты, бумеранги и ветки еремофилы, иллонгвуарры обегали парру, крича: rrr! rrr! rrr! еще громче прежнего. Это повторялось несколько раз, пока не был отдан приказ остановиться. Тогда иллонгвуарры сложили свое оружие и ветки еремофилы, образовав ими на восточной стороне парры параллельно идущую ей линию; после этого они сели в ряд

на насыпь, а через минуту уже лежали на спине рядом друг с другом в глубоком молчании; головы их покоились на насыпи, на противоположной стороне которой было сложено их оружие.

Водворилась полнейшая тишина. Ни один из иллонгвуарр не смел ни пошевелинуться, ни произнести хотя бы слово без разрешения «стариков», под надзором которых все они теперь находились. При помощи условленных знаков один-двое из посвящаемых просили позволения сходить к реке и утолить жажду.

Около 9 часов вечера началось обычное пение и пробегание по сторонам пары, сопровождаемое громкими криками; а незадолго до полночи четверьмя мужчинами было исполнено весьма интересное представление в двух картинах. Дело шло о людях орунча, тотема духа чародеев.

Предварительно было вырыто в земле длинное углубление такой величины, чтобы вместить в себя тело мужчины. Один из представляющих был уложен в углубление, другой стал на колени у его ног, а третий—у головы. Двое последних изображали собою мужчин орунча, жаривших человека в земляной печке. Каждый из этих двух людоедов при помощи бумеранга делал вид, что поливает жарящегося и засыпает его тело угольями; при этом они удивительно хорошо подражали звукам кипящего и лопающегося жарящегося мяса. После нескольких минут такого представления все трое встали и присоединились к присутствующим. Тогда из темноты выступил разукрашенный четвертый артист, представлявший мужчину тотема Лягушки времен Алчеринга. Последний шел неуверенным шагом, беспрестанно втягивая в себя воздух, как бы чувствуя запах жарящегося мяса; но, повидимому, он был не в состоянии открыть, откуда несут запах.

На время представления иллонгвуаррам было разрешено подниматься и смотреть; но по окончании его они снова были уложены. Старики, не прерывая своих песнопений, готовились к новым обрядам. Около 2 часов ночи все были позваны посмотреть новое представление, на этот раз тотем Дикой Кошки.

Наступило утро. Руководитель избрал трех новых урлиар, чтобы смотреть за иллонгвуаррами в течение следующего дня; и едва засияли первые лучи солнца, иллонгвуарр опять погнались прочь с места энгвур под звуки священных ревунов. Старики остались на месте готовить новые и новые обряды и представления, вводящие посвящаемых в мир общеплеменных обычаев и понятий. Вечером иллонгвуарр опять повели к женскому стану, и женщины снова осыпали их горящими ветками, а затем около пары повторялось нечто подобное предыдущему дню. Все это с небольшими изменениями тянулось в продолжение целых недель. За это время было исполнено множество исторических представлений из прежней жизни тотемических

групп племен. Некоторые из представлений, как и вышеописанное имели связь с людоедством.

Песня следовала за песней, сопровождаясь однообразными припевами, заключавшимися в бесконечном повторении каких-нибудь фраз, вроде: «Пески холмов хороши»; «Люди ачилпа держали свой путь на Териериту»; «Обвивайте нуртунью кольцами кругом и кругом» и т. д. Однако, обряды и представления с каждым днем становились все интереснее и интереснее.

Между тем старый руководитель энгвур, при содействии соплеменников своей области, изготовил особый священный предмет, называемый «амбилерикирра», который был сделан из двух больших деревянных чуринг, каждая около трех футов в длину. Обе чуринги были связаны вместе и обтянуты при помощи особого шнура из человеческих волос таким образом, что они были совершенно скрыты от взора. Шнурок на протяжении верхних трех четвертей амбилерикирры был, в свою очередь, скрыт под старательно расположенными плотно друг около друга поясками белого пуха. Верхушка была украшена пучком перьев совы. Когда амбилерикирра была, наконец, готова, она была тщательно спрятана в высохшем русле реки, чтобы никто из посвящаемых не мог, хотя бы случайно, увидеть этого священного предмета. Одновременно был приготовлен священный предмет, представлявший собою огромный трехсаженный шест в 9 дюймов в поперечнике, сделанный из ствола молодого камедного дерева. Изготовление этого шеста происходило с особенной тщательностью: дереву ни во время рубки, ни потом не давали коснуться земли. Священный шест этот назывался «кауауа» и тоже был спрятан в русло реки. Оба предмета имели важное значение для предстоящих обрядов.

В этот вечер метанье огня женщинами происходило уже в последний раз, и около 9 часов у насыпи, где лежали иллпонгвуарры, уже царствовала полнейшая тишина. Даже старики переговаривались не иначе, как шопотом, и то очень редко. Горели небольшие костры, и вокруг каждого из них были сложены связки зажигалок, около двух футов длиною. По знаку, поданному руководителем, «старики» велели иллпонгвуаррам подняться. Одновременно с этим несколько «стариков» перешло через реку и стали среди находившихся там женщин и детей. Держа над своими головами палки и ветви, «старики» велели то же делать и женщинам, и беречься, как только могут. Иллпонгвуарры же, по данному им знаку, вооружившись связками зажигалок, двинулись за реку по направлению к толпе женщин. Когда они подбежали на близкое расстояние, был дан сигнал, и, среди мрака ночи, над головами женщин и детей пронеслась, словно хвост кометы, целая туча горящих зажигалок, осыпая толпу искрами. Это был настоящий дождь сотен ракет. Крик мужчин, стоны женщин, вопль детей, жалобный вой обожженных собак дополняли освещенную на минуту картину непередаваемого смятения...

Через мгновение все погрузилось во мрак. Отряды мужчин вновь бежали назад за реку, к насыпи парра, где иллпонгвуаррам снова было приказано лежать без движения.

Во время их отсутствия на месте энгуры совершалось нечто особенное. Амбилерикирра, находившаяся в руках руководителя энгуры, поддерживаемого под локоть двумя помощниками, вздымалась и опускалась вверх и вниз, не останавливаясь ни на минуту. При возвращении иллпонгвуарр группа «стариков» обступила священнодействующих, скрыв их таким образом от взоров посвящаемых.

Всю ночь иллпонгвуарры лежат неподвижно среди глубокой тишины. Особо приставленный смотреть за ними старик ходит взад и вперед вдоль ряда, образованного их измученными телами. По временам старик останавливается около того или другого из иллпонгвуарр, шопотом сообщая ему что-либо или поучая его насчет прошлой истории племени. А прямо перед иллпонгвуаррами все продолжают и продолжают однообразные движения вздымающейся и опускающейся амбилерикирры. Руки руководителя, поддерживаемые его помощниками, продолжают свои мерные движения вверх и вниз без малейшего перерыва, без отдыха, под тихие звуки священных песнопений стариков.

Было уже около 5 часов утра, когда был отдан иллпонгвуаррам приказ подняться. И только теперь в первый раз с предыдущего вечера, т.-е. более, чем через 8 часов, руководитель и его помощники остановили, наконец, движения амбилерикирры. Их вид свидетельствовал о крайнем изнеможении, но их дело еще не кончено. Предстоит еще новый обряд с участием женщин. Поддерживаемый под руки помощниками, руководитель энгуры с амбилерикиррой в руках отходит на другой конец парры. Иллпонгвуарры же, вооружившись ветками, выстраиваются четверугольником позади руководителей. Большинство стариков остается на месте, а иллпонгвуарры, предшествуемые тремя руководителями, несущими амбилерикирру и сопровождаемые несколькими стариками, выступают сомкнутым строем и среди глубокого молчания направляются за реку к толпящимся женщинам. Находясь саженьх в 10 от них, руководитель и его помощники вдруг падают ниц, скрывая под собою священный предмет от взора женщин. Через мгновение сами они были закрыты сплошной грудой тел навалившихся на них иллпонгвуарр. Это продолжалось минуты две, после чего отряд в стройном порядке, скрыв посреди себя руководителей, спешил назад на место совершения энгур.

При исполнении этого обряда ясно видны три главных части: бросание зажигалок над толпой женщин; лежание иллпонгвуарр без движения в течение ночи, пока пред ними совершалось постоянное вздымание и опускание амбилерикирры, ношение этого священного предмета в стан женщин.

Согласно объяснениям, даваемым самими исполнителями обрядов, первая часть обряда изображает собой нападение толпы непосвященных диких мужчин, иллпонгвуарр тотема Дикой Кошки. Вторая часть изображает собою укрощение этих дикарей под благотворным воздействием священного влияния чуринг амбилерикирры. Туземцы прибавляют при этом, что если бы священнодействующие руководитель и его помощники почему-либо лишились сил продолжать движение амбилерикирры, то все иллпонгвуарры лишились бы жизни. Объяснения последней части обряда туземцы сообщить не могли. Сами же

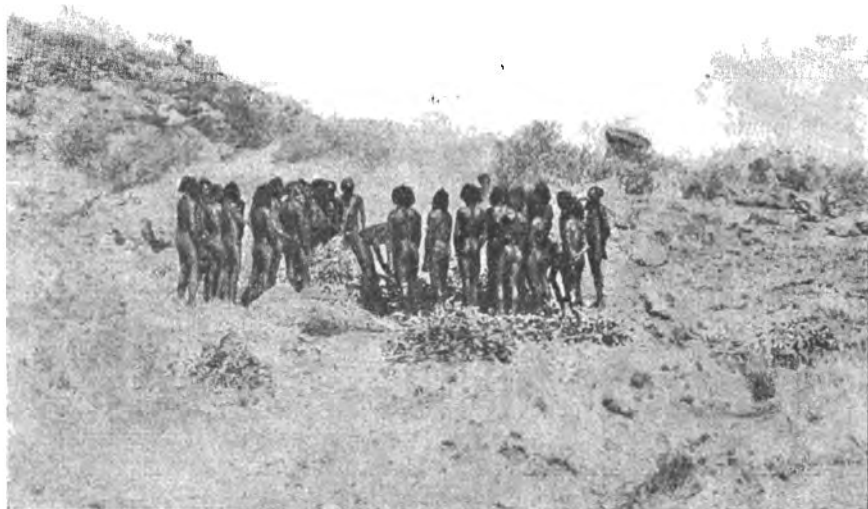

Рис. 17. Приготовление огня для обжигания посвящаемых.

Спенсер и Гиллен считают только что приведенные обряды за увековечение памяти одного из преобразовательных движений из жизни отдаленного прошлого племени Арунта, движения, сопровождавшегося, быть может, уничтожением обычаев людоедства. Однако, останавливаться подробно на этих, в значительной степени гадательных, объяснениях я не считаю возможным.

На следующий день после обряда амбилерикирры, в обычное время, когда в стане нет иллпонгвуарр, которые, по обыкновению, проводят свой трудовой охотничий день в зарослях, на месте энгвурь воздвигалась кауауа. Этот священный шест был вынут из русла реки, где шли приготовления к новым обрядам, был принесен на место

энгвуры и теперь украшался «стариками» для предстоящих священнодействий. Один из стариков открыл у себя на руке кровь и дал ей возможность течь свободно на вогнутую поверхность щита. Пять щитов наполнились кровью, что в общем составляло около 4—5 фунтов крови. Эта кровь предназначалась для украшения священного шеста кауауа. Так как показалось, что собранной крови будет недостаточно, то кровопускающий старик начал медленно ходить вдоль шеста, орошая его своей кровью, которая текла тонкой струйкой. В щитах кровь была взбита особенной кистью из шерсти опоссума и представляла прекрасную краску. Когда вся поверхность шеста была окрашена, приступили к украшению верхушки. Убранная большими соколиными перьями, головными повязками, хвостиками животных и длинною носовою костью, верхушка кауауа походила на огромную человеческую голову. Кроме того, под нее было подвязано несколько чуринг разных тотемов. Украшенная таким образом кауауа была водружена на месте энгвуры на расстоянии сажен 3 от парры.

Теперь иллпонгвуаррам предстояло подвергнуться еще новому испытанию огнем. Это новое испытание должно было состояться в этот же день, и время, назначенное для его исполнения, казалось, приближалось с стремительной быстротой. Среди диких утесов и скал было выбрано подходящее пустынное каменистое место, на котором урлиары, набросав древесных стволов и ветвей, разводили уже громадный костер аршина 4 в поперечнике. Посвящаемые были на время отведены в русло реки. Затем 40 человек—таково было число посвящаемых в данном случае—были позваны на окутанное загадочным дымом страшное место неизведанных еще испытаний. На пылавший костер был набросан слой зеленых кустов, и иллпонгвуаррам было приказано ложиться во всю длину своих тел на дымящиеся и трещающие ветки. Жар был ужасен. Дым одуряющ. Но ни один иллпонгвуарра не имел права встать иначе, как с разрешения урлиар. Когда все 40 посвященных отлежали положенное время—каждый лежал

Рис. 18. Обжигание посвящаемых.

4—5 минут,—то «старики» пришли к заключению, что необходимо повторить испытание еще раз. Верхний слой курящихся веток, дававший возможность телам не соприкасаться с пылающими угольями костра, был снят. Костер был приподнят огромным шестом, чтобы дать воздуху доступ под самое основание костра. Огонь был усилен. Был набросан новый слой затрепавших зеленых ветвей, и снова началось испытание. «Относительно значения этого огневого испытания, как пытки, не могло быть никакого сомнения,—свидетельствуют С п е н с е р и Г и л л е н.—О дыме уж и говорить нечего. Жар же был так ужасен, что, ставши было на костер на колени, чтобы испытать его силу, мы были принуждены мгновенно соскочить, несмотря на то, что наши ноги были защищены плотной тканью платья». Посвящаемые же должны были совершенно голыми лежать в этом пекле. Наконец испытание кончилось.

Долгожданное мгновение достижения полных человеческих прав четырьмя десятками молодых людей, наконец, приближалось. Вечером около кауауа было дано историческое представление из прошлой жизни тотемической группы Ягушки. По наступлении ночи больше дюжины костров было зажжено вокруг священного шеста на месте энгуры. Вокруг этого огненного венца с священным шестом посредине были собраны все посвящаемые и их абмоары и старики. В эту торжественную ночь ни в стане мужчин, ни в стане женщин никто не должен был спать; и можно было хорошо видеть среди деревьев по ту сторону реки костры, освещавшие стан женщин. В обоих станах было заметно сильное возбуждение, и между обоими станами шла самая оживленная переключка. «Что вы там делаете?»—кричит кто-нибудь из стариков. «Мы готовим огни»,—слышалось с другого берега. «Что вы хотите делать с огнями?»—кричали снова из мужского стана. «Мы жечь мужчин будем огнями»,—доносилось в ответ и т. д.

Заря нового дня уже наступала, освещая каким-то бледным, таинственным светом живописную картину символических тотемических знаков, нарисованных на грудях и спинах посвящаемых. Еще вчера главный руководитель энгуры, согласно совету старейших, определил рисунки, которые тот или другой абмоара должен был рисовать на теле посвящаемого. В качестве красок употреблялись уголь, красная и желтая охра, белая глина и пух. При этом не только иллпонтгуарра не смел произнести ни единого слова с украшавшим его и приставленным к нему абмоарою, но даже не смел видеть рисунка, рисовавшегося на его теле. В 5 часов утра разрисовывание посвящаемых было окончено. Женщинам был подан особый сигнал. Вперед выступил руководитель энгуры. Он сделал особый проход через ередину парры и линии лежащих около парры кустов. Абмоары под звуки песен повели порученных им молодых мужчин вокруг парры. Это шествие вокруг парры совершалось уже в последний раз. Через мгновение все стояли под сенью священного шеста. Еще минута,

и началось новое шествие к стану женщин. Выстроившись один за другим, абмоары вели своих посвящаемых, держащих друг друга за руки, через образованный в парре проход к берегу реки. Шествие остановилось на расстоянии около 25 сажен от толпы женщин и детей, заслоненных двумя большими дымищимися кострами. Женщины, сгибая одну ногу и слегка откинувшись станом и нагибаясь верхней частью его вперед, простирали свои руки к мужчинам, призывая их обычными словами призыва: кутта, кутта, кутта! Вот выступил один абмоара со своим посвящаемым, отделился от остальных и оба прошли полукругом по направлению к женщинам и обратно. За первую парю последовала другая, третья и т. д. Затем все разом двинулись к пылающим кострам. Посвящаемые панунга и балтура шли к костру, приготовленному женщинами брачных подразделений пурула и кумара, а посвящаемые пурула и кумара шли к женщинам панунга и бултара. Тут у огня каждый из посвящаемых преклонял колени, в то же время женщины опирались на его плечо. Это проходило при гробовом молчании. Торжественная минута посвящения истекла. Скоро все было кончено. Новопосвященные урлиары шли мерным шагом к своему сборному месту у священного шеста, уже горевшего в лучах восшедшего солнца. Оно словно приветствовало превращение нескольких десятков молодых арунтцев в «настоящих людей», в полноправных членов своих тотемических групп.

Священнодействия энгвурь окончены. Теперь наступило время всеобщих празднеств. Каждую ночь устраиваются корроббори с своими разнообразными плясками и пением. Женщины в них принимают самое деятельное участие. С разукрашенными бедрами и нижней частью живота, они стоят группами, слегка покачиваясь телами, и условными знаками приглашают мужчин. Это—время всеобщего общения с женщинами, которое продолжается около трех недель. Так празднуется в каменный век достижение молодыми членами тотемических групп положения настоящих людей. Таковы обычай и нравы того человеческого общества, которое наиболее приближается к первобытности. Как видим, жизнь и понятия человека даже столь ранней ступени развития богаче и сложнее, чем думали до сих пор многие историки первобытной культуры.

Многие из историков культуры отрицали также даже самую возможность существования какой-либо общественной власти, какого-нибудь управления на описываемой ступени развития человека. Они называли австралийское тотемическое общество просто анархическим. Таково ли оно на самом деле? Может ли начальная ступень развития быть названа безначалием и безвластием? Этот интересный и важный вопрос заслуживает особого рассмотрения.

Г Л А В А IX.

Организация общественной власти и ведения общественных дел в тотемическом обществе.

Вопрос об организации общественной власти принадлежит к высшей степени интересным и спорным вопросам. Различные политические писатели, социологи и этнологи решали этот вопрос различным образом. И так как фактических данных для верного и окончательного решения этого вопроса до сих пор еще было очень мало, то в решении его, обыкновенно, имели огромное значение политические убеждения и общественные идеалы того или иного писателя. Приверженцы королевского самодержавия, вроде Фильмера, видели в первобытном Адаме первого самодержца, царившего над своими детьми. К этому взгляду приближались и многие защитники так называемой патриархальной теории, которые видели самодержавных королей в родовых старейшинах, царивших, по мнению этих писателей, в родовом обществе. Сторонники крайнего либерализма, наоборот, представляли себе первобытное состояние, как состояние ничем неограниченной свободы. У сторонников учения естественного права представление это строго логически вытекало из их понимания первобытного состояния. Воображению их рисовались совершенно свободно живущие люди, не знающие еще никакой общественности и никаких накладываемых ею уз.

Самые понятия о первобытном свободном состоянии людей у различных писателей были различны. Одним, например, Го б б с у, рисовалось оно, как состояние вечной взаимной вражды одиноко живущих людей. Другие, подобно Р у с с о, воображали какую-то райскую картину мирно и любовно живущих отдельных семей. Но все эти писатели одинаково предполагали, что первоначально не существовало никакого человеческого общества, которое могло бы стеснять неограниченную свободу отдельных личностей. Неограниченное проявление личной свободы, конечно, возможно лишь там, где личные потреб-

ности и желания одного человека не встречают стеснений со стороны других. Первобытное безвластие возможно лишь при несуществовании первобытного общества. Вот почему и те из современных писателей—энтологов, социологов и историков культуры—которые отрицают существование какой-либо общественной власти на наиболее ранней ступени культуры, принуждены, с своей стороны, братья за совершенно неисполнимую и весьма неблагоприятную задачу: они принуждены доказывать существование одиноко живущих людей, ведущих рассеянный образ жизни, что само по себе уж есть отрицание существования человеческого общества.

В прежнее время самые недостоверные рассказы путешественников и миссионеров, за неимением более верных данных, служили почти единственным источником для изучения первобытного общества. Не удивительно, если на основании подобных сведений весьма часто говорилось о существовании анархических племен, не знающих власти. Такие племена, не знающие власти, Кук, а за ним и Дарвин, видел на юге Америки в жителях Огненной Земли. Другие отыскивали подобные племена не на юге, а на севере Америки, третьи видели их в племенах Калифорнии. Четвертые—в жителях внутренней Индии и Цейлона и т. д. Как особенно веское доказательство существования анархических племен, не знающих власти и ведущих рассеянный, одинокий образ жизни, приводилось в пример особое племя веддов острова Цейлона. Некоторое время, в глазах многих ученых, цейлонские ведды были племенем самых первобытных людей, не знающих никакой формы общества, кроме жизни отдельными семьями. Однако, еще Роберт Нокс, живший на Цейлоне в XVII столетии, описывал веддов далеко не первобытным племенем. Он сообщал, что в его время ведды находились в постоянных сношениях с развитою народностью сингалезцов, от которых путем обмена ведды получали железные наконечники для стрел; что ведды пользовались языком сингалезцов и даже помогали им в борьбе с голландцами, когда последние основали на Цейлоне свои колонии. Нокс сообщал, что повелители сингалезцов собирали веддов для нападений на голландцев. Все это едва ли вяжется с первобытным состоянием людей, якобы одиноко живущих и не знающих никакой власти. Джон Бэйли, исследовавший веддов в 60-х годах прошлого столетия, также сообщал, что дикие ведды говорят не на своем, а на сингалезском наречии, живут в единобрачии и ведут свое происхождение от королей (?). Наконец, новейшие исследования веддов братьями Сарзин показали, что племя так называемых диких веддов представляет собою пример родового общества; оно распадается на самостоятельно живущие роды и семейные общины, управляемые родовыми старейшими и семейными главами.

Некоторые писатели, особенно анархисты, склонны видеть первобытных анархистов и в эскимосах, и в алеутах, и в других племенах,

населяющих север Азии и Америки. Так, Э л и Р е к л ю под конец своего описания этих племен спрашивает: «И ничего о правительстве?» И он немедленно же отвечает на этот вопрос: «Собственно говоря, мы о нем позабыли. Но извинением нам в данном случае служит то, что практически алеуты не знали никакой власти, пока не пришли русские и не подчинили себе алеутов. До того времени никто из алеутов не повелевал и никто не повиновался» ¹⁾. Впрочем, Р е к л ю видит анархистов даже в краснокожих индейцах, образующих своими племенами целые оборонительные союзы. Фактическое существование вождей в данном случае тоже находит у Р е к л ю объяснение: «Их власть чисто моральная», замечает он.

С п е н с е р в свое время тоже считал наименее развитые племена анархическими. Так думал и Л е т у р н о. В настоящее время австралийцы вполне справедливо считаются стоящими наиболее близко к первобытному состоянию человечества. И между тем предыдущее обстоятельное и точное описание тотемического общества Австралии уже может служить наглядным доказательством того, насколько мало подходит к нему название анархического. Правда, как говорит Х а у и т т, если посмотреть на любое австралийское племя с точки зрения обыкновенного поверхностного наблюдателя, то кажется заслуживающим доверия взгляд на австралийское племя, как на общество людей, не признающих никакого общественного управления. Среди соплеменников как будто не видно лица или группы лиц, которые имели бы право приказывать под страхом наказания за неповиновение. И хотя члены тотемических групп выказывают значительное почтение к старым людям, однако, повидимому, все мужчины пользуются такой свободой действий, что, кажется, можно считать, будто каждому человеку предоставляется делать все, что он хочет. Тем не менее более близкое знакомство с австралийцами показывает очень хорошо, что за подобной только кажущейся свободой скрывается целый ряд самых суровых ограничений и стеснений, налагаемых обычаями, строгое следование которым обеспечивается существованием общественной власти.

Из выше приведенных описаний чародейственных обрядов умножения продовольствия, таинств посвящения и пр., ясно видно существование у австралийцев известных общественно-должностных лиц.

Упорядочение общественных отношений, передвижения тотемических групп, равно как и многие другие стороны жизни этих групп показывают, что австралийцам известна некоторая организация общественной власти.

Выше было уже сказано, что постоянные передвижения тотемических групп совершаются по решению наиболее старых и влиятельных членов группы. Самый влиятельный из всех естественно является при

¹⁾ Elie Reclus. «Les Primitives». Paris, 1885, стр. 133 и след.

этом общим руководителем или главарем. Описывая, как ведутся дела у тотемических групп племени Диери, Гейсон рассказывает: «Какое бы неотложное дело ни приходилось обсуждать, будь то перемена стоянки, «деланье» дождя, устройство браков, обряд обрезания или что бы там ни было, один из «стариков» (главарь местной тотемической группы) поздно вечером обдумывает дело раньше, чем стан погрузится в сон. На заре следующего дня созывается собрание взрослых, т.е. полноправных мужчин стана, и держится совещание. По сообщению Рота, у исследованных им квинслэндских племен «старики» и пожилые люди играют роль «настоящих правителей и судей, держа под своим влиянием общественное мнение соплеменников... и обеспечивая повиновение племенным обычаям». Зрелый возраст обеспечивает высшее общественное положение в стане и вызывает к себе величайшее уважение. Общественные дела решаются советом «стариков» стана местной тотемической группы.

Томас Петри говорит почти то же самое о других квинслэндских племенах. У них «старики» собираются и совещаются по всяким делам относительно охоты, рыбной ловли, переходов, случаев смерти кого-либо из соплеменников, чародейственных обрядов с целью умножения продовольствия.

Что касается высших по развитию племен, то данные непосредственных наблюдений говорят о подобных же способах ведения общественных дел их тотемическими группами. Так, по свидетельству Таплина, каждая из 18 тотемических групп Нарриньери управлялась совещанием стариков, известных у них под названием «тенди». Число членов этого совещания обыкновенно бывало около десятка пожилых людей. По словам Хауитта, у племени Курнаи общественные дела обсуждались на особых совещаниях «стариков» и решались на собрании посвященных членов группы. «Я сам присутствовал на таких совещаниях,—говорит он ¹⁾,—и я заметил, что эти совещания старательно оберегались от присутствия женщин и непосвященных. Более молодые сидели вокруг в некотором отдалении и внимательно слушали, но не решались говорить. Старые говорили, соблюдая очередь. Главварь обыкновенно высказывался последним, и его взгляды большею частью принимались. Я всегда поражался тем глубоким и почтительным вниманием, с которым какой-нибудь молодой человек склонял голову и, опустив глаза, слушал даваемое ему на этих собраниях наставление. На подобных собраниях «старики» часто чинили суд и расправу над нарушителями обычного права».

Гейсон описывает подобным же образом собрания полноправных членов тотемических групп, наблюдавшиеся им у Диери. На каждый из вопросов, предлагаемых каким-нибудь старым и влиятельным

¹⁾ A. W. H o w i t t—«On the Organisation of Australia Tribes», стр. 170.

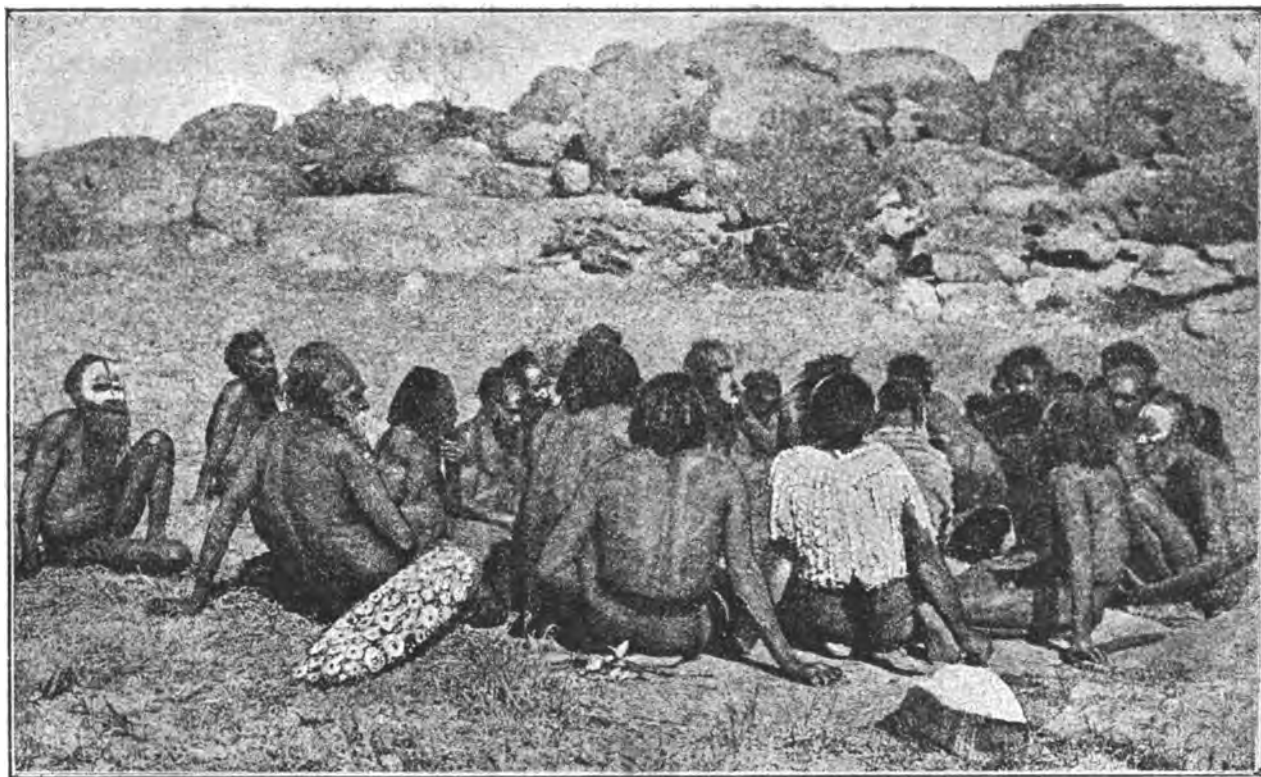

Рис. 19. Собрание старейших членов тотемических групп. Тела некоторых изукрашены тотемическими рисунками.

членом совещания, отвечают немедленно же. А когда он кончит свою речь, то нередко говорят по три и по четыре зараз. За исключением подобных случаев, прерываний не бывает... Сначала говорят тихо и спокойно. Изложение каждой речи занимает минуты 3—4. Под конец речей становятся возбужденными. Такова картина первобытного народного собрания, доступного, впрочем, обыкновенно лишь для посвященных членов тотемических групп.

Что касается до наиболее влиятельного, руководящего члена подобных собраний, то Ха у и т т говорит по этому поводу следующее:

«Среди членов каждого тотема имеется, конечно, какой-нибудь мужчина, который старше всех других мужчин группы. Благодаря своему старшинству, он становится первым человеком тотема и называется «пина-пинару» (Pina-pinagu), что значит старейший из стариков, наибольший из больших. Но, хотя старейший и является таким образом первым членом своего тотема, однако из этого не следует, что он пользуется наибольшею властью среди членов тотемической группы. Другими словами, хотя он и может быть, благодаря своему возрасту, старейшим своего тотема, однако из этого не следует необходимость, чтобы он был тем, что может

Рис. 20. Главарь.

быть названо главарем тотемической группы. Впрочем, он может занять и положение главаря, если вдобавок к своему старшинству по возрасту он обладает большим умением и другими (необходимыми для главаря) качествами. Так, например, один знакомый мне «старик», живший около озера Надежды, был старейшим тотема. Но он не был ни бойцом, ни оратором, ни чародеем и имел мало влияния среди соплеменников. Это пример человека, который был «старейшим» своего тотема, но не был главарем. С другой стороны, Джалина Пирамурана, главарь тотема Мануича, выдавался, как

боец и чародей, и был в то время, как я знал племя Диери, его первенствующим главарем».

Таким образом, главарем тотемической группы у племен вроде Диери обыкновенно бывает тот наиболее влиятельный член группы, который является обычным руководителем своих сочленов при обсуждении и ведении общественных дел. Главарь созывает совещания «стариков» и полноправных членов своей группы, ставит вопросы на этих совещаниях, руководит прениями, руководит исполнением решений совещания стариков, пользуясь при этом их указаниями. Словом, дело главаря—это своего рода общественно-должностной труд по руководству важнейшими общественными делами его тотемической группы.

У племен, описанных Спенсером и Гилленом, имеются подобные же главари. У племени Арунта главарь называется алатунья.

«В тесных границах своей группы,—говорят эти авторы,—алатунья считается ее руководителем. За пределами своей группы ни один главарь не обладает обыкновенно никакой особой властью. Если иногда алатунья и пользуется некоторою общепризнаваемою властью (за пределами своей группы), каковую власть некоторые из них действительно имеют, то это объясняется тем, что он является или главарем более важной по своей численности группы, или выдается как боец, как знаток преданий старины и обычаев племени. Старый возраст сам по себе не выдвигает человека, если он не обладает особыми способностями. У них в действительности не имеется лиц, к которым было бы приложено название «вождя».

«Власть, которою пользуется алатунья, довольно неопределенна. Он не имеет определенной власти над личностью членов своей тотемической группы. Алатунья—это то лицо, которое созывает на совещание пожилых людей, а они обсуждают на своих собраниях всякое значительное дело, каковы—исполнение священных обрядов, наказание лиц, нарушивших племенные обычаи. Мнение алатуньи имеет известную силу, зависящую от его влияния. Нет необходимости, чтобы он считался самым важным членом совещания, решениям которого все повинуются. Впрочем, если алатунья стар и выдается по своим способностям, то он будет иметь большое влияние. Быть может, лучшим способом выяснения его роли будет сказать, что алатунья, благодаря своей должности, занимает такое положение, что в случае, если он человек больших способностей,—но только в этом случае—его положение даст ему возможность пользоваться значительною властью не только над членами своей собственной группы, но и над членами тех соседних групп, главари которых не обладают его способностями».

Собрание полноправных членов тотемической группы и ее главарь составляют ту организацию общественной власти, которая является неотъемлемой принадлежностью каждой тотемической группы. Ее важнейшими общественными делами можно считать:

1) Общественные способы обеспечения необходимейших потребностей существования. К этому числу дел должны быть отнесены чародейственные обряды умножения продовольствия.

2) Охрана области данной тотемической группы и ее священной сокровищницы—чурингохранилища.

3) Упорядочение браков и погребение.

4) Общественное воспитание и посвящение юношества в тайны тотемизма.

5) Дело суда и расправы.

Из всех этих дел важнейшим делом главаря считается охрана чурингохранилища. По понятиям австралийцев, души предков не должны оставаться без призора, даже в случае исчезновения их тотемической группы. Когда какая-нибудь группа вымирает, то другая, родственная ей тотемическая группа берет на себя охрану ее чурингохранилища. Если же каким-нибудь образом, благодаря новому воплощению предков вымершей группы, она возродится, то ей возвращается ее чурингохранилище, временно находившееся на попечении главаря другой группы.

Одно из подобных восстановлений вымершей тотемической группы было наблюдаемо и описано Спецсером и Гилленом. И это описание даст очень хорошее представление о роли главаря тотемической группы в деле охраны чурингохранилища. Дело происходило как раз во время исполнения обрядов энгвуры, когда многие тотемические группы сошлись в одно место.

«Несколько лет тому назад к западу от Алисских родников существовала небольшая тотемическая группа Большой Ящерицы. Эта группа постепенно вымирала, и, наконец, не осталось ни одного человека, чтобы охранять ее чурингохранилище. Это последнее тогда перешло в заведывание главаря соседней группы Маленькой Личинки. Однако, прошло некоторое время, и жена одного мужчины из группы Алисских родников зачала сына в области вымершей группы. Таким путем группе Большой Ящерицы предстояло быть восстановленной в лице родившегося ребенка. К описываемому времени народившийся член тотема Ящерицы достиг уже зрелости, и собрание соплеменных групп во время энгвуры было хорошим случаем для передачи ему чуринг его тотемических предков.

«Еще предыдущим вечером главарь группы Маленькой Личинки послал особых вестников, чтобы принести чуринги восстанавливаемой группы. Около 9 часов утра чуринги были принесены в стан и переданы их охранителю. Последний тотчас же отнес их в русло потока, где собралось некоторое число стариков и молодых мужчин, среди которых находился и тот, кому чуринги должны быть вручены. Дело началось тем, что главарь тотема Маленькой Личинки и главари обеих больших тотемических групп Личинки Уитчетти преклонили колена друг перед другом и начали шопотом продолжительный разговор,

в котором повременам принимали участие и другие из присутствовавших «стариков». По обыкновению, всеми поддерживалась торжественная тишина. Предметом совещания было обсуждение вопроса о совершении обряда тотемической группы Большой Яшерифы... Когда дело было выяснено и решено, были избраны исполнители обрядов. После того «старик» тотема Маленькой Личинки отошел в сторону. Чуринги были положены на щиты и были закрыты зелеными веточками камедного дерева. Тут было около 60 чуринг, и едва они были раскрыты, молодой мужчина, которому они должны были быть переданы, занял свое место рядом со «стариками», сидевшими у самых чуринг. Опять последовал торжественный разговор шопотом между «стариками» и молодым человеком. «Старики» объясняли ему, что обозначали чуринги и кому они принадлежали. Когда необходимые объяснения были кончены, новый хранитель чуринг начал тереть свои руки о лоб главаря тотемической группы, Ундулия, который был уже очень преклонных лет. Потерши свои руки об его лоб, молодой человек стал на колени и начал тереться о живот старика своим лбом. Следует заметить высокое уважение, которое выражается по отношению к старикам в подобном случае исследования и осмотра чуринг. Ни один молодой мужчина не осмелится сказать даже слово иначе, как в ответ на вопрос кого-либо из старших, и слушает с величайшим почтением все то, что последние ему говорят. Присутствие чуринг, кажется, все время служит причиной торжественной тишины, ибо туземцы считают, что в это время присутствуют самые души их предков, которым когда-то принадлежали эти чуринги. Во время рассматривания чуринг никто не говорит иначе, как тихим шопотом.

«Только что упомянутый старик имел вид настоящего «окнирабата», что значит «великий учитель». Такое название прилагается только к таким людям, которые бывают не только стары по возрасту, но и сведущи относительно обычаев и преданий. Влияние таких стариков особенно ясно видно во время совершения обрядов энгвура.

«Через несколько дней наступил срок, назначенный для окончательной передачи чуринг. Собралось совещание «стариков», из молодых людей только трое получили право присутствовать. Последовали обычные совещания шопотом. Чуринги передавались по рукам, натирались красною охрой и клались на особо приготовленный щит. Наконец, чуринги восстановленной группы были окончательно переданы новому чурингохранителю. Теперь все старики стали поочередно к нему подходить и прижимали свой лбы к его животу. Молодой человек, повидимому, крайне смущенный, в течение некоторого времени пытался, или по крайней мере делал вид, что пытался, помешать великому учителю окнирабате сделать это. Обряд этот крайне интересен. Очевидно, он является знаком признания нового положения, занимаемого молодым человеком, который, через передачу в его ведение

чуринг, был сделан общепризнанным главарем тотемической группы людей Большой Ящерицы.

«Только что приведенный случай восстановления вымершей тотемической группы во время продолжительного совместного пребывания соплеменных тотемических групп может служить примером решения общественных дел, выходящих за тесные пределы жизни отдельной тотемической группы. Во время подобного общеплеменного собрания постоянно происходят разного рода совещания главарей и других наиболее влиятельных членов сошедшихся родственных групп. На этих совещаниях обсуждаются самые различные дела общеплеменного характера. В данном случае мы, очевидно, имеем дело с зарождением союзного собрания племенных тотемических групп. Совещания подобного рода описывались и Гейсоном, и Файсоном, и Хауиттом, и Спенсером, и Гилленом, и существование их может считаться вполне установленным фактом. «Я не раз посещал такие совещания»,—пишет Гейсон.—«После речи первенствующего главара говорят главари других тотемов. Самый способ совещания—это повторения отрывочных фраз, произносимых с возбуждением. Те, которые согласны с говорящим, повторяют его слова вслух, но никто не прибавляет ничего к его речи, пока до самого не дойдет очередь. Совещания всегда расходились мирно. Впрочем, иногда случались и споры, хотя при этом не допускалось, чтобы в стане была известна причина несогласия, ибо тайна совещания всегда держится крепко... Самое жестокое наказание ожидает того из членов совещания, который решится разоблачить хотя одну из его многочисленных тайн. Ни от одного молодого мужчины, и ни от одной женщины я никогда не мог вытянуть ни единого слова, которое дало бы понять, что им что-нибудь было сообщено... Меня самого постоянно предупреждали, чтобы я не раскрывал ничего из того, что я видел и слышал, и не произносил бы ни одного из произнесенных на совещании слов пред посторонним».

Таковы формы организации общественной власти, какие известны на той наиболее ранней ступени общественного развития, какая только доступна для современных научных исследований. О первобытном анархизме, как видит читатель, в данном случае говорить не приходится. А каков «зодотой век первобытной свободы», о том может дать самое точное и наглядное представление существующий у австралийцев обычай суда и расправы.

ГЛАВА X.

Первобытное право.—Суд и расправа у австралийцев.

Изучение самых различных племен, находящихся на наиболее ранней ступени общественности, очень убедительно показывает то значение, какое имеют обычаи в глазах первобытного человека. На обычаи, дошедший к нему от его предков, он смотрит, как на нечто священное. «Так делали наши прародители еще в древние времена» — вот тот неизменный ответ, который в тех или иных выражениях повсюду приводится туземцами, как высшее свидетельство мудрости и правоты своих действий или как неопровержимое доказательство непреложности своих прав. Истинная, правильная жизнь у людей каменного века значит — жизнь по старине, по обычаю. В их глазах древний обычай имеет значение и силу закона. У каждого уцелевшего племени, продолжающего вести тот образ жизни, какой вели его предки, это господство обычая проявляется с такою силою, что от глаз некоторых исследователей совершенно ускользнуло значение собраний и совещаний стариков и главарей. Так, Кёрр говорит про австралийцев: «Сила, которая заставляет повиноваться обычаю, является у большей части племен силою безличною». Предыдущее изложение показало уже, насколько ошибочен подобный взгляд. Господство обычного права на самых ранних ступенях общественного развития, очевидно, не только не исключает, но, наоборот, вызывает существование известной организации общественной власти. Эта власть очень часто напоминает о своем существовании, когда дело доходит до нарушения обычного права. Она ведает дело суда и расправы: У австралийцев суд и расправа составляют общественное дело совещания стариков и главаря.

Преступления против личной собственности, преступления, которые являются едва ли не самым распространенным видом нарушения права в современном цивилизованном обществе, на наиболее ранней ступени культуры, можно сказать, еще неизвестны. Необходимые орудия, оружие и утварь каждый умеет делать и делает себе сам и не

нуждается в заимствовании у других. То же можно сказать и о предметах наиболее ценящихся украшений. К тому же на описываемой ступени культуры необыкновенно сильно развит обычай дарения. Он имеет такую силу, что просьбе другого что-нибудь подарить ему обыкновенно никто не решается отказать. Тем более, что дарящий знает, что и его встречная просьба—подарить что-нибудь—не встретит отказа.

То, что составляет общую принадлежность данной тотемической группы, охраняется ее общественной властью от нарушений собственности иноплеменниками. Таковую общественную собственностью служит кормовая область и ее естественные богатства, которые обеспечивают существование данной тотемической группы. Без разрешения ее главаря ни один иноплеменник не решится нарушить неприкосновенность области данной группы. Это было бы сочтено серьезным проступком. Хауитт приводит в пример очень наглядный случай подобного рода нарушения прав. В области одной тотемической группы, жившей около Мельбурна, находились залежи камня, который служил прекрасным материалом для каменных топоров. Слава об этих залежах была распространена далеко за пределами данной области. И вот однажды было замечено, что камень берется кем-то, не принадлежащим к данной тотемической группе. Ее главарь собрал совещание, на котором было выяснено, что похищением занимается один человек из соседней группы. К ней были посланы особые вестники, после чего произошло общее собрание членов обеих групп. Хауитт рассказывает, что «старики сидели друг возле друга, а более молодые вокруг них. Все оружие было оставлено в стане. Главарь той группы, в области которой находились сказанные залежи камня, имел рядом с собою своего друга, которому он поручил говорить за него. Названный мужчина поднялся и спросил: «Посылал ли кто-нибудь из вас молодого человека брать камни для каменных топоров?» Старики соседней группы отвечали: «Нет, мы не посылали никого». Тогда вопрошающий сказал своему посреднику: «Передай им, чтобы они приказали молодому человеку больше так не делать. Скажи им, если люди нуждаются в камне для топоров, пусть предварительно посылают к нам вестников». На это соплеменники отвечали: «Хорошо, мы будем делать так». Затем они стали строго выговаривать виновному молодому человеку и дали ему предостережение впредь так не поступать» ¹⁾.

К числу нарушений того, что составляет общественное достояние, может быть отнесено и нарушение общественных тайн. Как было замечено уже не раз, тотемические тайны самым тщательным образом хранятся туземцами от женщин, непосвященных и вообще от людей посторонних. Первые два года своей жизни среди племени Дieri

¹⁾ A. W. Howitt. «On the Organisation of Australian Tribes», стр. 110.

Гейсон тщетно пытался добиться позволения присутствовать при совещаниях стариков. Гейсон прибегал и к угрозам, и к подаркам, — ничто не помогало. Наконец, усвоив язык и обычаи соплеменников Диери, Гейсон начал действовать на их слабую сторону. Он стал убеждать их, что сам Кучи, дух чародеев, посвятил его в священные тайны племени и требует допущения его на собрания племени. Только таким путем мало-по-малу удалось Гейсону добиться позволения присутствовать на совещаниях и участвовать при совершении некоторых обрядов, пока он не внушил к себе доверия и не был принят в число вполне посвященных членов племени. Лишь тогда раскрылись пред ним священные тайны, были показаны ему чуринги, и даже стали спрашивать его мнения при обсуждении наиболее важных дел племени.

Нарушение племенных тайн влечет за собою тяжкую кару. Хауитт рассказывает, что один из соплеменников Диери, согласившийся быть проводником и сопровождать Хауитта в его путешествии чрез область этого племени, был чрез некоторое время убит своими соплеменниками по его возвращении в родное становище. Обвинение, приведшее к казни, заключалось в том, что несчастный слишком сблизился с белыми и стал их проводником.

О наказаниях за нарушение племенных тайн у племени Арунта уже говорилось достаточно. Всякое покушение на чурингохранилище данной тотемической группы со стороны постороннего имеет своим последствием смертную казнь святотатца. И предания, и действительность дают тому многочисленные примеры.

Но преступления подобного рода должны быть отнесены к числу наиболее редких. Наиболее частыми оказываются нарушения брачных обычаев.

В главе о браке уже было показано, что у австралийских племен брак определяется известными обычаями, которые охраняются общественной властью. Брачное общение лиц неподходящих брачных подразделений считается тяжким проступком. Гейсону случилось присутствовать на одном совещании стариков, на котором разбиралось преступление одного молодого человека, вступившего во временную связь с дочерью сестры своей матери, т.-е. просто-напросто с женщиной той же брачной половины, что и он сам. Совет «стариков» подробно исследовал дело и нашел, что обвинение было правильно. Молодой человек был жестоко наказан, почти убит. Хауитт прибавляет к этому сообщению, что нарушитель брачного права был бы подвергнут смерти, если бы за него не вступился один из наиболее влиятельных членов племени, который доказывал, что виновник был человеком слабоумным.

Личные столкновения на почве нарушения брачного права, например, в случае бегства с чьей-нибудь нареченной или женой, нередко ведут к крупным столкновениям; это вполне понятно, если принять во внимание, что подобный поступок является в глазах туземцев

преступлением не только против нареченного или действительного мужа женщины, но против всех тех мужчин, которые могут разделять с обиженным его брачные права на бежавшую женщину. Кроме того, бегство женщины является прямой потерей для всей той группы мужчин, по отношению к которым она стоит в положении сестры, ибо группа эта лишается предмета мены для получения жены для одного из своих членов. Потому нет ничего удивительного, что подобные случаи разрешаются при участии целых групп заинтересованных лиц, при вмешательстве общего совещания стана.

Столкновения, возникающие на этой почве, решаются обыкновенно поединком соперников; бой происходит пред лицом всего стана и бывает двух родов.

Следующий рассказ Спенсера и Гиллена ⁴⁾, повествующий о том, что в действительности случилось в недавнее время, может служить хорошим дополнением к уже сказанному на эту тему. «Один мужчина, принадлежащий к группе, жившей около 45 миль к западу от Алисских родников, убедил женщину, принадлежащую мужчине другой группы, бежать с ним от ее мужа. Муж хотя и пустился в погоню за беглецами, но не смог поймать своей жены. Беглецы направились на юг и в течение года жили среди одной отдаленной группы. В конце концов они вернулись к Алисским родникам в сопровождении некоторого числа друзей мужчины, сманившего женщину. Прибыв к стану, мужчина направился в мужскую часть стана, а женщина в женское становище. В мужской части стана немедленно же начались длинные обсуждения дела; одни высказывались за, другие против, в то время как оба мужчины, заинтересованные в деле, сидели молча. Через некоторое время мужичка, сманивший женщину, поднялся и, захватив несколько копий и щит, вышел на открытое место недалеко от становища и закричал, обращаясь к обиженному, продолжавшему оставаться на месте: «Я беру твою женщину, иди и бейся!» После этого сидящий поднялся в свою очередь и, стоя в некотором расстоянии от обидчика, начал метать в него копья и бумеранги. Обидчик искусно защищался с помощью щита, но сам не делал никаких попыток перейти в нападение. Обиженный муж, истощив запас своих копий и бумерангов, бросился на своего врага, желая вступить с ним в рукопашный бой, и стал пытаться порезать ему бедра или спину большим каменным ножом. Обидчик попрежнему изворачивался, спасаясь от ударов, и попрежнему не переходил в наступление. Наконец, зрители, повидимому, пришли к заключению, что ударов нанесено достаточно; громко крича: «Довольно! оставь его!», они растащили обоих мужчин в стороны. Между тем собрались все женщины. Оскорбленный муж направился к тому месту, где стояла его прежняя жена, схватил ее, нанес ей удар в ноги и туловище, однако явно избегая ударять в опас-

⁴⁾ Spencer and Gillen. «The Native Tribes», стр. 557—8.

ные места. Затем, бросив жену, он кинул нож в воздух и направился к становищу, громко крича своему противнику: «Получай ее совсем, я бросаю ее, я бросаю ее!» Когда он таким образом отрекся от своей жены, она стала собственностью человека, с которым бежала».

Происшествия, подобные описанному, хорошо рисуют упорядочение брачных отношений. Общественный элемент играет тут не последнюю роль. В только что описанном случае поединок, очевидно, состоялся по решению совещания «стариков» тотемической группы. Оба причастные к делу мужчины сидели молча, пока решалось их дело стариками. Здесь уместно сказать, что в некоторых случаях жена, согласно обычаю, может быть отнята у мужа, в виде наказания последнего. Так, например, если у кого-нибудь из соплеменников Арунта умирает отец его возможной или действительной жены, то мужчина этот обязан в знак горя порезать каменным ножом свои плечи. Если он этого не сделает, то будет считаться нарушившим обычай и оскорбившим всю ту группу людей, членом которой был отец его жены. В подобном случае жена оскорбителя может быть отнята у него и передана любому из мужчин подходящего брачного подразделения.

Сожитие лиц ненадлежащих брачных подразделений карается жестоко, нередко смертью. Преступники этого рода у племени Арунта носят название итурка и стоят как бы вне покровительства обычного права. Они играют роль настоящих козлов отпущения при столкновении тотемических групп между собою. Преступников подобного рода, как это будет видно из дальнейшего изложения, очень часто предают на расправу отряда мстителей тотемической группы, требующей удовлетворения за какое-нибудь причиненное ей зло. Когда представляется подобный случай, то старики той тотемической группы, к которой принадлежат виновные, держат совещание и обрекают на смерть такого-то преступно живущего мужчину или женщину. Затем, по общему решению, приглашается отряд мстителей соседней группы для исполнения приговора. Иногда уговариваются смягчить наказание, т.-е. вместо смертной казни мужчине отрезаются ноги, а женщину уродуют горячей зажигалкой. Если и после этого они будут продолжать свое незаконное сожитие, то приводится в исполнение смертный приговор.

Иногда итурка чувствует себя достаточно сильным, чтобы оказать сопротивление приговору. Но, если бы даже ему и удалось отстоять себя, то все же жизнь его становится жалкой. Он принужден жить вдали от стана под вечным страхом быть захваченным врасплох и убитым. Спенсер и Гиллен рассказывают об одном выдающемся члене племени, который убежал с женщиной неподходящего брачного подразделения. В течение двух или трех лет несчастные скитались вдали от родных мест, при чем делались многочисленные попытки их убить. Во время одной из них женщина была тяжело ранена. Но ее сожитель был очень храбрый мужчина; и после того, как он убил двух

мужчин и изранил мужа сожительствующей с ним женщины, было решено оставить его в покое. Но и после того, лишь только начнется какая-либо ссора, где ему придется принять участие, его часто клеймят презрительным именем итурка.

Личные столкновения из-за нарушения брачных обычаев и по другим поводам происходят часто. Рот описывает их очень подробно и наглядно. «Предположим, говорят он, что кто-нибудь почувствовал себя оскорбленным другим лицом. Между обоими возникают словесные пререкания, при чем пускаются в ход всевозможные ругательства и жесты, затем вдруг летит с одной стороны бумеранг, что, конечно, не остается без подобного же ответа с другой стороны. В 9 случаях из 10 друзья или жены обоих вмешиваются первыми в распрю и пытаются развести препирающихся.

«Их вмешательство может иметь успех, но может остаться без-успешным. Но если и будет достигнут мир, то лишь на короткое время, ибо каждый из противников, быть может, имеет у себя за пояском спрятанный каменный нож, который в рукопашном бою может сделать страшное дело. Если спор грозит превратиться в нечто более крупное, то обе стороны, вероятно, предпочтут отойти на некоторое расстояние от стана. При подобных драках, возникающих из личных столкновений, обыкновенно не бывает намерения убить противника, однако риск, как увидим дальше, очень велик. Дерясь большими плоскими дубинами, которые держатся обеими руками, противники стараются ударить друг друга по голове. Если пускаются в ход копыя, то действию их подвергаются лишь мясистые части тела. Если бой происходит на ножах, то стараются резать плечи и зад, нанося раны глубиной в дюйм и больше... Если противник лежит на земле спиной вниз, то уже нельзя наносить ему ударов ножом, ибо такое лежащее положение означает поражение... Часто еще до окончания боя, жены противников в свою очередь вступают между собою в столкновение, и при том не только своими языками, но и при помощи дубин.

«Все это взятое вместе с криком и плачем женщин, с воплем детей, с криками одобрения и поощрения прочих соглядатаев временно превращает место драки в настоящий ад.

«Когда, наконец, бой между двумя противниками закончен, наступает очередь стариков и пожилых людей разобрать дело, приведшее к распре, и выяснить нарушение прав. Если победителем окажется обиженный, то он должен доказать правоту своего дела, т.-е. доказать, что человек, с которым он решился самолично расправиться, сманил его жену, или навел на него «кость смерти», или вообще причинил ему какое-нибудь сильное зло. Если это доказано, то дело остается без дальнейших последствий. Если же окажется, что обиженный является таковым лишь в своих собственных глазах, но не в глазах тех, пред кем он дает ответ, и если совещание стана считает недостаточным

для поединка приводимые им побудительные причины, то победителю придется в свою очередь испытать на себе те удары, которые он нанес побежденному. Его «братья» должны будут привести его в стан, чтобы он мог подвергнуться наказанию. Если он трус, он может и убежать, но в последнем случае он не посмеет возвратиться назад. Таким образом, во всех подобных случаях личных столкновений и поединков, какие бы раны ни были нанесены побежденному, если общественное мнение «стариков» репит, что правда на его стороне, он получает право отомстить нанесенные ему раны нанесением таких же ран и таким же оружием. «Око за око, зуб за зуб».

«При поединках может случиться, что один из бойцов будет убит. В подобном случае противник, оставшийся в живых, если только он не доказал, что он был вызван на поединок и не сумеет выяснить всю случайность происшедшего, по решению собрания стана в свою очередь подвергается той же смерти. Однако, может случиться, что убитый в поединке был членом какого-нибудь соседнего племени; при таких обстоятельствах проходит иногда некоторое время, раньше чем возмездие постигнет убийцу». В подобных случаях дело всегда оканчивается мстостью, которая осуществляется различными способами. Один из этих способов мести называется у племен Арунта обычаем мстителя или «курдайча». Виновник смерти открывается без особенного труда. «Нередко случается, что умирающий прошепчет знахарю имя человека, чародейство которого привело его на смертное ложе. Если умирающий не назовет сам виновника своей смерти, то не трудно открыть его каким-нибудь способом. Быть может, копая могилу, найдут в ней отверстие, идущее по определенному направлению, которое покажет, в какой стороне находится «виновник». Последний может быть открыт даже долгое время спустя после смерти своей жертвы «по направлению норки, сделанной каким-нибудь животным с той или другой стороны могилы».

Когда предполагаемый убийца найден, собирается совещание стариков и решает, каким способом должна быть отомщена смерть. Если решено мстить по способу курдайча, то выбирается мститель. Снарядившись должным образом, курдайча отправляется в путь в сопровождении знахаря или чародея, определившего личность виновника. На ногах у курдайча надеты священные башмаки мстителя, изготовленные особым образом из перьев эму и человеческой крови. Подошва башмаков сплетается из шнурков, скрученных из человеческих волос. Башмаки эти представляют священный предмет, недоступный взору женщин, и хранятся в чурингохранилище местной группы. Чтобы надеть башмаки мстителя, человек, избранный быть курдачей, должен подвергнуться мучительной операции: малые пальцы на обеих его ногах отжигаются раскаленным камнем.

Разукрасившись и натершись углем в знак печали и горя, со щитами и копьями в руках, с чурингами в зубах, курдайча и чародей

отправляются в путь. Чуринги, по понятиям туземцев, наполняют их силою и мужеством, делают их невидимыми и недоступными для врагов, а их собственное оружие направляется прямо в цель. Вокруг стана у обоих обмотано по поясу, сплетенному из волос павшего на поле брани бойца. Эти пояса сообщают им все военные качества павшего бойца. Курдайча крадется впереди, чародей за ним. Подкравшись незаметно к своей жертве, курдайча внезапно подымается во весь рост и пронзает «убийцу» копьем. Затем мститель, исполнивший свое назначение, отходит от своей жертвы, и наступает очередь чародея. Силами своих чар и священных камней чародей совершает чудо. Втирая в рану жировое отделение своих носовых салных желез, он делает ее таким образом незаметной. Он дотрагивается до убитого священными камнями, вынутыми из своего собственного тела, и удаляется. Убитый меж тем возвращается к жизни, как ни в чем не бывало, но скоро заболевает и умирает.—Так рассказывают туземцы об обычае курдайча. Повидимому, обычай этот раньше был в большом ходу, и предания полны рассказами о нем.

Другой способ мести, обычный по отношению к иноплеменникам, совершается с помощью целого отряда мстителей. Нападение отряда мстителей на иноплеменную тотемическую группу представляет собою то, что многие писатели называли междуплеменными войнами австралийцев. На одном примере подобного столкновения тотемических групп а-рунтцев с тотемической группой племени Илияура, Спенсер и Гиллен¹⁾ очень наглядно показывают, что происходит в подобных случаях.

Однажды несколько тотемических групп племени Арунта были созваны посредством вестников, посланных главарем одной из групп с приглашением соединиться и идти войною на племя Илияура, которое занимает страну, расположенную по 80—100 миль к северу от сказанной группы. Дело в том, что северные тотемические группы племени Арунта в течение долгого времени держались племенем Илияура в постоянном страхе. Племя Илияура постоянно посылало всевозможные угрозы или по крайней мере говорилось, что оно поступало так. Надо заметить, что в подобных случаях воображение у австралийцев играет не малую роль. Многочисленные смерти, случившиеся за это время у племени Арунта, знахари приписывали злонамеренному чародейству некоторых соплеменников Илияура.

Когда соплеменники Арунта, созванные вестниками, собрались около Алиеских родников, состоялся совет «стариков», и решено было устроить набег на племя Илияура. Согласно решению, был организован особый отряд мстителей, называемый атнинга.

Когда все было готово, отряд выступил, держа путь на север. Совершив многодневный переход, отряд подошел к стану одной из

¹⁾ Spencer and Gillen.—«The Native tribes». Стр. 490—95.

групп племени Илиаура, численностью около дюжины сожитий. Около этой группы отряд стоял станом двое суток. Как водится в подобных случаях, соплеменники Илиаура послали несколько женщин в стан пришельцев, которые, однако, были посланы назад. Это было знаком, что отряд пришел не с дружественною целью, ибо женщины предлагаются с целью умиловления отряда атнинга, и общением с посланными женщинами участники отряда дали бы понять, что распря прекращается.

Среди членов осажденной местной группы племени Илиаура было два старика. С ними старики арунтцев и принялись обсуждать дело. В течение долгих переговоров, продолжавшихся целых два дня, пришельцы изложили свои обиды и самым ясным образом дали понять соплеменникам Илиаура, что они пришли с твердым намерением выполнить дело мести. В конце концов, оба старика сказали: «Не ходите дальше. Наше племя не желает враждовать с вашим. У нас тут в стане имеются три дурных человека, которых племя не любит, они должны быть убиты. Двое из них итурка (т.-е. сожительствующие с женщинами неподходящих брачных делений), третий слишком любит распри, большой чародей и не раз хвастался убийством ваших соплеменников по способу курдайча и другими чародейственными приемами. Убейте этих людей, но не трогайте прочих, находящихся в нашем стане, и мы поможем вам».

Эти условия были приняты арунтцами, и стариками обеих сторон было решено попытаться убить всех трех мужчин в следующий день. При наступлении утра старики илиаурцы отошли на некоторое расстояние от стана, развели костер и позвали к нему других мужчин. Одновременно был зажжен и другой костер в стане отряда атнинга. При наступлении дня несколько арунтцев, руководимых одним из стариков, подошли к костру илиаурцев, которые не были вооружены, и стали пытаться завести разговор с осужденными. Остальные участники отряда в полном военном «облачении», т.-е. с набеленными палками в волосах, с телами, окрашенными красною охрою, со щитами и бумерангами в руках, с чародейственными поясами, сделанными из волос умершего мужчины, незаметно подкрались и, внезапно вскочив, своими копьями пронзили сзади двух осужденных. Третий мужчина, один из двух итурка, вероятно, ночью сообразил, о чем идет дело, и незаметно скрылся из стана, захватив с собой своих женщин.

В тела убитых людей было брошено множество копий. Покончив с осужденными, отряд мстителей принялся плясать вокруг их тел. Сняв со своих голов набеленные палки, мстители разломали их на куски, а куски бросили на тела убитых. Соплеменники некоторых северных групп племени Арунта всегда носят подобные палки, когда они намерены биться серьезно...

Илиаурцы смотрели спокойно на то, как происходило убийство; и когда было все кончено, арунтцы, завлекшие убитых в ловушку,

вынули копья из их тел и передали тем, кому эти копья принадлежали. При этом предполагается, что если бы собственники сами вынули свои копья, то с ними случилась бы какая-нибудь большая беда, так как тело убитого и все, находящееся в соприкосновении с ним, является для убившего запретною вещью, до которой он не смеет дотронуться.

На обратном пути отряд мстителей разделился на несколько меньших отрядов, из которых каждый пошел в свою местность. По прибытии каждого отряда на место должны быть совершены извест-

Рис. 21. Проба щитов женщинами.

ные обряды. Отряд группы Алисских родников, который может служить примером того, что происходило в каждом случае, остановился в некотором расстоянии от глав юго стана и разукрасился посредством угольного порошка. Каждый мужчина прикрепил к своему лбу и продел чрез носовую перегородку веточки еремофилы. Показавшись в виду у главного стана, участники отряда начали возбужденную военную пляску, приближаясь в виде карэ и производя щитами такие движения, какими защищаются от бросаемых в них предметов. Этими движениями, предполагается, отгоняется душа убитого. Мужчины, бросавшие копья в приговоренных, шли первыми. Недалеко от стана они отделились от прочих и образовали растянутую шеренгу

с копьями «вольно» и держа перед собой щиты выпуклой стороной наружу. Не произнося ни одного слова, «копийщики» остановились, глядя прямо вперед. Сзади них выстроились «соглядатаи» в виде неправильного четырехугольника и с очевидным удовольствием прокричали об исходе похода. Тогда к ним стали приближаться несколько старых женщин с боевыми дубинами и подпрыгиваньем выражали свое ликование. Каждая женщина ударила дубиной по щиту каждого из копийщиков и после того то же самое было проделано при помощи бумерангов мужчинами, не участвовавшими в походе. Удары по щитам представляют собою весьма важный обряд: каждый очень внимательно прислушивается к звуку, производимому ударом; если слышится звук глухой, то, значит, собственник щита находится под чьим-нибудь враждебным влиянием и не будет жить долго; если же звук резкий и сильный, то владелец щита находится в безопасности и не является жертвой чародея. Затем было корроббори, на котором было дано представление битвы, и затем участники похода разошлись по своим огням».

Такова картина первобытной войны, служащей средством мести иноплеменикам за приписываемые им или за действительно совершенные преступления. Гейсман тоже подробно описывает посылку подобных же отрядов мстителей у племени Диери, но и вышеприведенного описания достаточно для точного представления о том, что можно назвать делом междуплеменной расправы.

О войнах австралийских племен писали в свое время и Грей, и Томас, и Годкисон, и Таплин, и Смит, и Керр, и другие наблюдатели столкновений отдельных тотемических групп. Не надо, однако, думать, что события этого рода часты в их жизни. Совершенно наоборот: обычный образ взаимных отношений тотемических групп, даже иноплеменных, имеет мирный характер; и так называемые войны австралийцев являются в действительности сравнительно редким явлением. Прежде непроверенные рассказы о «вечно истребляющих друг друга племенах австралийцев» должны быть отнесены в область вымыслов. Междуплеменные отношения австралийцев совершенно не оправдывают представления Гоббса о первобытном состоянии человечества, как о никогда не прекращавшейся войне всех против всех. Лучшим доказательством тому могут служить как формы организации австралийского тотемического общества, так и весь его строй. Этот строй сложился, очевидно, вовсе не на почве каких-либо не прекращавшихся войн, а на почве обычного образа жизни первобытных людей, постоянно бродящих в поисках за своею животною и растительною пищей.

Г Л А В А XI.

Общие соображения о степени культуры, характеризующей тотемическим обществом.

Предыдущие главы дают довольно полную картину самых различных сторон жизни того человеческого общества, которое в глазах всех серьезных исследователей является наиболее первобытным. Желая дать о нем наиболее живое, точное и наглядное представление, мы принуждены были подолгу сосредоточивать внимание читателя на образе жизни и мире понятий австралийцев, так как не существует никаких других столь же первобытных племен, вся жизнь которых была бы раскрыта и разъяснена таким тщательным образом, как сделано это австралийскими антропологами. Более того: все, что мы знаем о других наименее развитых племенах, говорит за то, что все они должны быть отнесены к разряду обществ, стоящих уже на более высокой степени развития. Это можно сказать и про веддов, и про огнеземельцев, и про готтентотов. Первые и вторые по своему общественному строю уже ни в каком случае не могут быть отнесены к дородовому тотемическому обществу. Они живут уже в родовом быту. А последние (готтентоты), долгое время считавшиеся за одно из наименее развитых племен человека, в действительности оказываются довольно опытными скотоводами, ведущими кочевой образ жизни. Оружие и орудия всех этих племен тоже свидетельствуют о более высокой степени культуры, чем та, на которой находятся австралийцы. В самом деле, что касается до материальной культуры, то спрашивается, какое другое племя дает нам пример употребления орудий столь ранних веков камня? Что же касается до общественных учреждений, то можно ли у каких-нибудь других племен найти столь живые остатки так называемого группового брака и обычаев более широкого полового общения.

Правда, мир понятий людей каменного века Австралии поражает всякого, знакомящегося с мировоззрением австралийцев, своим относительно богатым и сложным. Но это происходит только

потому, что мы до сих пор продолжаем еще оставаться в значительном неведении относительно гораздо более богатой и сложной умственной жизни более развитых племен. Конечно, сравнительно богатый мир понятий австралийцев невольно наводит нас на мысль, что и они далеко отстоят от той первобытности, которая рисуется нашему уму, когда мы думаем о самом первоначальном состоянии человека. В этом смысле и описанные нами австралийцы не могут быть названы людьми первобытными. Еще бы: от первоначального состояния человечества они отделяются целыми сотнями тысяч лет. Особые условия жизни Австралии, с ее обособленным миром наиболее архаических видов растений и животных, правда, необыкновенно сильно задержали и развитие человека. Однако, каким бы замедленным ходом ни совершалось развитие человечества на первых ступенях культуры вообще и развитие человека Австралии в частности, оно происходило и в данном случае. Об этом развитии свидетельствуют как те общественные учреждения австралийцев, которые носят на себе явный характер пережитков отдаленного прошлого, так и те, которые с полным правом могут быть названы нововведениями последних дней.

Как ни связан первобытный человек своими древними обычаями, как ни консервативен его образ жизни, однако нововведения не только возможны, но и неизбежны и на самых ранних ступенях культуры. Без этих нововведений не могло бы происходить и развитие. В некоторых случаях можно даже непосредственно видеть, как они происходят. «Наблюдая большое число соплеменников, когда они собирались вместе, чтобы в течение целых месяцев исполнять самые священные из своих обрядов,—свидетельствуют Спенсер и Гиллен¹⁾,—мы пришли к заключению, что в подобное время, когда старейшие и влиятельнейшие представители разных тотемических групп собираются вместе и когда они день за днем и ночь за ночью проводят вокруг общего огня, обсуждая дела, имеющие общий племенной характер,—в подобное время изменение обычаев становится делом вполне возможным. Среди главарей, которые сходятся вместе и руководят обрядами, всегда выделяются один или более своим умственным превосходством. Для подобного главара не представляется невозможным предложить «старикам» введение какой-нибудь перемены в обычае племени. Перемена эта обсуждается, и если собравшиеся главари придут к заключению, что она хороша и желательна, то она принимается в данной области. Что некоторое время после такого события происходит общее, гораздо более многочисленное собрание племени... Нет никакого сомнения, что на этом племенном собрании будет обсуждаться нововведение, до сих пор принятое лишь в одной из областей племени. Человек, который первым выступит на общеплеменном собрании с предложением нововведения, конечно, будет

¹⁾ Spencer and Gillen.—«The Native tribes», стр. 66 и сл.

поддержан сочленами своей группы. Естественно предположить, что они заранее согласятся насчет своевременности своего предложения. Весьма вероятно, что предлагающий найдет при этом поддержку и со стороны главарей других тотемических групп той же половины племени. Часто весь успех дела зависит от общественного положения предлагающего. Но раз выступает человек, обладающий способностями, чтобы обдумать все подробности предлагаемой перемены, то, принимая во внимание силу его тотемической группы и сочувствие других групп, можно сказать, что чувство туземцев, явно настроенное против нововведений в обычаях, завещанных предками, будет осилено, и нововведение и даже коренное преобразование будет осуществлено. Как раз, например, в настоящее время очень важное изменение племенного строя постепенно распространяется, переходя от северных тотемических групп племени Арунта к более южным. «О нововведениях и преобразованиях подобного рода свидетельствуют и многие предания австралийцев. Они говорят нам о многих переменах, происшедших в прошлом. Они называют нам даже имена великих предков-преобразователей прежнего, какого-то полустадного образа жизни и более поздних брачных обычаев и различных обрядов.

Но если тотемическое общество Австралии в настоящее время и не может быть названо первобытным человеческим обществом, оно все же остается наиболее близким к нему, и потому вполне справедливо заслуживает наибольшего внимания со стороны всех ученых, интересующихся наиболее ранним состоянием человека.

Серьезное изучение тотемического общества показывает очень убедительно, что даже и на этой ранней ступени своего развития человеческое общество расслаивается на целый ряд общественных слоев людей различного положения. Члены каждой тотемической группы распадаются на несколько слоев людей в зависимости от пола, возраста, личных способностей и влияния, и пользуются в своей среде далеко не одинаковым положением.

Расслоение на основании пола становится очевидным из наблюдения любой стороны образа жизни туземцев. Как было сказано, женщины не допускаются к тайнам племени и даже не имеют права видеть чуринг. Они не могут присутствовать на собраниях старейших и других совещаниях; и даже при исполнении корробори, на которые допускаются женщины, зрители помещаются таким образом, что передние ряды образуются мужчинами, женщины же вместе с детьми образуют собой задние ряды. Тот же самый порядок можно наблюдать и в семейной жизни, в любом шалаше, в котором муж спит первым у огня, а жена располагается уже за мужем. Женщины, наравне с детьми, явно образуют наименее правоспособный и наиболее подчиненный слой тотемического общества. Об этом свидетельствуют все наблюдатели и исследователи быта туземцев Австралии. Равенства женщин, очевидно, не приходится искать в прошлом.

Расслоение на основании возраста не менее очевидно. Уже одни описанные выше ступени посвящения достаточно убедительно говорят об этом. Условием посвящения в первые степени является просто достижение известного возраста. При посвящениях в высшие степени при этом принимаются во внимание и личные способности посвящаемого, так что случается, что иногда человек достигает весьма пожилого возраста раньше, чем ему удастся быть посвященным в высшую степень. Только посвященные в высшую степень считаются полноправными членами тотемической группы и допускаются к ее общественным тайнам и могут достигать положения ее главаря; лишь они одни могут участвовать в чародейственных обрядах умножения количества тотемического предмета, имя которого носит их группа; в их ведении находится священное чурингохранилище их группы; оно находится в ведении ее главаря, который является вместе с тем и представителем данного тотема. Но и полноправные члены данного тотема пользуются далеко не одинаковым общественным положением. Они распадаются на больших и меньших, главным образом смотря по своему возрасту. Наглядное проявление этого расслоения можно наблюдать на общем совещании любой тотемической группы, на котором более молодые члены располагаются сзади пожилых и в почтительном молчании слушают, что говорят более старые. Все наблюдатели жизни австралийцев отмечают то почтение, которое вызывает по отношению к себе зрелый и старый возраст в таком обществе, в котором старый возраст означает собою и накопленный жизненный опыт, и является равнозначным мудрости и источником знания вообще и знания прошлого племени в частности. Это значение пожилого и старого возраста вполне естественно ведет к такому общественному строю, который с полным основанием может быть назван геронтократией, т.-е. господством стариков.

Личные способности, конечно, имеют большое значение даже и в таком первобытном обществе, как австралийское. Личность способного человека выдвигается как бы сама собой, и, если он деятелен, он может получить большое влияние на окружающих его соплеменников и, несмотря на наличность более старых людей в данной тотемической группе, может стать ее главарем и приобрести еще более широкое влияние даже за пределами своей группы. Кроме главарей, в австралийском обществе имеются еще известные положения, занятие которых требует особых личных способностей. Таково, например, положение чародеев и знахарей, имеющих такое влияние на окружающих их и обладающих, по мнению их соплеменников, силою сообщаться с духами и душами предков. Конечно, личность чародея, в особенности считающегося посвященным самими духами (душами прежних чародеев-предков), пользуется при этом особым влиянием.

То же следует сказать и о влиятельнейших стариках «окнирабатах». Личность великого учителя (окнирабаты), как и личность вели-

кого чародея и главаря, невольно выделяется в среде геронтократического тотемического общества и нередко получает огромное значение. Но зато личность обыкновенного человека положительно теряется. Вся жизнь молодежи проходит в слепом подчинении старикам. Ослушаться стариков редко решаются даже и молодые мужчины. Таинства посвящения служат хорошим и убедительным объяснением того, какими средствами достигается подобное подчинение старикам. Связанная всевозможными стеснительными обычаями и ограничениями не только в области удовлетворения высших потребностей и запросов, но даже и в области удовлетворения самых низших и чисто животных потребностей (употребление пищи, брачные отношения), личность человека ни в каком случае не может считаться свободною. В какой области, спрашивается, может проявляться свободно его личная воля, когда человек связан во всех областях своей жизни бесчисленными ограничениями? Это одинаково касается как личности мужчин, так в особенности личности женщин, которые на данной ступени развития общественности начинают делаться личною собственностью определенного мужчины, не переставая еще считаться и какою-то общественною собственностью целой группы мужчин, их «возможных мужей».

Искать свободную человеческую личность на заре развития человечества столь же бесплодно, как и стремиться видеть позади себя золотой век свободы и равенства. И то и другое может служить лишь целью дальнейшего общественного развития, которое начинает идти все более и более ускоренным ходом. Правда, и современное развитие общества совершается далеко не так быстро, как желают того все сторонники лучшего будущего. Однако, все же каким ускоренным шагом происходит общественная эволюция наших дней, если сравнить ее с тем, как медленно совершалась она в тот каменный век, который совпадает с самым началом развития человечества. Ее исходный, начальный момент теряется во тьме давно минувших веков, и предполагаемое нами полустадное состояние человека вряд ли может быть разъяснено каким-нибудь иным образом, кроме указаний на общественный образ жизни стадных животных. Но что другое могут дать эти указания, кроме самых общих и лишь вероятных предположений? Изучение наиболее первобытного человеческого общества, какое только дожило до наших дней, все же остается в действительности единственным научным средством дать наиболее близкое и точное представление о первобытной культуре. Вот почему мы дали такое подробное и полное описание самых различных сторон жизни австралийцев, их учреждений и сохранившихся у них пережитков незапамятной старины. Они помогают нам составить себе наиболее точное и наглядное понятие о первобытном состоянии человечества и основных общественных учреждений. Нам остается теперь наметить общий ход дальнейшего развития человеческого общества и культуры.

Г Л А В А XII.

Родовое общество и начало истории.

Описанное нами тотемическое общество складывается на той ступени культуры, которой известны лишь грубые орудия из камня и дерева. Оно складывается на почве бродячего образа жизни, при котором существование человека обеспечивается самыми первобытными приемами охоты и ловли, собирания дико растущих плодов и разных съедобных корней. Этот бродячий образ жизни охотников, ловцов и собирателей растительной пищи историки культуры часто называли охотничьим. Они считали его наиболее первобытным, единогласно признавая, что он открывает собою древнейшую историю человечества.

Но какой образ жизни должен служить почвой для развития следующей, более высокой ступени культуры? К он д о р с э считал, что за периодом бродячего образа жизни следует кочевой период, эпоха пастушества. Третья эпоха — время оседлого быта земледельческих народов. Такое понимание последовательности великих эпох человеческой культуры в общем весьма близко к истине, и его можно назвать наиболее обычным. Уже с давних пор историки культуры делят различные племена и народности, сообразно развитию их экономического быта, на бродячие племена — охотничьи и рыболовческие, на кочевые пастушеские и оседлые земледельческие. Эта старая классификация с полным правом может считаться основной. И большинство историков культуры продолжают ей следовать и в настоящее время. Так, например, Г р о с с е, выставляя в новейшее время свою классификацию на основании экономического развития различных племен и народностей, разделил их на пять разрядов: низших охотничьих, высших охотничьих, скотоводов, низших и высших земледельцев. Как видим, новейшая классификация Г р о с с е ничем существенным не отличается от старой классификации К он д о р с э. Она лишь несколько сложнее.

В общем подобная классификация может быть признана правильной, хотя некоторые факты, собранные этнологами, показывают, что

не все племена в точности следуют такому ходу развития. В некоторых случаях племя, ведущее бродячий охотничий образ жизни, переходит от него непосредственно к земледелию, минуя кочевой период пастушества. Иногда люди еще во время бродячего образа жизни собирают семена дико растущих растений в каком-нибудь месте; случайно возвращаясь к нему через некоторое время, они подмечают, что на том же месте произошли из упавших семян новые растения, которые дают новый запас продовольствия. Факт периодического произрастания семян в определенных местностях известен даже туземцам Австралии. Но от этого знания до умения искусственно размножать растение путем посева еще далеко. Австралийская тотемическая группа людей Травяного Семени считает своим общественным делом заботиться об умножении запасов семян, имя которых носят ее члены. Но единственными средствами, при помощи которых люди, стоящие на столь первобытной ступени развития, пытаются достичь своей цели, служат особые чародейственные обряды, не имеющие ничего общего с земледелием.

Проходит не мало времени, пока от первых стремлений — умножить искусственным путем количество семянных растений — совершается, наконец, переход к умножению их посредством земледелия. Правда, случается, что до этого открытия доходят иногда отдельные группы или племена людей, ведущих еще полубродячий, полуохотничий образ жизни. В таких случаях открытие это может приводить к возникновению кочевого или, как его иногда называют, бродячего земледелия еще до возникновения скотоводческого хозяйства. И хотя приручение некоторых животных, например дикой собаки, предшествует возделыванию растений, но зато приручение крупных животных может совпадать с началом земледелия, если тому не служит препятствием климат.

В других случаях, как показывают многочисленные примеры кочевых племен различных стран света, условие степной местности и наличие легко приручаемых животных особенно благоприятствуют возникновению кочевого скотоводческого хозяйства.

Не следует, однако, думать, что этот переход к кочевому скотоводческому или бродячему земледельческому образу жизни совершается быстро и легко. Наоборот. В силу известного консерватизма, присущего всякому человеческому обществу, оно долго стремится сохранить свой прежний образ жизни, пока нужда не заставит его перейти к новым средствам обеспечения своего существования. За время этого перехода человек совершает целый ряд новых, в высшей степени полезных ему усовершенствований, открытий и изобретений в области выделки оружия, орудия и утвари. Палеолитический период, век грубо обесеченных каменных орудий, окончательно сменяется позднейшим веком прекрасно обесеченных и даже обточенных камней. Начинается выделка посуды из глины. Умножаются пред-

меты украшения. Кладется начало употреблению одежды. Прежние жилища, представляющие собою груды наваленных веток, заменяются более прочными и усовершенствованными налашами. Раскрашивание тела тотемическими рисунками с помощью глины, охры и тому подобных легко стирающихся веществ превращается в настоящую татуировку. Рисунки усложняются и совершенствуются, и искусство получает свое дальнейшее развитие.

За это время и различные общественные учреждения переживают целый ряд изменений. Как показывают, между прочим, и наиболее развитые тотемические группы австралийцев, по мере дальнейшего расслоения общества и развития личного начала, сначала, в лице наиболее выдающихся соплеменников, прежний групповой брак начинает окончательно исчезать. И хотя продолжают еще сохраняться остатки прежних обычаев даже более широкого брачного общения, однако обычной формой брака начинает быть постоянное сожитие мужчины с одной или несколькими женщинами, которые считаются его личными женами. Позднее они окончательно становятся его личною собственностью. А когда начинает, наконец, пониматься истинное значение полового акта и значение мужчины для зарождения ребенка, тогда появляется наконец и сознание кровного родства, которое становится наряду с прежнею тотемическою групповою связью. Тогда начинает исчезать и прежняя система так называемого группового «родства», оставшаяся в наследие от группового брака. Совершенно несоответствующая новым семейным отношениям система возрастно-половых групповых отношений заменяется новой системой кровного родства. Эта система родства возникает на почве окончательно сложившегося личного брака и патриархальной семьи. Вместе с тем забывается и прежнее родство по матери, — теперь родословная ведется уже по отцу. Налицо имеются условия, чтобы сложился родовой строй и чтобы прежнее тотемическое общество уступило свое место родовому.

Как показывают многочисленные примеры охотничьих и рыболовческих племен, родовое общество может слагаться и на почве охотничьего образа жизни. Но переход к кочевому земледелию и скотоводству особенно благоприятствует его развитию. Приручение животных и обладание целыми стадами скота дает человеку впервые возможность накапливать имущество в значительных размерах; и вместе с тем оно дает возможность постоянно иметь в своем распоряжении большие запасы необходимого ему продовольствия в виде мяса и молока прирученных животных. Благодаря этой возможности, охоты и ловли, собиравшие дико растущих семян и корней начинают терять свое прежнее первенствующее значение. А сообразно с этим, и самый бродячий образ жизни людей, находящихся в вечных скитаниях за своею животною и растительною пищею, изменяется теперь в образ жизни кочевников. Они следуют за постепенным передвижением своих стад,

по мере поедания последними их подножного корма. Кочевой скотоводческий образ жизни, как и переход к кочевому или бродячему земледелию, дает неолитическому человеку новые средства жизни и потому позволяет ему существовать более многочисленными обществами, чем бродячие тотемические группы. Теперь на место прежних малочисленных тотемических групп, насчитывающих 40 — 50 человек — мужчин, женщин и детей, становятся общества большей величины, которые представляют собою кровные союзы родичей или роды. Кровнородственные союзы нередко сохраняют многие черты прежних тотемических групп и продолжают называться попрежнему именами различных животных или растений; однако, они являются уже совершенно особою формою общественной организации. Эта организация особенно хорошо развивается на почве кочевого образа жизни, при котором кровная связь служит самым естественным связывающим началом, соединяющим всех людей, признающих общность своего происхождения от какого-нибудь одного, нередко сказочного, предка.

Как кочевой образ жизни охотников, пользующихся земледелием, как добавочным средством существования, так и кочевой образ жизни скотоводов впервые делает возможным продолжительное совместное сожитие многих людей, ибо он обеспечивает им необходимый постоянный запас продовольствия. Это приводит к тому, что отдельные брачные сожития родичей разрастаются в целые семейные общины. Семейные общины насчитывают среди своих членов людей, принадлежащих к трем, четырем и даже пяти последовательным поколениям. А самый род нередко обнимает собою семь, восемь и даже девять поколений. Многочисленные примеры этому можно найти и среди существующих родовых обществ Старого и Нового Света.

Каждый род представляет собою известный кровнородственный союз, который объединяет целый ряд семейных общин. По наглядному сравнению якутов, семейные общины образуют собою как бы ветви, отходящие от одного большого дерева, которым является род. Все его ветви, отдельные семейные общины, в свою очередь распадаются на меньшие ветки, т.-е. отдельные брачные сожития. Ветки кончаются отдельными листьями, членами брачных сожитий, пускающих от себя все новые и новые почки.

В первое время существования рода он представляет из себя довольно тесную общину родичей. Они сообща владеют той областью, по которой кочуют. Все члены рода связаны друг с другом круговою порукою почти во всех сторонах своей жизни. Род представляет собою весьма прочную организацию, удовлетворяющую не только потребностям мирной жизни, но и войны. Члены родов идут в битву, призывая на помощь своего родоначальника, имя которого обыкновенно служит настоящим боевым кличем. В мирное время все родичи связаны обычаем родовой мести, в случае нанесения оскорбления или причинения смерти кому-либо из родичей.

Развитие семейных общин внутри чересчур разросшегося рода получает для него очень важное значение, лишь только количество принадлежащего роду скота достигает такой величины, что подножного корму оказывается недостаточно для пастьбы этого скота в виде единого стада. Это обстоятельство делает невозможным существование такой огромной хозяйственной единицы, как разросшийся род. Неизбежно возникают меньшие хозяйственные единицы, какими и являются развившиеся внутри рода отдельные семейные общины. От дальнейшего роста и развития семейных общин зависит и дальнейшая судьба самого рода. Нераздельное существование рода целиком зависит от величины и времени существования его семейных общин. Роды, которые очень разрослись, т.е. те, которые состоят из слишком разросшихся семейных общин, просуществовавших уже 7—8—9 поколений, могут дробиться. Дробясь, они распадаются на некоторое число новых родов, смотря по количеству семейных общин, достигших до положения рода. Впрочем, быть может, гораздо чаще случается, что подобные семейные общины выделяются старым родом постепенно. Благодаря такому происхождению родов, естественно образуются роды старшие, большие, т.е. просуществовавшие большее число поколений, и роды младшие, меньшие, которые выделились сравнительно недавно.

Все эти роды общего происхождения сообща образуют кровнородственные союзы большей величины, или племена. Нередко на почве продолжительного кочевого образа жизни племена в свою очередь разрастаются и разветвляются на целый ряд новых племен, которые образуют собою целые орды. Орды современных киргизов, калмыков, равно как и средневековых татар, могут служить тому таким же хорошим примером, как и племена бедуинов.

Родовое общество, разросшееся в большое племя или даже распавшееся на несколько племен или орд, должно иметь более сложное устройство, чем описанное нами тотемическое общество. Расслоение родового общества происходит уже не только на основании пола и возраста, но и на совершенно иной почве. Отдельные семейные общины владеют далеко не одинаковым количеством скота и рабочей силы, кочуют не всегда при одинаковых удобных и благоприятных условиях. А это скоро приводит к значительному экономическому неравенству семейно-хозяйственных единиц племени. Благодаря различным условиям своей хозяйственной жизни, одни семейные общины беднеют и мельчают; между тем другие богатеют и размножаются, как говорится в Библии, на подобие песка морского.

Подобно семейным общинам, и самые роды бывают далеко не одинаковы. По своему происхождению и по величине роды, как и семейные общины, бывают большие и малые, старые и молодые. Все эти различия в среде родового общества имеют огромное значение. Люди худородного происхождения пользуются в нем совсем иным поло-

жением, чем благородные члены старейших и лучших родов и наиболее богатых семейных общин. И это различие между людьми «черной и белой кости» сказывается и на организации общественной власти, которая в родовом обществе, как и во всяком другом, слагается на почве его расслоения.

Отдельные семейные общины управляются своими старейшими членами. Их важнейшие общественные дела обсуждаются на собрании всех пожилых членов семейной общины.

Ее старейший член обыкновенно признается остальными ее членами своим семейным главой или большаком, если только он не обладает какими-нибудь особыми недостатками, которые лишают его возможности занимать подобающее положение. Он считается общим отцом-покровителем остальных членов семейной общины. Он заведует их общим имуществом, которым, однако, он распоряжается без контроля со стороны других, более пожилых членов. Личная собственность и на этой степени культуры еще не развита и распространяется только на женщин и на предметы личного потребления. По древнему выражению Гомера, семейный глава владычествует над всеми своими женами, детьми и домочадцами. Таков был и *pater familias* древних римлян. Таков же был и древне-еврейский патриарх.

Глава семейной общины и собрание ее пожилых членов, с которыми он совещается, — вот организация власти мельчайшей общественной единицы родового общества.

Род, объединяющий все входящие в его состав семейные общины, находит свое наиболее полное выражение на общем собрании родичей или родовом сходе. Родовой сход имеет для рода то же значение, какое имеет для каждой семейной общины собрание ее взрослых членов. На общеродовом сходе обсуждаются и решаются все важнейшие дела рода. При этом, конечно, наибольшим влиянием пользуются главы семейных общин.

Среди них глава наиболее многочисленной, зажиточной, старейшей и влиятельнейшей семейной общины пользуется наибольшим значением. Обыкновенно глава этой старейшей семейной общины признается родовым сходом главою всего рода или его родовым старейшиной. Родовой старейшина считается настоящим родоуправителем и представителем рода. Он, естественно, пользуется своим выдающимся положением в своих личных интересах и в интересах своей собственной семейной общины. Заведуя имуществом своей наиболее богатой семейной общины, он нередко считается как бы собственником ее стад. Вот почему родовые старейшины издавна носят у самых различных племен прозвище «владельцев коров». Его обнищавшие родичи, главы разорившихся общин, нередко прибегают к помощи подобного «владельца коров», и он, как, например, родовые старейшины древних шотландцев, великодушно дает им ссуду скотом. На этой чисто экономической почве впервые кладется начало господству

старейшин и лично зависимому положению обедневших людей. В то же зависимое положение становится и тот член чуждого рода, который, не имея средств заплатить за свою жену, идет выслуживать ее в другой род; при этом он отдается под покровительство родового старейшины. То же надо сказать и о беглецах-чужеродцах, которые добровольно отдаются под покровительство родового старейшины приютившего их рода. Все это возвышает родового старейшину до положения настоящего господина, окруженного толпою зависящих от него людей и слуг. Все это дает ему силу господствовать не только над прочими родичами. Все это способствует развитию того же господства старейших, которое служит как бы прообразом позднейшего сениората и слагающихся на почве сениората феодальных отношений.

Таким образом, существуя на-ряду с родовым сходом и совещанием семейных глав, родовый старейшина может достигать у кочевых народов очень высокого положения. Но еще более выдающегося положения достигает тот родовый старейшина, который в некоторых случаях выбирается на общеплеменном собрании родов их общим вождем. Правда, такой вождь обыкновенно выбирается лишь на время каких-нибудь общих совместных действий, которые предпринимаются родами племени. Таковы случаи переселения племени на новую территорию и война с иноплеменниками, которые занимают эту новую землю. Влиятельнейший родовый старейшина, избранный на общеплеменном собрании великим вождем всего племени, окруженный своими многочисленными приверженцами, нередко кажется даже своим соплеменникам настоящим повелителем. В глазах же иноплеменников он является грозным царем.

Такова организация власти родового общества, которая слагается на почве его расслоения. В глазах кочевников, столь часто обращаемых к светилам небесным, которые помогают им ночью продолжать свой переход на новое место кочевки, — в глазах кочевников, обращаемых к небу, земные отношения очень часто переносятся на небо. Первым переносится на небо их общий предок, прародитель, чье грозное имя они призывают, идя в бой. Великий земной вождь и отец постепенно становится в их глазах отцом и царем небесным. Он живет там, окруженный целой семейной общиной родичей, тоже перенесенных на небо с той же грешной земли. Как и всякий влиятельный старейшина, он не обходится без приверженцев и целой толпы слуг, которые составляют его небесное войнство. Этот небесный прародитель есть и высший судья всех живых и умерших. На суд к нему идут их души. — Так преобразуется первобытный анимизм на почве кочевого образа жизни сильно разросшегося пастушеского племени.

Таким образом общественный строй и мир понятий кочевого родового общества может достигать весьма высокого развития. Родовое общество полуохотников, полужемледельцев обыкновенно гораздо раньше переходит к оседлости, чем достигает подобного сложного

устройства. Однако, не следует думать, что переход к оседлости совершается быстро. Нет, этот процесс растягивается на очень продолжительное время. Это очень медлительный процесс, который переживается родовым обществом целыми веками.

Самую главную причину, которая побуждает родовое общество переходить к оседлому быту, всегда является недостаток жизненных средств и связанное с ним относительное перенаселение. Что касается быстроты этого перехода, то она зависит от многих внутренних и внешних условий. Главными условиями можно считать: степень высоты экономического и культурного развития данного племени, географическое положение данной страны, степень богатства или бедности растительной и животной среды, этническая среда соседей. В странах, которые представляют необозримые степные пространства, кочевые племена могут продолжать вести свой кочевой образ жизни очень долгое время. Таковы, например, кочевники внутренней Азии и других стран.

Но лишь только племенная область становится недостаточной для прокормления данного кочевого племени, а окружающие местности уже заняты другими враждебными племенами, то для дальнейшего роста и развития данного племени становится неизбежным коренное изменение кочевого образа жизни. Однако, даже при таких обстоятельствах племя долгое время пытается удержать свой прежний образ жизни. Оно всячески приспособляется к недостатку кормовых пространств. Пока не настало малоземелье, пространства эти занимают отдельными родами, точнее, их семейными общинами, чисто захватным способом. Когда же начинается утеснение, и между отдельными родами и семейными общинами начинают происходить столкновения из-за захватываемых ими земельных пространств, то уже требуется вмешательство родовых властей. Более слабые в хозяйственном отношении роды и семейные общины настаивают на переделе кочевьев, которые были захвачены более богатыми общинами. Если первым удастся одержать верх над вторыми на общеродовом сходе, то они добиваются частичного передела. Частичные переделы учащаются, а это постепенно приводит к общим периодическим переделам степных пространств. Многие кочевые и полuosедлые племена Азии и Африки дают многочисленные примеры обычая так называемого обмена кочевьев. Таким образом, при помощи переделов кочевое племя стремится приспособиться к наступающему относительно малоземелью, не покидая прежнего кочевого образа жизни.

Видя, что кормовые пространства недостаточны для прокормления своего скота, а окружающие земли заняты другими племенами, кочевое племя начинает вторгаться в области соседних племен. Если соседние племена слабее вторгающегося племени, то они обыкновенно вытесняются из своих областей. Если же соседние племена достаточно сильны, чтобы удержаться на своих местах, то нападаю-

щее племя обыкновенно ограничивается одним грабежом, угоняя скот. При подобных обстоятельствах война и грабеж соседей становится своего рода подсобным промыслом, как бы придатком к кочевому скотоводческому хозяйству. Ни для какого другого периода развития родового общества не являются столь обычными междуплеменные войны, как именно для описываемого периода, который непосредственно предшествует переходу к оседлому земледельческому быту.

Это переходное время неизбежно накладывает свой отпечаток на характер воинствующего племени и на все его общественные учреждения. Война служит самою благодатною почвою для усиления власти вождей, руководящих нашествиями и набегами на окружающие мирные племена. Эти постоянные набеги и нашествия сопровождаются обыкновенно грабежом скота и уводом женщин, которые обращаются победителями в своих жен и наложниц. На этой почве развивается так называемый хищнический брак посредством умыкания женщин. Эта форма брака совершенно ошибочно очень долгое время принималась за наиболее первобытную форму. На примере различных народностей Африки Пост показал достаточно убедительно ошибочность подобного взгляда. Иеринг едва ли не первый отметил подобное возникновение хищнического брака у индоевропейцев. Представляя собою в действительности сравнительно позднее явление, брак посредством умыкания оказывается одним из характерных учреждений, особенно свойственных описываемому периоду постоянных нашествий. На этой же почве кладется начало и рабству военнопленных. Впрочем, в описываемый момент оно еще не имеет того огромного значения, какое оно получает впоследствии, после перехода к оседлому земледельческому образу жизни, при котором появляется особая потребность в возможно большем числе рабочих рук, столь необходимых для обработки земли.

Однако, никакое кочевое племя, нуждающееся в дополнительных средствах жизни, не может вести полуразбойничий и в значительной степени паразитический образ жизни бесконечно. Рано или поздно, но в конце концов, недостаток средств продовольствия, добываемого при помощи прежних способов (охот, ловли, скотоводства), заставляет его перейти к возделыванию растений, если только, как уже было замечено, препятствием этому не служит географическое положение страны и ее климат.

Земледелие, как бы ни был первобытен первоначальный способ обработки земли, бывает главнейшим средством изменения прежнего кочевого быта племени. Правда, до тех пор, пока начавшееся возделывание растений еще не сделалось главнейшим источником существования родового общества, кочевой образ жизни его семейных общин ограничивается весьма мало. Но по мере того, как земледелие перестает быть простым дополнением к охоте или скотоводству, по мере того, как земледельце получает явное преобладание над

всеми остальными источниками пропитания, — отдельные семейные общины, становясь земледельческими, все более и более начинают прикрепляться к местам своих посевов. Правда, они все еще далеки от настоящего оседлого образа жизни. По мере истощения почвы лесных степенных пространств, захватываемых под обработку различными семейными общинами родов, места прежних посевов покидаются. Семейные общины передвигаются на новые места и, держась границ своей родовой области, захватывают в ней под свои посевы новые пространства девственной почвы. Шалаши переносятся на новое место, на котором возникает таким образом новый поселок. Вначале он мало чем отличается от становища кочевников. Но с дальнейшим развитием земледельческого хозяйства строятся более прочные и неподвижные жилища.

Иногда случается, что осевшее было племя, теснимое соседями, снимается с насиженных мест и как бы вновь начинает кочевой образ жизни, ища более удобных земель. Эпоха так называемого великого переселения народов была очень богата подобного рода явлениями. Иногда проходит очень долгое время, раньше чем данное племя окончательно станет оседлым.

С окончательным оседанием семейные общины, селящиеся отдельными поселками или деревнями, превращаются в поселковые общины. Разрастаясь и находя затруднительным свое нераздельное существование, они дробятся и образуют целый ряд новых поселков. Пока удобной свободной земли много, все эти поселки пользуются ею самым хищническим образом. Земля считается ничьей. Но в действительности она составляет общинную собственность рода, быть может, разросшегося в целое племя. Это обнаруживается в каждом случае, когда начинает чувствоваться недостаток в разных угодьях. Тогда нередко начинают происходить переделы, предпринимаемые по решению родовых сходов. Впрочем, обыкновенно перенаселение наступает сравнительно поздно, и отдельные семейные общины очень долгое время имеют возможность захватывать под обработку такое количество земли, какое только позволяет имеющееся у него число рабочих рук. В этом отношении большие семейные общины родовых старейшин, сильные, как числом голов своего скота, так и числом рабочих рук своих вольных и невольных членов, имеют все преимущества перед слабосильными общинами простых соплеменников. Значение количества наличных рабочих рук в данном случае дает себя чувствовать достаточно убедительно. Это обстоятельство побуждает падать побежденного врага и обращать военнопленных в рабов. Так на почве земледельческого образа жизни рабство получает огромное хозяйственное значение и постепенно становится весьма распространенным учреждением.

Оседлый земледельческий образ жизни мало-по-малу изменяет характер и весь внутренний строй осевшего родового общества. Осе-

дая, отдельные семейные общины, как только что было замечено, становятся поселковыми или дворовыми общинами. Они ведут свое самостоятельное земледельческое хозяйство; но земля продолжает считаться общою собственностью всех поселков, образованных семейными общинами данного рода. Таким образом прежний род превращается в одну огромную поземельную общину — волость. И наряду с прежним связующим началом кровного родства, появляется новое связующее начало соседства или землячества, имеющее чисто местный, территориальный характер. Этим кладется основа для совершенно новой — территориальной организации общества.

Но прежний родовой строй племени держится очень долго. Нередко он продолжает существовать и после того, как начинается постройка городищ, расположенные по соседству с городищем поселки сливаются в одно большое селение, которое современем при благоприятных условиях может превратиться в настоящий город. И даже тогда, когда на место прежнего рода окончательно становится соседская поземельная община, ее сход общинников очень сильно напоминает собой прежний родовой сход. А прежнее племенное собрание как бы продолжает жить в народном вече, собирающемся около главного селения племенной области.

Начальная летописная история почти всех европейских народов греко-италиков, кельтов, германцев, славян, застает их на этой ступени развития. Это — момент рождения нового общества, общества территориально-племенного, из которого современем развиваются нации. Каменные века тотемизма теряются в своей отдаленности. Век бронзы сменяется веком железным. Точно таким же образом и отжившие общественные учреждения сменяются другими. Они исчезают и отходят в область преданий. Старое общество умирает. На его место становится совершенно новое общество, свидетельствующее о вечном обновлении общественной жизни, о никогда не прекращающемся поступательном ходе всемирного культурно-исторического развития.

ПРИЛОЖЕНИЕ *).

Тотемизм и экзогамия.

а) Тотемизм.

Тотемизм, как верование в особую связь, существующую, по убеждению тотемиста, между тотемом, т.-е. каким-нибудь предметом, который по большей части бывает животным, и человеком, называющим себя по имени этого предмета, был изучаем многими учеными, начиная с Мэк-Леннана¹⁾. Эдуард Тайлор²⁾, Джон Лёббок³⁾, Андру Лэнг⁴⁾, Е. Клодд⁵⁾, Вилькен⁶⁾, Робертсон Смит⁷⁾, Герберт Спенсер⁸⁾, Липперт⁹⁾, Соломон Рейнак¹⁰⁾, Дюркгейм¹¹⁾, Жемс Фрэзер, Ван-Геннеп¹²⁾ и многие другие этнологи, историки культуры

¹⁾ J. F. Mac Lennan—«The Worship of Animals and Plants» («The Fortnightly Review», October and Nov. 1869 and Febr. 1870).

²⁾ E. Tylor—«Early History of Mankind», London 1865.

³⁾ J. Lubbock—«The origin of Civilization», London 1870.

⁴⁾ A. Lang—«Customs and Myths», London 1885; «Myth, ritual and religion», L. 1887; «The making of religion», L. 1899; «Magic and Religion», L. 1901 и другие работы.

⁵⁾ E. Clodd—«Myths and Dreams», London 1885.

⁶⁾ G. A. Wilken—«Over de verwandschap en het huwelijks—en erfrecht bij de volken van maleischenras», L. 1883 и другие, как более ранние, так и более поздние работы, собранные в издании Ф. Е. ван Оссенбрюггена—«De Verspreide Geschriften» von G. A. Wilken. Soeraboya. La Haye 1912. 4 vols.

⁷⁾ Robertson Smith—«Kinship and Marriage in Early Arabia». Cambridge 1885; Его же—«Religion of Semites». Edinburgh 1889.

⁸⁾ H. Spencer—«Principles of Sociology».

⁹⁾ Lippert—«Kulturgeschichte».

¹⁰⁾ Solomon Reinach—«Cultes, Mythes et Religions». Paris 1905, 1912.

¹¹⁾ E. Durkheim—«Les formes élémentaires de la vie religieuse. Le système totémique en Australie». Paris 1912.

¹²⁾ Van Gennep—«Totémisme et méthode comparative» («Revue de l'histoire des Religions». Paris 1908); «Qu'est ce que le totémisme». («Folklore», 1911) и другие работы.

*) Извлечение из глав III и IV моей работы «Сравнительная история человеческого общества и общественных форм» (Курс генетической социологии), часть I, Петроград, 1924.

и социологи стремились выяснить и объяснить явления, известные под названием тотемизма. Но особое внимание сосредоточил на этом вопросе Джемс Фрэзер. Еще в 1887 г., когда данные, касающиеся тотемизма, были уже весьма значительны, но далеко еще не так богаты, как сейчас, Джемс Фрэзер написал свою небольшую, но скоро получившую весьма широкую известность, работу о тотемизме¹⁾. Не мало внимания уделил Фрэзер тотемизму и в своей «Золотой Ветви»²⁾, как называется его обстоятельная работа по сравнительной истории религий, первое издание которой вышло в 1890 г., а последнее, переработанное, появилось недавно. Самому обстоятельному изучению тотемизма Фрэзером посвящено его большое специальное исследование, его четырехтомный труд «Тотемизм и экзогамия» (J. G. Frazer—Totemism and Exogamy. A treatise on Certain Early Forms of Superstition and Society, 4 vols. London 1910), написанное уже на основании богатейших, новейших этнологических данных, доставленных в особенности австралийскими исследователями.

В своих наиболее ярко-выраженных формах тотемизм проявляется в жизни палеолитического человека Австралии. Австралийцы живут небольшими группами людей, называющих себя по большей части именами определенных животных и растений. С ними связывают они всю свою жизнь, начиная со своего происхождения. Смотрят на тотем, т.-е. на то животное и растение или какой-нибудь другой предмет, имя которого они носят, как на самих себя, т.-е. отождествляя себя с ним, как со своим предком. Объясняют свою связь с ним своим происхождением от него и заботами о своем пропитании, которое зависит, по их мнению, от умножения количеств того или иного тотемического предмета.

Большинство ученых, наиболее обстоятельно и вдумчиво изучавших явление тотемизма, Тайлор, Вилькен, Фрэзер связывают его с анимизмом. Действительно, понять должным образом тотемизм без предварительного ознакомления с анимизмом вряд ли возможно. Анимизм, как и тотемизм, представляет собой самое первобытное верование, какое только известно науке. Которое из них древнее, это еще не вполне установлено наукой. Я думаю, что по своему происхождению тотемизм еще древнее, чем анимизм.

В самом деле, трудно себе представить, чтобы до сих пор существовали люди, которые бы не признавали значения полового акта и естественности такого явления, как смерть, которые бы, в своем воображении, производили себя от различных животных, растений

¹⁾ J. G. Frazer—«Totemism». Edinburgh 1887.

²⁾ J. G. Frazer—«The Golden Bough. A study in comparative Religion». 2 vols. London, New-York 1890, трехтомное издание 1900 года и еще более полное новейшее издание.

и даже предметов, кажущихся нам неодушевленными, и не верили в смерть, как полное прекращение жизни, считали бы своих умерших предков живыми. Однако, такие люди все-таки существуют. Палеолитический человек Австралии может служить в данном отношении самым наглядным примером. Австралийцы до сих пор еще не признают действительного значения полового акта и не считают естественным явления смерти, хотя они и убеждены, что понимают эти явления чуть ли не лучше нас. Их способы мышления, точно так же основанные на наблюдении и опыте, на памяти и воображении, как и наши, отличаются от нашего, главным образом, преобладанием веры над знанием. И это весьма понятно, так как накопление знаний у них ограничивается очень узким кругом представлений, унаследованных от предков посредством словесной передачи, и расширяется опытом жизни в очень тесном кругу соплеменников. Потребность знать причины явлений при недостатке запаса знаний всегда удовлетворяется с помощью воображения, которое, если оно не поколеблено жизненным опытом, превращается в веру, заменяющую собой действительное знание, представляющее собой совокупность умозаключений, сделанных на основании наблюдений и опыта.

Разнообразные теории давались в объяснение явлений, входящих в состав той совокупности явлений, которая называется тотемизмом. Некоторые теории явно несостоятельны. Такова, например, теория Герберта Спенсера, который видел в тотемических названиях людей лишь прозвища, дававшиеся им их соплеменниками на основании сходства качеств данного человека с качествами предмета, именем которого называется тот или иной человек, как храбрый называется Львом, хитрый Лисою, коварный Змеею и проч. Подобные прозвища существуют у всех нам известных народов, но вряд ли они имеют какое-нибудь отношение к тотемизму. Подобного же рода было и объяснение Лёббока. Вилькен, обладавший обширными знаниями в области этнологических данных о малайских племенах Индийского Архипелага, объяснял тотемизм с помощью анимизма, говоря: «мы видим, что среди народов Индийского архипелага учение о переселении душ обыкновенно приводило к мысли о родстве человека или о его происхождении от некоторых животных, которые, поднятые таким образом на высоту предков, почитаются точно так же, как почитаются прочие предки»¹⁾. Но установление некоторой связи тотемизма с анимизмом не является объяснением происхождения тотемизма. Утверждение Вилькена, что «учение о переселении душ обыкновенно приводило к мысли о родстве или о происхождении человека от некоторых животных», самое большое, может быть названо

¹⁾ G. A. Wilken—«Het Animisme bij de Volken van den Indischen Archipel» («De Indische Gids», June 1884 p. 997). Приведено у J. G. Frazer—«Totemism and Exogamy». Vol. IV, p. 45.

лишь установлением непонятого факта, но не его объяснением. В самом деле, вопрос: почему учение о переселении душ могло и должно было приводить человека к мысли о его родстве или о его происхождении от некоторых животных, остается без ответа, а самый факт—необъясненным и непонятым. То же самое можно сказать и о многих других исследователях, утверждавших, по примеру Вилькена, существование связи между тотемизмом и анимизмом. Все они оказались бессильны разрешить главный вопрос тотемизма, вероятно, по неимению достаточных данных для его разрешения. Этого вопроса не мог разрешить и сам Тайлор, который в своих объяснениях, собственно говоря, не пошел дальше Вилькена, даже тогда, когда уже стали известны первые сообщения Балдуина Спенсера и Фредерика Гиллена об их замечательных открытиях в области австралийского тотемизма, исследованного только что упомянутыми австралийскими учеными у племени Арунта.

Спенсер и Гиллен нашли у племени Арунта не только различные места убежища душ, но и особые священные предметы, так называемые «чуринги», каменные и деревянные, служащие, по понятиям туземцев, вместилищем душ их животных и растительных предков. Это обстоятельство побудило Тайлора снова обратиться к теории анимизма и к учению о переселении душ для объяснения происхождения тотемизма.

Вот что писал по этому поводу Эдуард Тайлор в 1889 г. в XXVIII томе «Журнала Антропологического Института»: «Истолкование арунтских тотемов, как происходящих от передачи душ, переносимых через посредство священных предметов, не только понятно, но быть может представляет собой единственную ясно сформулированную схему тотемизма, уже описанную, которая является понятной на любой ступени развития анимистических начал дикарей. В этом отношении австралийская схема замечательно отличается от большинства тотемических схем таковых, какова алгонкинская схема Америки, в которой отношение человека к животному—тотему его клана—темно, вероятно потому, что большинству иностранцев, описывавших это отношение, не удалось установить имеющуюся духовную связь. Важной чертой тотемической схемы Арунта является ее согласие с теорией Вилькена, который выводит ее из учения о переселении душ. Столь замечательный новый элемент, брошенный в середину старых данных Австралии, Америки и других стран, должен служить антропологам предостережением против преждевременного формулирования теорий происхождения тотемов, в особенности при отсутствии полной тождественности свидетельств, касающихся связанных с ними анимистических идей» ¹⁾.

¹⁾ «Journal of the Anthropological Institute». Vol. XXVIII. 1889 p. 280. June. Remarks on Totemism.

Признание Т а й л о р о м в 1899 г. преждевременности теорий, даваемых с целью объяснения происхождения тотемизма, вряд ли свидетельствует о полной понятности австралийского тотемизма в то время.

Тотемизм австралийцев имеет бесспорно особо важное научное значение, так как он представляет собой наиболее первобытную форму тотемистических мировоззрений и при том существующую в Австралии не в виде какого-нибудь пережитка, а в виде еще развивающегося мировоззрения.

За отсутствием места я не считаю возможным касаться здесь различных теорий, дававшихся различными учеными в объяснение происхождения австралийского тотемизма, и останавливаюсь лишь на теории Д ж е м с а Ф р э з е р а, изложенной в его обстоятельном исследовании о тотемизме и экзогамии. В этой работе Ф р э з е р говорит о том, что он сам был принужден неоднократно менять свои предположения о происхождении тотемизма и изменять теорию, даваемую в его объяснение.

Как было сказано, все австралийцы всегда называют себя именами различных животных и растений, от которых ведут свое происхождение. Местные подразделения любого австралийского племени представляют собой незначительные группы в несколько десятков сообща живущих мужчин, женщин и их детей, носящих обыкновенно определенное тотемическое наименование людей кэнгуру, или людей эму, людей игуанов, людей ящериц и т. д. Вся область, по которой бродит подобная группа охотников и ловцов животных и собирателей растений, покрыта различными убежищами душ их умерших предков. От вхождения этих душ предков в тела мимо проходящих женщин, по убеждению австралийцев, и рождаются дети, конечно, того же самого тотема, что и вошедшая в их утробу душа. Если в утробу женщины кэнгуру войдет душа человека-кэнгуру то рождается человек-кэнгуру. Если в утробу ее, когда ей случится проходить через область людей эму, войдет душа человека-эму, то она тогда родит, конечно, не человека-кэнгуру, а человека-эму и т. д.

По поводу этих фактов Д ж е м с Ф р э з е р весьма основательно замечает: «Очевидно, однако, что такое понимание зачатия еще не объясняет само по себе тотемизма. Но оно как раз останавливается на один шаг от этого объяснения. То, что по воображению женщины входит в ее тело при зачатии, есть не животное, не растение, не камень и не что-нибудь иное, а только человеческая душа ребенка, которая имеет своим тотемом какое-нибудь животное, растение, камень или что-нибудь иное. Если бы женщина предполагала, что то, что входит в нее в критический момент, было какое-нибудь животное, растение, камень или что-нибудь иное и что ребенок, когда он родится, был бы этим животным, растением или камнем в человеческом образе, тогда мы имели бы полное объяснение тотемизма, так как сущность тоте-

мизма, как это я повторно указывал, состоит в отождествлении человека с каким-нибудь предметом: животным, растением или каким-нибудь иным. И это отождествление было бы полным, если бы человек считал себя тем же самым предметом, животным, растением или чем-нибудь иным, что вошло в утробу его матери при зачатии и вышло из нее при рождении ребенка. Соответственно я умозаключил, что центрально-австралийские верования, касающиеся зачатия, находятся лишь в одном переходе от безусловно первобытного тотемизма, который, по моей теории, должен состоять не больше и не меньше, чем в веровании, что женщина оплодотворяется без помощи мужчин, чем-то, что входит в нее в тот самый момент, когда она впервые почувствует движение в ее матке. Подобное верование объяснило бы в совершенстве сущность тотемизма, т.-е. отождествление целых групп людей с группами различных предметов. Таким образом, если я был прав, ключ к пониманию тотемизма был найден как раз там, где мы с наибольшим вероятием могли найти его, а именно в верованиях и обычаях наиболее первобытных людей—тотемистов, какие нам только известны, т.-е. у туземцев Австралии¹⁾.

«Однако, одного звена в цепи доказательства все-таки недоставало,—говорит Фрэзер.—Но три года после того, как я предложил свою теорию,—продолжает Фрэзер,—недостающее звено было найдено; прорванная цепь была замкнута исследованиями д-ра У. Х. Р. Риверса²⁾.

Дело в том, что этнологические исследования д-ра Риверса, произведенные на Бэнковских островах, показали, что на некоторых из этих островов многие их обитатели отождествляют себя с известными животными и плодами и верят, что сами они обладают качествами и характером этих животных или плодов. «В полном соответствии с подобным представлением эти островитяне отказываются употреблять в пищу животных и растения этих сортов на том основании, что делать это было бы своего рода каннибализмом... В обоснование своей веры и подобного своего поведения они говорят, что их матери были оплодотворены вхождением в их матки душ животных и плодов и что они сами суть не что иное, как особое животное или растение, которое в свое время нашло себе помещение в теле их матери, а потом родилось на свет с внешним и обманчивым сходством с человеческим существом³⁾.

Мне, впрочем, кажется, что эти интересные сообщения д-ра Риверса, приводимые Фрэзером в подтверждение его предположений, не могут иметь того научного значения, какое придает

¹⁾ J. G. Frazer—«Totemism and Exogamy». Vol. IV. «The Origin of Totemism» p.p. 58—59.

²⁾ W. H. R. Rivers—«Totemism in Polynesia and Melanesia». Journal of the Royal Anthropological Institute, XXXIX (1909).

³⁾ J. G. Frazer—«Totemism and Exogamy». Vol. IV, p. 59—60.

им Фрэзер. Дело в том, что население Северных Ново-Гибридных островов, в число которых входят Торресовские и Банксские острова, слишком далеко от первобытности, чтобы могло сохранить какие-нибудь иные остатки первобытного анимизма, кроме поверий. А верования в то, что тотемическое животное и человек, носящий его имя, в сущности суть одно и то же и что люди-кэнгуру, люди-ящерицы, люди-травяные семечки ведут свое происхождение от животных и растений—подобные верования господствуют среди австралийцев. Хотя австралийцы и говорят, что происходят от людей-кэнгуру, от людей-змей, от людей-ящериц и т. д., но, когда начинаешь допытываться у них определения их предков, то в ответ они говорят такие вещи, что даже трудно понять, о чем они говорят: о людях, только носящих животные имена, или о животных и растениях, воплощающихся в людей. Поэтому можно вполне согласиться с заключением Фрэзера, который говорит, что «в теории зачатия мы, кажется, находим достаточное объяснение всех фактов и выдумок тотемизма»¹⁾.

«Итак, мы заключаем,—пишет Фрэзер,—что истинный источник тотемизма есть дикое невежество, полное непонимание физического процесса, последствием которого люди и животные воспроизводят себе подобных; в особенности же проявляется это невежество в понимании той роли, какую играют мужчины и самцы в зарождении приплода. Сколь удивительным не могло бы показаться такое невежество уму цивилизованного человека, все же даже незначительное размышление, по всей вероятности, убедит нас в том, что человечество действительно развилось из более низких форм животной жизни и что в истории человеческого рода должен был существовать период, когда полное невежество отцовства было всеобщим явлением среди людей. Та роль, которую играет женщина в воспроизведении потомства, очевидна для чувств и не может не чувствоваться даже животными. Но роль, которую играет отец, несравненно менее очевидна и является скорее предметом умозаключения, чем наблюдения. И в самом деле, как мог детский ум первобытного дикаря понять, что ребенок, который выходит из чрева, есть плод семени, которое было посеяно в это чрево еще за целых девять долгих месяцев перед тем. Как мы видим на примере туземцев Австралии, первобытный дикарь совершенно не понимает той простой истины, что семя, посеянное в землю, прорастает и приносит плод. Каким же образом, спрашивается, может он прийти к мысли, что дети суть последствия подобного же явления? Его невежество, очевидно, совершенно естественно и представляет собою необходимую ступень в ходе умственного развития человечества. Но в это время, когда он в продолжение долгих веков не мог угадать истины—каким образом происходят дети на свет,—было неизбежно, что, как только

¹⁾ J. G. Frazer «Totemism and Exogamy». Vol. IV.

он начал сколько-нибудь мыслить в этом направлении, мысли его должны были обратиться к самому важному и таинственному явлению, столь постоянно повторяющемуся перед его глазами, к существеннейшему явлению продолжения рода. И если он создавал теории в объяснение чего бы то ни было, то он естественно создал теорию в объяснение этого явления. А какая теория могла ему казаться более очевидным образом навешанной фактами, чем та, по которой дитя входит в матку своей матери в тот самый момент, когда она впервые чувствует движение плода в ней? Как мог он думать, что ребенок был в ней задолго раньше перед тем, как она почувствовала это? С его невежественной точки зрения, подобное предположение могло бы вполне показаться неразумным и нелепым. А если ребенок входит в женщину лишь при первом движении в ее матке, то может ли быть что-нибудь более естественным, чем отождествление его с чем-нибудь, что одновременно поразило ее воображение и затем пропало, быть может, самым таинственным образом? Это мог быть кенгуру, который проскакал перед ней и исчез в чаще; могла быть ревящаяся бабочка, которая пропорхала около в сиянии солнца, с металлическим блеском ее сверкающих крылышек; это мог быть пышный попугай, пронесшийся тут же, сияющий в своем мягком оперении ярко красного, малинового или оранжевого цвета. Это могли быть и лучи солнца, упавшие на нее через отверстие в лесной прогалине, или лучи месяца, сверкающие и трепещущие на поверхности воды, пока несущееся по небу облако не закроет внезапно сияющего круга. Это может быть шум ветра шелестящих деревьев или шум прибоя на каком-нибудь бурном берегу. Его глухой рев звучит в ее ушах подобно голосу духа, принесшегося из-за моря, чтобы воплотиться в ней. Действительно все, что только могло поразить воображение женщины в этот таинственный момент ее жизни, когда она впервые начинает чувствовать себя матерью, может быть ею отождествлено с ребенком, проявившим себя в ее матке. Подобные материнские выдумки, столь естественные и, повидимому, столь повсеместно распространенные, кажутся, являясь корнем тотемизма¹⁾.

Действительно, подобные материнские выдумки распространены повсеместно и общи и арийским народностям, в существовании тотемических верований которых Фрэзер несколько сомневается. Мне самому при моих столкновениях с высшей степени невежественными крестьянскими женщинами приходилось слышать от них о непорочном зачатии. Так, одна молодая крестьянка Сердобского уезда Саратовской губернии, «девушка», очевидно воспитанная в полном невежестве относительно значения полового акта, будучи, по всей вероятности, изнасилована за несколько месяцев перед тем, как она пришла ко мне, как к врачу, с жалобой на какие-то непонятные ей

¹⁾ J. G. Frazer—«Totemism and Exogamy». Vol. IV, p.p. 62—63.

ощущения в ее матке, на мои слова после осмотра ее, что она беременна несомненно, совершенно чистосердечно уверяла меня, что это могло произойти только разве от вихря, потому что она впервые ощутила в себе это непонятное чувство в тот самый момент, когда она переходила поле и когда вдруг налетевший вихрь закрутил и поднял ее одежду и чуть не сбил ее с ног своим бурным порывом. В этот самый момент она и почувствовала нечто новое внутри себя. Впрочем, такие рассказы нередки среди невежественного населения, среди которого существует поверие, что женщины могут беременеть от вихря. Невежество женщины в данном отношении нередко бывает воистину баснословной. Но непонимание момента зачатия встречается не только среди невежественных в этом отношении женщин. Мне рассказывал заслуживающий полного доверия человек об одной до известной степени образованной женщине, которая почувствовала первое движение плода в тот самый момент, когда она случайно раскрыла окно и яркий сноп солнечных лучей облил ее живительным светом. «Вот в этот самый момент,—говорила она,—я почувствовала впервые в себе начало новой жизни». Если подобные чувства и представления встречаются даже и в настоящее время в среде цивилизованного человека и при этом вовсе не кажутся нам непонятными, то можно ли сомневаться в естественности и неизбежности подобных же мыслей совершенно невежественного в данном отношении первобытного человека, тотемизм которого вполне согласуется с его логикой чувств и понятий. Исходя из этого соображения, можно вполне согласиться с Джемсом Фрэзером, который в заключение своей теории тотемизма говорит¹⁾, что настоящее распространение тотемизма на большую часть мира объясняется причинами, которые в очень отдаленное время одинаково действовали среди всех рас людей, а именно неведением истинного источника происхождения ребенка и естественным стремлением объяснить его, при условии полного невежества относительно зачатия.

Действительно, действие этих причин должно быть весьма отдаленно. Доказательством могут служить понятия, распространенные в настоящее время среди австралийцев. Правда, австралийцы еще и в настоящее время не признают истинного значения полового акта для происхождения ребенка. Правда, они до сих пор еще совершенно невежественны относительно действительного момента зачатия и причин его. Однако, некоторые факты их общественной жизни показывают, что даже и австралийцы в настоящее время уже обладают некоторым, хотя и весьма смутным, сознанием значения полового общения людей. В самом деле, если бы они им совершенно не обладали, то как бы могли мы объяснить существование у австралийцев брачных ограничений, которые имеют совершенно явную и определенную

¹⁾ Frazer—«Totemism and Exogamy». Vol. IV, p. 63.

цель: не допускать полового общения между наиболее близкими друг к другу людьми: сперва между одноутробными братьями и сестрами или группами молодых мужчин и женщин, считаемых таковыми, а потом и между группами родителей и детей или между группами близких людей двух смежных поколений. Всеобщее распространение среди австралийцев обычаев уродования половых органов, в особенности мужчин, мне кажется, показывает хорошо, что им придается уже довольно важное значение, хотя при этом еще, быть может, и не понимается их настоящее назначение. Но, само собой разумеется, что эти обычаи, как и только что упомянутые брачные ограничения, по времени своего происхождения, должны быть явлениями несравненно более поздними, чем тотемизм, если он действительно порождается непониманием значения полового акта, как настоящей причины зачатия. Тотемизм, очевидно, древнее всяких брачных ограничений. Сами австралийцы считают его таковым, говоря, что они знают время, когда еще не существовало никаких брачных ограничений, но что они не знают, чтобы существовало такое время, когда бы не было тотемических групп людей, отождествляющих себя с различными видами животных, растений и других им необходимых предметов.

Чем же могло быть порождено, в самом деле, это отождествление в наивном уме первобытного человека, связанного неразрывно в течение всей его охотничьей, ловческой и собирательной жизни с окружающим его миром животных и растений, которыми он существует?

Фрэйзер, стремясь выяснить все возможные причины происхождения тотемизма, обращает наше внимание еще на одно обстоятельство, которое бесспорно может иметь некоторое значение в данном отношении. Понимая тотемизм, как первобытную теорию зачатия, придуманную человеком, не понимающим еще значения полового акта и действительного момента зачатия и допускающим возможность вхождения в утробу женщины душ самых различных существ, Фрэйзер говорит: «Если мы спросим, что в особенности могло породить эту теорию зачатия, которая кажется главным корнем тотемизма, то кажется вероятным, что, как я уже указал, преобладающее влияние должно быть приписано больному воображению беременных женщин. Поэтому, до известной степени, тотемизм может быть описан скорее как плод женской, а не мужской мысли. Хорошо известно, что мышление женщин находится в необычном состоянии в течение беременности. И это не удивительно. Присутствие в беременной женщине живого существа, вытягивающего свое питание из ее крови и растущего день ото дня, по необходимости должно влиять на весь ее телесный организм и до известной степени извращать зависящий от него умственный процесс. Одним из самых обычных симптомов этого частичного умственного расстройства является склонность женщин к особым и часто совершенно необычным родам пищи... И очень

часто случается, что после рождения ребенка женщина связывает его (в своем воображении) с тем родом пищи, к которой она была склонна и которая поддерживала и успокаивала ее в течение тяжелых и рискованных месяцев беременности¹⁾. Не отвергая некоторого значения этого факта, отмечаемого Фрэзером, я, однако, думаю, что тотемизм может быть объяснен обычными условиями охотничьего образа жизни и воображением не только женщин, но и мужчин. Воображение беременных женщин, извращающееся особенно сильно именно в период первых еще не осознанных ощущений своей беременности, могло и даже неизбежно должно было побуждать каждую женщину, не знающую действительного значения полового акта и истинного момента зачатия, объяснять его вхождением чего-нибудь постороннего в ее тело, и, конечно, именно того, что особенно поразило ее внимание в тот момент, когда она впервые почувствовала свою беременность. Очень часто это могло быть, конечно, пробегающее мимо животное, пролетающая птица или насекомое, падающий и скрывающийся от взора плод или лист и проч. Но я думаю, что тотемизм порожден не только воображением женщин, но и воображением мужчин, принужденных нередко принимать внешний вид того животного, за которым они охотятся с целью воспользоваться его мясом, как пищей. Недаром среди австралийцев так распространены предания, согласно которым их тотемические предки, для того, чтобы поестъ мяса того или иного животного, должны были всегда предварительно принимать вид этого животного, т.-е. оборачиваться, временно превращаться в него с целью обеспечения своего пропитания. Да и до сих пор еще некоторые обычаи австралийцев свидетельствуют несомненно о бесспорной связи их тотемизма с различными способами обеспечения необходимого им продовольствия. В своих «Очерках первобытной культуры» я достаточно подробно описал господствующие у австралийцев чародейственные обряды умножения количеств тех тотемических животных, которыми, согласно преданиям австралийцев, питались их предки²⁾. О том, что австралийцы питались прежде тотемическими животными и растениями, которые они могут вкушать лишь во время совершения обрядов умножения продовольствия или во время так называемых интихиум, свидетельствуют буквально все их предания, связанные с исполнением этих чародейственных обрядов, которые и совершаются всегда в тех местах, где, по преданию, их тотемические предки резали, жарили и ели соответствующих тотемических животных и где души тех и других вошли в землю, камни, утесы, деревья, или другие предметы, находящиеся в этих местах. Суще-

¹⁾ J. G. Frazer—«Totemism and Exogamy». Vol. IV, p. 65.

²⁾ К. М. Тахтарев—«Очерки первобытной культуры». Гл. VI. Тотемизм и чародейственные обряды умножения продовольствия.

ность всех этих обрядов заключается в том, чтобы выгнать тотемические души животных из мест их убежищ и загнать их в утробу пробегающих самок, которые должны от этого забеременеть и через некоторое время народить новых животных. Люди-кэнгуру достигают этого в своем воображении тем, что открывают кровь на своих жилах и орошают ею утесы и камни, служащие, по их убеждению, убежищем душ кэнгуру. Души животных-кэнгуру выгоняются таким образом из обитаемых ими камней и утесов живою кровью людей-кэнгуру, которые сами считают себя по своей природе и по своему происхождению совершенно тождественными с животными-кэнгуру. Не говорят ли все эти факты в пользу того, что первобытный человек отождествлял себя с поедаемыми им животными и растениями? Об этом свидетельствуют бесчисленные предания австралийцев, касающиеся одинаково как понятий мужчин, так и женщин. Об этом же говорят и современные тотемические запреты, которые как раз и основаны на этом отождествлении. О том же говорят и все случаи воображения беременных женщин, когда они объясняют свою беременность тем, что они съели, после чего они сразу почувствовали в себе биение новой жизни.

После всего этого мне кажется очевидным, что тотемизм действительно объясняется, во-первых, непониманием процесса оплодотворения и, во-вторых, воображением, что беременность может происходить от известного рода пищи, которую иногда можно добыть, лишь обернувшись как бы тем животным, мясом которого желательно раздобыться. Возможно, что тотемическое объяснение зачатия съеданием чего-нибудь, после введения чего женщина вдруг чувствует себя беременной, возможно, что объяснение это даже древнее анимистического объяснения зачатия вхождением детской души в утробу женщины, так как последнее объяснение все же сложнее первого и требует некоторого развития анимистических представлений, которых первое объяснение совершенно не требует, довольствуясь простым установлением одновременности двух простых сопутствующих фактов, введением в семья части какого-нибудь животного или растения с целью утоления голода и одновременного ощущения движения в матке. Последнее объяснение вполне согласуется и с преданиями австралийцев о питании их предков именно теми животными, имя которых они теперь носят; и с тем, что главнейшим и священнейшим делом членов каждой австралийской тотемической группы в настоящее время является чародейственное сотрудничество по умножению количества того животного или растения, которым преимущественно питались их предки и имя которого носят все полноправные члены данного тотемического подразделения племени.

Правда, Фрэнгер в своем последнем объяснении происхождения тотемизма не придавал того особого значения, какое могут иметь для него австралийские «интихиумы» или чародейственные обряды умножения количеств тотемических животных или растений, и какое

значение эти обряды имели в его собственном представлении, пока он не пришел окончательно к своей новой «концепциональной» или «зачаточной» теории (conceptional theory) происхождения тотемизма. Однако, до развития этой теории Фрезер считал настоящим ключом к пониманию происхождения тотемизма именно австралийские интихиумы, видя в них, как открывший и так обстоятельно описавший их Болдуин Спенсер, чародейственное сотрудничество членов тотемических групп в общественном деле обеспечения своего питания.

Какие бы объяснения ни давались, однако, происхождению тотемизма, одно, кажется, несомненно, а именно, что тотемизм есть верование, вполне соответствующее бродячему охотничьему образу жизни людей, не дошедших еще до понимания процесса оплодотворения и прорастания семени, но способных в своем воображении отождествлять себя с теми животными и растениями, увеличения количеств которых они желают так же сильно, как увеличения необходимого им продовольствия.

Во всяком случае, вне всяких сомнений то, что тотемизм, как и анимизм, суть самые ранние плоды воображения и творчества человеческой мысли и представляют собой древнейшие формы мирозерцания людей, их понятий о себе самих и об окружающей их природе, а так же и об отношении их к этой природе при данном состоянии их производительных сил. Господство тотемических и анимистических понятий и верований людей в то, что они могут влиять на производительные силы природы посредством своего чародейства, в особенности знаменательны для той низкой ступени умственного развития человечества, на которой находится палеолитический человек, дошедший уже до употребления огня и орудий, сделанных из камня и дерева, но не дошедший еще до понимания настоящей причины своего собственного появления на свет.

в) Эксогамия.

Эксогамией или внебрачием называется обычай заключения браков между членами различных племен и родов. Мак-Леннан первый из этнологов обратил внимание на этот обычай, существующий у мало развитых племен, и пытался дать ему объяснение, связав экзогамию с обычаем похищения женщин из чужеродных племен. Льюис Морган отверг теорию экзогамии Мак-Леннана, который считал экзогамный, хищнический брак первобытной формой брака. Льюис Морган доказывал, что первоначально люди вели полустадный образ жизни, не признавая никаких брачных ограничений, не зная никакой экзогамии.

Возможно, что первобытный человек действительно не знал никаких брачных ограничений, кроме тех, которые известны живот-

ным, у которых наиболее сильные и пожилые самцы присваивают себе самок и ограничивают таким образом половое общение более молодых. Существует немалое количество данных, позволяющих и побуждающих думать, что человек действительно вел первоначально полустадный образ жизни, очень близкий к стадному образу жизни животных.

Но изучение брачной жизни австралийских племен показывает, что в настоящее время она очень далека от предполагаемого первоначального полустадного общения пола, известного под названием промискуитета или беспорядочного полового общения. Брачная жизнь австралийцев ограничивается весьма строгими правилами так называемой экзогамии или внебрачности определенных подразделений племени.

Дело в том, что каждое австралийское племя, состоящее из целого ряда местных тотемических групп, бродящих по его территории, делится также на особые брачные подразделения, в состав которых входят мужчины и женщины определенных тотемических групп. Исследования Спенсера и Гиллена показали, что основная черта племенной организации Центральной Австралии, как и организации других австралийских племен, состоит в делении племен на две экзогамных брачующихся друг с другом группы. Эти два деления могут, в свою очередь, распадаться дальше, но даже у тех племен, у которых в настоящее время мы видим более двух брачных подразделений, мы до сих пор ясно различаем прежнее существование этих двух основных подразделений¹⁾. В состав этих основных подразделений племени входят определенные тотемические группы, обитающие соответствующие местности племенной области и носящие определенные тотемические наименования, по большей части имена различных животных. Так, например, племя Урабунна Центральной Австралии распадается на две внебрачные или экзогамные половины (Метурие и Кирарауа), в состав которых входят определенные местные тотемические группы, как это становится ясно из следующей таблицы.

Брачные половины. Тотемические группы.

Метурие.	{	Дикая утка.
		Цикада.
		Динго.
		Эму.
		Дикий индюк.
		Черный лебедь.
Кирарауа.	{	Облако.
		Ковровая змея.
		Узорчатая ящерица.
		Пеликан.
		Водяная курочка.
		Ворона.

¹⁾ Baldwin Spencer and F. J. Gillen—*The Native Tribes of Central Australia*. L. 1899. The Social Organization of the Tribes, p. 55.

Согласно обычаям австралийской экзогамии, брачное общение допускается лишь между женщинами и мужчинами, принадлежащими к различным брачным половинам племени, т.е., иначе сказать, между членами различных тотемических групп, входящих в состав соответствующих подразделений племени.

Брачное общение между членами тотемических групп, принадлежащими к одному и тому же брачному подразделению племени, у всех австралийских племен преследуется самым строгим образом и виновные в нарушении этого обычая экзогамии двух брачных половин племени караются очень жестоко и немилосердно, часто платясь за свое преступление своей жизнью.

Возникновение этого подразделения племени на две брачные половин, по мнению Фрэзера, специально исследовавшего этот вопрос (J. G. Frazer—«Totemism and Exogamy»), объясняется стремлением не допускать полового общения между членами тотемических групп, считающимися братьями и сестрами. Таково, повидимому, было значение введения первых брачных ограничений, существующих даже у наименее развитых племен Центральной Австралии.

У племен более развитых мы видим дальнейшее подразделение племени на меньшие брачные группы. У них каждая брачная половина племени, или класс, по терминологии Льюиса Моргана, делится, в свою очередь, на две брачные группы. При существовании этих дальнейших брачных подразделений племени, которые Льюис Морган, впервые узнавший об их существовании, назвал классами, брачные отношения допускаются лишь между членами соответствующих подразделений двух брачных половин племени.

Как и почему возникли первые ограничения этого широкого полового общения у первобытных людей, ведших образ жизни, повидимому, мало чем отличавшийся от стадной жизни животных, это очень интересный вопрос, который не легко разрешить.

Сами австралийцы объясняют возникновение у них первых брачных ограничений стремлением избежать вредных последствий полового смешения соплеменников. Действительно, существующие у австралийцев брачные ограничения и ход их развития у различных племен показывают несомненно, что они вводились с явной целью ограничить половое общение среди соплеменников. Но, спрашивается, почему могло возникнуть такое стремление у первобытных людей, которые не понимали значения полового общения для появления потомства и до сих пор, повидимому, еще не понимают и не признают истинной причины зачатия? Как могло у людей, которым были еще чужды настоящие понятия кровного родства, возникнуть представление о вредных последствиях кровосмешения и стремление не допустить его?

Дже м с Ф р э з е р, который особенно обстоятельно исследовал этот вопрос, обращается для его разрешения к биологии, и в частности к опыту животноводов. Вопрос о вреде кровосмешения для потомства остается до сих пор до известной степени все еще спорным. Но вот что считается в этом отношении уже установленным на основании весьма многочисленных опытов.

Ч а р л ь з Д а р в и н на основании собранных им опытных данных, говорил, что факты явно показывают благоприятные последствия скрещивания неродственных особей и обнаруживают, хотя и менее явно, вредные последствия размножения, происходящего в тесном, замкнутом кругу близких друг другу родственных особей. Д а р в и н говорил: «Если мы примем во внимание, что у многих организмов выработались специальные приспособления для случайного скрещивания с неродственными особями, то существование великого закона природы будет почти доказано». Под этим «великим законом природы» Д а р в и н понимал, что скрещивание животных и растений, которые не близко-родственны друг другу, весьма благоприятно и даже необходимо, а размножение в тесном кругу родственных друг другу особей, в продолжение многих поколений, губительно. Этот «великий закон природы», как называет его Д а р в и н, в применении к миру первобытных людей, в сущности есть не что иное, как закон экзогамии, открытый М а к - Л е н н а н о м и обоснованный Д ж е м с о м Ф р э з е р о м, в его новейшем научном исследовании.

Многие выдающиеся исследователи, антропологи и этнологи, сомневались в существовании подобного закона, которому явно противоречит предполагаемое существование первобытной эндогамии или смешанного полового общения близких друг другу членов небольшого первобытного племени или родственных особей стадного человеческого общества. Во вреде эндогамии сомневался и такой известный представитель французской антропологии, как П о л ь Т о п и н а р (P. Topinard — «L'Anthropologie»), и такой выдающийся голландский ученый этнолог, каким был Г. А. В и л ь к е н (G. A. Wilken — «Huweliken tusschen Bloetverwanten»). Действительно, вредные последствия эндогамии, или кровосмешения, иногда остаются совсем незаметны, т.-е. как бы не отражаются явно на отдельных особях, происшедших эндогамным путем. Представление о вырождении, как о неизбежном и чуть ли немедленном последствии кровосмешения, действительно оказалось, по меньшей мере, сильно преувеличенным. Действительно, многочисленные наблюдения скотоводов показывают несомненно, что размножение животных, производимое эндогамно, долгое время не обнаруживает вредных последствий. Однако, в конце концов, эти вредные последствия все-таки обнаруживаются в виде бесплодия последних поколений размножающихся эндогамно животных. Но, с другой стороны, и действие

«великого закона природы», о котором говорил Д а р в и н, тоже не следует понимать в слишком безусловном смысле. Исследования Ф. М а р ш а л л а показали, что кровосмешение приводит к губительным последствиям, т.-е. к бесплодию отдельных поколений, только в том случае, если эндогамное размножение продолжается слишком долгое время в одной и той же местности при неизменяющихся условиях жизни размножаемых животных. Но стоит только изменить их условия жизни, перевести этих же животных в другую местность, условия жизни в которой сильно отличаются от условий прежней местности, как производительная сила эндогамно размножающихся животных восстанавливается и опасность бесплодия, как неизбежного последствия кровосмешения, исчезает. Об этом же факте говорит и А л ь ф р е д У о л е с в своем «Дарвинизме» (A. R. W a l l a c e, «Darwinism». London 1889). У о л е с пишет ¹⁾: «Кажется вероятным, что вреден не самый способ размножения, но размножение, происходящее без необходимой перемены условий... В природе распространение видов всегда происходит на гораздо большем пространстве и проявляется в несравненно большем числе особей. Благодаря этому, очень скоро возникает органическое различие их конституций в различных местностях обитаемой области, чего не происходит при ограниченных условиях кровно-разводимых домашних животных. Принимая во внимание эти различные факты, мы заключаем, что случайное нарушение органического равновесия есть то, что необходимо для поддержания силы и плодовитости любого организма, и что это нарушение может производиться или посредством скрещивания особей различной органической конституции, или легкими случайными переменами в условиях жизни». То же самое отмечают и другие исследователи (Д ж. С е б р а й т и К а р р), говорящие, как об общеизвестном факте, о том, что перемена почвы и климата производит в конституции организма почти такое же значительное изменение, как введение свежей крови. У диких животных эти необходимые изменения происходят, повидимому, благодаря тому, что спаривание происходит между особями, живущими обыкновенно далеко не при одинаковых условиях жизни. То же самое обстоятельство, по всей вероятности, имело место и в жизни первобытных людей, находившихся в стадном или полустадном состоянии, от которого у австралийцев до сих пор еще сохраняются некоторые остатки в виде широкого полового общения, происходящего по временам между членами различных бродячих тотемических групп, собирающихся в определенное время в определенное место.

¹⁾ Привожу по Ф р э з е р у, цитирующему Уолеса. Frazer — «Totemism and Exogamy». V. IV. p. 164.

Возможно, что и между близкими друг другу членами одних и тех же полустадных тотемических групп тоже происходило половое общение. Но, по всей вероятности, если такая эндогамия продолжалась слишком продолжительное число поколений, то это, в конце концов, приводило подобные эндогамные группы людей к вымиранию, благодаря тому, что, в конце концов, они становились бесплодными. Группы же, которые размножались и экзогамно, выживали. И, чем более преобладала в них экзогамия над эндогамией, тем более плодovиты они были, а следовательно тем более было их численное преобладание. Возможно также и то, что эта экзогамия бродячих человеческих групп существовала с самого начала выделения человека из мира прочих стадных животных. Эти первобытные стадные или полустадные группы людей, размножаясь, не могли, конечно, не дробиться, когда они достигали такой численности, что не были в состоянии прокормиться с помощью своих жалких способов обеспечения продовольствия, не допускающих слишком большого и сколько-нибудь продолжительного скопления значительного числа людей в какой-нибудь одной местности. Когда такая размножающаяся полустадная группа первобытных людей распадалась на две или большее число таких же бродячих групп, расходившихся в различные стороны, в поисках за своею растительною и животною пищею, то ничто не мешало в наиболее благоприятное и изобильное время года им снова сходитьсь для широкого полового общения их членов. После распада первоначальной бродячей группы людей на две или большее число частей, или местных подразделений племени, собирающегося повременам в одно место для широкого брачного общения, части прежней единой полустадной группы оказывались уже в известной степени экзогамными и в некотором отношении являлись самостоятельными соплеменными группами, живущими при далеко неодинаковых местных условиях. Скрещивание членов таких соплеменных человеческих групп было уже безопасно для их дальнейшего размножения, и оно происходило успешно. Не это ли обстоятельство и положило начало той экзогамии, которую мы наблюдаем в жизни соплеменных тотемических групп палеолитического человека Австралии?

Подобное же мнение высказывает и Фрэзер, посвятивший столько внимания этому вопросу.

Фрэзер¹⁾, ссылаясь на показания как опытных скотоводов, так и ученых биологов, говорит: «Исходя из приведенных мною свидетельств, мы можем с полным основанием заключить, что бесплодие является неизбежным последствием эндогамного размножения, происходящего в течение многих поколений в одном и том же месте и при

¹⁾ J. Frazer—«Totemism and Exogamy». Vol. IV, p. 165.

одних и тех же условиях. Потеря плодовитости, в самом деле, «когда она проявляется, кажется, никогда не бывает безусловной и касается только единокровных животных. Таким образом это бесплодие до известной степени однородно с бесплодием несамооплодотворяющихся растений, которые не могут быть оплодотворены своими собственными пыльцами, но могут прекрасно оплодотворяться пыльцами любой другой особи того же самого вида»¹⁾. Своеобразное совпадение состоит в том, продолжает Фр э з е р, «что бесплодие является фактом, который многие более или менее первобытные народности приписывают кровосмесительным бракам, хотя этот факт не ограничивается в своем действии только женскою половиною человеческого рода, но распространяется также и на животных и растения. Так как первобытные племена не могут прийти к пониманию этого факта из опыта, то кажется, что они приходят к своим заключениям на этот счет из чисто суеверного воображения, которое ускользает от нас. Но как бы это ни было, раз половое общение близких по крови, продолжающееся долгое время, приводит к бесплодию, то становится очевидным, что всякое побуждение, будь оно чисто разумное или простое суеверие, если только оно приводит людей к избеганию и запрещению подобных кровосмесительных союзов, должно было способствовать благосостоянию общества, помогая его быстрому размножению, хотя, без сомнения, эта разборчивость, доведенная до слишком преувеличенной степени, как это мы видим, например, при существовании у некоторых австралийских племен системы восьми брачных подразделений, может оказывать противоположное действие и приобретать задерживающее влияние на рост населения. С другой стороны, поскольку данный народ не проявляет своего отвращения к кровосмешению и легко терпит его, постольку он и размножается более медленно, чем более разборчивые соседние племена. Поэтому, при соревновании, такой народ окажется в явно неблагоприятном положении. Таким образом, практика скрещивания и экзогамии способствует, а практика кровного размножения, или эндогамии, препятствует развитию всякого общества, которое усвоит эту практику в процессе борьбы за существование с последствиями выживания наиболее приспособленных. Итак, в отношении фактора, имеющего жизненное значение, т.е. возможности быстрого размножения, экзогамное общество будет более приспособленным, эндогамное окажется неприспособленным. Эти соображения отчасти могут объяснить, почему в настоящее время, а также, поскольку мы это знаем, и в течение всей истории, расы, которые практикуют экзогамию и запрещают кровосмешение, были гораздо более многочисленны, чем расы, которые практикуют эндогамию и допускают кровосмешение. Правилен также

¹⁾ Слова Д а р в и н а.

и вывод, согласно которому в борьбе за существование исчезли многие эндогамные народности, или потому, что они вымерли, или были поглощены их более сильными и плодовитыми противниками».

Итак, основные начала экзогамии по своему значению вполне совпадают с основными началами правильного животноводства. Все это совершенно ясно. Но все же продолжает оставаться непонятным одно: каким образом первобытные люди, не понимающие причины зачатия и не признающие действительного значения полового акта, могли дойти до введения брачных ограничений для обеспечения своей плодовитости?

Дело в том, что самый факт намеренного ограничения полового общения соплеменников, происходящий по настоянию наиболее старых и опытных, а следовательно и влиятельных, руководящих членов тотемических групп, остается фактом вполне установленным. Очевидным его подтверждением служит то, что и в настоящее время у австралийских племен еще продолжают вводиться дальнейшие брачные ограничения по настоянию старейших, наиболее мудрых и влиятельных членов тотемических групп. Так, наиболее отсталые племена внутренней Австралии от первоначального, простейшего подразделения племени на две брачных половины, включающие те или иные тотемические группы, переходят к более сложной брачной системе с четырьмя брачными подразделениями. А племена с четырьмя брачными подразделениями переходят к еще более сложной брачной системе с восемью брачными подразделениями.

Фр э з е р очень хорошо выясняет значение введения всех этих брачных подразделений, но и он оставляет в значительной степени необъясненным вопрос, каким образом могли вводиться брачные ограничения людьми, не понимающими действительного значения полового общения и его неизбежных последствий. Отмечая совпадение начал экзогамии с началами научного животноводства, Фр э з е р, в конце концов, говорит: «При экзогамии благотворительное действие скрещивания, которое величайшие авторитеты считают необходимым для благосостояния и даже для существования отдельных видов животных и растений, достигается раньше всего системой экзогамных классов, двух, четырех или восьми по числу, которые могут рассматриваться, как искусственно учрежденные, со специальною целью — предотвратить сожителство ближайших по крови». «Особенно замечательно, — говорит при этом Фр э з е р, — что специальная форма кровосмешения, которую предотвращает древнейшая, двухклассовая система экзогамии, особенно не допускает кровосмешения между братьями и сестрами. Эта система безусловно предотвращает подобное кровосмешение, хотя она только частично препятствует кровосмешению между родителями и детьми, которое может казаться мысли цивилизованного человека еще более возмутительным, благо-

даря различию несоответствующих поколений, а также и по другим причинам. Однако, эта решимость дикого человека положить конец сожителюству братьев с сестрами, даже до прекращения сожития между родителями и детьми, находится в полном согласии с самыми здоровыми началами биологии. Дело в том, что, как это вполне признано как животноводными-практиками, так и людьми науки, половое общение братьев с сестрами есть самая тесная и вредная форма кровосмешения, более опасная, чем сожитие матери с сыном или отца с дочерью. Полное запрещение кровосмешения между родителями и детьми было осуществлено посредством второй степени экзогамии, т.-е. четырехклассной системы».

Далее Ф р э з е р обращает внимание и на значение местной экзогамии отдельных тотемических групп, которая имеет такое важное значение для предотвращения вредных последствий браков в пределах одного и того же племени. «Зло может быть предотвращено, говорит Фрэзер¹⁾, как введением свежей крови, так и совершенно иным способом посредством простой перемены условий жизни, в особенности посредством переселения животных на некоторое расстояние и возвращения их потомства для сожития с членами семьи, оставшимися в старом местожительстве». Подсобная форма местной экзогамии, как мы можем называть ее, оказывается, действует на возрождение стада и восстановление его потерянной плодовитости. Но эта система местной экзогамии, это брачное общение членов одного и того же племени, которые живут на некотором расстоянии друг от друга, практикуется также и многими дикими племенами одновременно или вместо системы кровной экзогамии. У диких племен часто является правилом получать жен не от другого племени, но лишь из другой местности. Так, например, мы это видели, что Уаррамунга, племя Центральной Австралии, делится на два брачующихся класса, которые занимают особые области, один — северную, а другой — южную. И, как правило, северные соплеменники должны всегда брать себе жен из южной области, и обратно, все южные соплеменники должны брать себе жен из северной области. «И в самом деле,—говорит Фрэзер,—имеются некоторые основания заключать, что обычай местного обособления брачующихся подразделений племени мог быть усвоен с самого начала с целью разъединить тех лиц, половое общение которых казалось опасным для общества. Было бы трудно придумать какую-нибудь другую брачную систему, которая согласовалась бы с более здоровыми биологическими началами».

Все это не объясняет, однако, факта сознательного введения брачных ограничений людьми, не сознающими значения полового акта и истинной причины зачатия. Этот вопрос при такой постановке, кажется, является неразрешенным. Ф р э з е р пытается решить его

¹⁾ Frazer — «Totemism and Exogamy». V. IV, p. 167—168.

различным образом. Он говорит о суеверном воображении первобытных людей, которое, по совершенно непонятной для нас причине, заставило их вообразить вредные последствия кровосмешения и пытаться избежать их посредством экзогамии. Ф р э з е р говорит о грубом предугадании первобытными людьми естественной причинности бесплодия, являющегося неизбежным последствием кровосмешения. Он говорит о странной системе бессознательной мимикрии, или бессознательного подражания науке. Но все эти пояснения Ф р э з е р а кажутся мне неудовлетворительными. Мне думается, что сознательное введение каких бы то ни было ограничений полового общения с целью избежания кровосмешения могло происходить лишь при некотором, хотя, быть может, и весьма смутном понимании истинного значения полового акта теми наиболее старыми и опытными, а следовательно и наиболее влиятельными и руководящими членами племени, по почину и по предложению которых вводились эти брачные ограничения. Существующие у австралийцев обычаи всячески уродовать половые органы молодых людей, достигающих половой зрелости, тоже могут служить весьма убедительным доказательством того, что этим органам придается весьма важное значение, как и половому акту. Конечно, только допуская возможность понимания той связи, которая существует между половым общением людей и их размножением, только при этом условии и можно допустить и понять сознательное введение палеолитическим человеком Австралии брачных ограничений или учреждение так называемой экзогамии местных тотемических групп. Но такое допущение находится в явном противоречии с утверждением, что австралийцы до сих пор не признают значения полового акта, как действительной причины зачатия. В конце концов, я склонен думать, что последнее утверждение, может быть, грешит некоторым преувеличением. Правда, среди людей ранних веков камня Австралии до сих пор господствуют понятия, объясняющие беременность женщин вхождением различных душ в их утробы в момент ощущения первых движений плода. Но разве нельзя допустить, что одновременно с господством этих анимистических и тотемических понятий у первобытного человека и на самом деле появляется некоторое смутное чувство или смутное представление о действительном значении полового общения, навеянное наблюдением некоторой последовательности и таких явлений, как спаривание животных и появление их приплода. Здесь не мешает вспомнить о том, что австралийцам уже известно начало приручения животных в виде приручения ими дикой собаки. Как бы то ни было, приходится все же признать, что вопрос о сознательном введении брачных ограничений при полном господстве анимистических и тотемических понятий является недостаточно еще разъясненным.

Будем надеяться, что дальнейшие научные исследования окончательно выяснят этот вопрос, и удовлетворимся пока теми новыми

данными, которые дали нам австралийские исследователи, раскрывшие пред нами самые первобытные брачные формы палеолитического человека, какие только нам еще изучать в настоящее время в Австралии.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие автора.	5
Предисловие к 4-му изданию.	8
Введение.	11
Глава I. Наиболее ранняя ступень общественного и культурного развития человека	27
Глава II. Бродячий образ жизни австралийцев:	34
А. Понятие о тотемической группе и племени	37
Б. Повседневная бродячая и становищная жизнь австра- лийцев.	40
В. Обеспечение потребностей в продовольствии	44
Г. Оружие, орудия и материалы. Открытие и изобре- тение. Способы приготовления пищи. Одежда.	50
Глава III. Первобытный брак.	64
Глава IV. Анимизм	82
Глава V. Чародейство, обеспечение здоровья и заботы о мертвых.	93
Глава VI. Тотемизм и чудодейственные обряды умножения про- дольствия.	106
Глава VII. Детство и первые степени посвящения юношества	120
Глава VIII. Высшая степень посвящения.	130
Глава IX. Организация общественной власти и порядок ведения общественных дел в тотемическом обществе.	140
Глава X. Первобытное право. Суд и расправа у австралийцев.	151
Глава XI. Общие соображения о степени культуры, характеризуе- мой тотемическим обществом.	156
Глава XII. Родовое общество и начало истории.	166
Приложение: Тотемизм и экзогамия.	167

